

НОВЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ВЪСТНИКЪ

№ 1 (19)

2009

Москва 2009

**РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**
ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор **С.В. Карпенко**

**А.Б. Безбородов, Л.Е. Горизонтов, Е.Н. Евсеева, В.Д. Зими́на,
А.А. Киличенко́в, Т.Ю. Краси́вицкая, А.В. Круше́льников,
В.В. Минаев, В.А. Муравьев, А.С. Сенин, П.П. Шкаренков**

Издатель **С.С. Ипполитов**

Обложка **А. Надточенко**

Журнал основан в 2000 г.

Адрес редакции:
125267, Москва, Миусская пл., 6
Эл. почта: nivestnik@yandex.ru
Сайт: www.nivestnik.ru

Подписной индекс
по каталогу «Роспечати»: 36574

© Новый исторический вестник, 2009
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2009

RUSSIAN STATE UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES
INSTITUTE FOR HISTORY AND ARCHIVES

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief **S. Karpenko**

**A. Bezborodov, E. Evseeva, L. Gorizontov,
A. Kilichenkov, T. Krasovitskaia, A. Krushelnitskii,
V. Minaev, V. Muraviev, A. Senin, P. Shkarenkov, V. Zimina**

Publisher **S. Ippolotov**

Cover Designer **A. Nadtochenko**

The Journal is founded in 2000

Address:
6, Miuskaya sq., Moscow, Russia, 125267
E-mail: nivestnik@yandex.ru
Web-site: www.nivestnik.ru

Subscription index
Under the catalogue of «Rospechat'»: 36574

© by Novyi Istoricheskii Vestnik, 2009
© by Russian State University for the
Humanities, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Грешных А.Н.</i> Предание о царе Янусе в античной традиции	5
<i>Борщик Н.Д.</i> Курск и куряне в XVII в.	14
<i>Ревин И.А.</i> Истоки аграрного противостояния казаков и крестьян на Дону ...	20
<i>Мартыненко Н.К.</i> Проституция в императорской России: от запрета к легализации	30
<i>Ростиславлева Н.В.</i> Либерал Д. Ганземан и его представления о единстве Германии	38
<i>Юдина Т.В.</i> Социально-трудовые конфликты на концессионных предприятиях СССР в 1920-е гг.	45
<i>Вязова О.Г.</i> Местная власть и кооперация Чувашии в годы нэпа	54
<i>Ланской Г.Н.</i> Своеобразие экономического развития России в неопубликованном наследии М.Н. Покровского	60
<i>Гераськин Ю.В.</i> Из истории хрущевского наступления на Русскую православную церковь	71

Доклады и сообщения

<i>Дунаева А.Ю.</i> Полиция Московской губернии в начале XX в.: условия службы и материальное положение	80

Антибольшевистская Россия

<i>Иоффе Г. (Канада)</i> Революционер: Жизнь и смерть Бориса Савинкова ...	87
<i>Карпенко С.В.</i> «Брать сейчас взятку – значит торговать Россией!»: госаппарат и чиновничество врангелевской диктатуры	98
<i>Калугин Ю.</i> Кровавая Пасха: дело казака Сенина	113
<i>Новиков А.П.</i> В.М. Чернов и эсеровская эмиграция в начале 1920-х гг. ...	118
<i>Алипов П.А.</i> Историк М.И. Ростовцев: научный успех эмигранта	128

События и судьбы

<i>Таймасова Л.Ю.</i> «Дело Бомелиуса»	134

У книжной полки

<i>Конищенко Ж.Д., Юрченков В.А.</i> На пороге реформ: общественно-политическая жизнь Мордовии в первой половине 1990-х годов.	143
Содержание, авторы, аннотации	149
Contents, Authors, Summaries	155

СТАТЬИ

А.Н. Грешных

ПРЕДАНИЕ О ЦАРЕ ЯНУСЕ В АНТИЧНОЙ ТРАДИЦИИ

Проблема возможно более многосторонней реконструкции представлений римлян о различных сферах существования и проявления богов, в частности Януса, имеет принципиальное значение, когда речь идет о древнейшем периоде существования сакральных институтов. Одним из наиболее примечательных аспектов почитания Януса, зафиксированных в традиции, является ипостась его как первого царя племени латинов. Именно этот аспект представлений о Янусе в настоящее время находится в парадоксальном с историографической точки зрения положении: само существование его никогда не было обойдено вниманием ученых, и в то же время он до сих пор не получил специального освещения в современной научной литературе.

Первая попытка рассмотреть предание о Янусе с позиций исторической критики была предпринята во второй половине XIX в. А. Шwegлером. В русле гиперкритицизма и теории «этиологических мифов» он высказал мнение о позднем – не ранее I в. до н.э. – происхождении мифа о Янусе как о первом царе предков латинов¹. Такая точка зрения во второй половине XIX–первой половине XX вв. получила подтверждение и развитие у таких авторитетных исследователей, как Г. Виссова и К. Латте².

Гиперкритические тенденции отдалили возможные попытки позитивной исторической критики дошедшей до нас римской легендарной традиции, в том числе и предания о царствовании Януса, вплоть до второй четверти XX в. В середине 1920-х гг. в свет вышел 3-й том «Лексикона греческой и римской мифологии» под редакцией В. Рошера. В статье, посвященной Янусу, автор впервые предпринимает попытку установить наличие исторического зерна в легенде о пребывании Януса царем Лация. Он полагает, что подлинный смысл предания о крепости Яникуле, возведенной Янусом на одноименном холме, а также о прибытии и его самого, и Сатурна в Лаций водным путем заключается в воспоминании о большом значении как торгового порта, лежавшего у подножия Яникула, так и развития римско-этрусских отношений для жителей близлежащих холмов³. Сделанный вывод предполагает запечатление в предании о царе Янусе реалий не ранее, чем VIII в. до н.э., то есть периода латино-сабинского синойклизма, в то время как традиция относит царствование Януса к значительно более раннему периоду: не только до синойклизма, но и до Троянской войны. Таким

образом, в оценке В. Рошера миф о Янусе также предстает достаточно поздним по времени возникновения.

Знаковыми в смысле изменения отношения к мифологической традиции в трудах древних авторов явились работы А. Гренье⁴. В них содержится идея о существовании у латинов мифологии, компонентом которой являлся также и миф о земном царствовании Януса, еще на доримском этапе развития, а также в архаическую эпоху римской истории. Уже в республиканское время они были надежно забыты или, в крайнем случае, видоизменены и отражались в культе⁵.

Ж. Дюмезиль рассмотрел миф о Янусе в контексте созданной им так называемой теории «римского мифа», которая представлена во всем цикле его работ, посвященных римской религии⁶. По его мнению, наличие у римлян мифологии культового характера несомненно, но еще в древности она начала утрачивать этот первоначальный характер и подвергаться «историзации»⁷. В результате римская мифология полностью переродилась в комплекс преданий о героях ранней римской истории⁸. Следовательно, все, что выдается античными писателями за события и факты древнейшей истории Рима, имеет мифологическое происхождение и не позволяет предполагать наличие какой-либо исторически достоверной основы.

Некоторые зарубежные авторы, в частности Ж. Шмидт, продолжают придерживаться такого мнения и в настоящее время.⁹ В то же время другие исследователи в работах, опубликованных за последние 20 лет, высказывают новый взгляд: легенда о царе Янусе – «народное верование»¹⁰, восходящее к «абсолютному началу Римской истории»¹¹, а сам Янус – древнейшее исконное «праримское» божество¹².

В отечественной исторической науке концепция «римского мифа» была поддержана Е.М. Штаерман¹³, которая считает представление о Янусе как о первом царе предков латинов вторичным по сравнению с его восприятием как создателя мира и космоса¹⁴.

Наибольшее внимание легенде о Янусе уделяется в монографии Ю.Г. Чернышова¹⁵. Он склонен, с одной стороны, видеть в ней отражение таких древнейших, доримских, реалий, как «смутные воспоминания древнеиталийского населения о прибытии в страну каких-то более цивилизованных переселенцев-мореплавателей»¹⁶. Одновременно он определяет окончательную версию мифа как продукт позднейшего (начиная со II в. до н.э.) литературно-философского творчества поэтов и антикваров¹⁷.

Хронологически самая ранняя информация о Янусе как одном из прародителей римского народа содержится в «Энеиде» Вергилия (VII, 177–182; VIII, 355–358), в которой изложена официальная версия традиции о происхождении Рима¹⁸. Основой для нее послужил комплекс представлений наиболее надежных и достоверных с точки зрения самих римлян, наиболее укоренившийся в их сознании. Янус, согласно Вергилию, выступает как один из царственных предков латинов: его изваяние из кедра стояло в преддверии дворца царя Латина в ряду прочих древнейших правителей, которых

сам Вергилий называет «дедами» (“*effigies veterum avorum*”) – Итала, Сабина и Сатурна (VII, 177–182). Далее, в VIII песне, «города» Януса и Сатурна – Яникул и Сатурнию – Вергилий устами Эвандра называет самыми древними поселениями на территории будущего Рима (VIII, 355–358). В момент рассказа Эвандра они уже разрушены временем и напоминают о «стародавних временах». В свою очередь Эвандр, согласно традиции, переселился в Италию за 60 лет до Троянской войны (Dion. Hal., I, 31). Итак, Янус включен Вергилием в древнейший круг эпонимных героев латинов и рассматривается как один из их прямых предков. Время его царствования не определяется поэтом даже приблизительно, но очевидно, что от времени Троянской войны его отделяет долгий период; возможно, несколько столетий.

Наиболее подробно традиция о царствовании Януса представлена у Овидия в первой книге «Фастов» (I, 233–253). В пользу официального характера этого варианта традиции свидетельствует не только современная ему идеологическая политика Августа, но и один конкретный, весьма красноречивый художественный прием: рассказ вложен Овидием в уста самого бога Януса, что само по себе обязывало автора к тщательному отбору сведений. Итак, Овидий сообщает, что Янус царствовал на земле будущего Рима, когда туда прибыл на корабле изгнанный бог Сатурн. Янус принял его и основал свою крепость на левом берегу Тибра, на холме, названном Яникулом (I, 233–246). Такая этимология представляется вполне легитимной с точки зрения грамматики: путем прибавления суффикса *ulum*. Эпоха царствования Януса характеризуется, по Овидию, близким общением богов и людей вплоть до их проживания рядом в людских селениях, справедливым правлением и устройством общества, лишённого насилия, а основанного на совести и праве. Поэт замечает, что Янус радел не о войне, а «о мире и порогах» (I, 247–253). Таким образом, данные Овидия существенно дополняют лаконичные замечания Вергилия, одновременно полностью согласуясь с ними. Те и другие составляют, видимо, единую версию традиции о царствовании Януса на земле Лация. Янус Овидия также имеет черты эпонимного героя. Время его правления предшествует легендарному появлению в Лации Сатурна и само по себе запечатлелось в этом варианте традиции как «золотой век» мира и справедливости.

Более поздние сведения мы находим в корпусе сочинений Плутарха. Проявляя присущую ему эрудированность, он приводит все известные ему версии событий, не смущаясь их крайне противоречивым характером. Прежде всего, Плутарх пишет в «Римских вопросах», что Янус «был склонен к государственному делу и земледелию» (QR. 19). В другом параграфе того же сочинения он утверждает (причем относится к сообщаемым сведениям с подчеркнутым доверием), что именно Янус изменил образ жизни италийцев, не знавших ни земледелия, ни каких-либо законов, и ввел у них государственное устройство и научил возделывать землю (QR. 22). Далее он снова сообщает, что именно Янус дал «римлянам» государственный порядок и «добрые нравы» (QR. 41). Таким образом, у Плутарха Янус

обладает чертами культурутрегера. Эти данные Плутарха согласуются с версией Вергилия и Овидия. Это может свидетельствовать о наличии у Плутарха тех же первоисточников, что легли в основу официальной традиции о происхождении Рима.

Вместе с тем, в 41-м параграфе Плутарх сообщает, что не только Сатурн, но и ранее Янус прибыл в Италию с моря, как позднее Эвандр и Эней. А ранее, в 22-м параграфе, он излагает версию, согласно которой Янус был эллином из Перребии, то есть Фессалии, а в Италию переселился, перенял местный язык и обычаи. Перребы – жители северо-западной части Фессалии – этнически идентифицируются как пеласги¹⁹. Они упоминаются в ряде памятников римской традиции как одна из древнейших этнических страт на территории Лация, следовавшая за сикулами и аборигинами, то есть латинами (Dion. Hal. I, 19, 20; Plin. Sec. NH. III, 9, 4; Macr. Sat. I, 7). Появление пеласгов в Италии исследователи датируют эпохой поздней бронзы²⁰. Наиболее убедительным представляется мнение Де Каре, поддержанное в отечественной историографии И.Л. Маяк, что под пеласгами следует понимать переселенцев с Балкан негреческого происхождения²¹. Однако Плутарх называет Януса «эллином из Перребии». Можно предположить, что он либо не видит этой этнической разницы, либо не придает ей значения. Так или иначе, такая версия вполне объяснима в русле характерной для некоторых греческих авторов тенденции связать римскую древность с греческой, найти в них близость и даже общность, которая прослеживается не только у Плутарха, но и у некоторых других писателей, например у Дионисия Галикарнасского. Можно предполагать, что здесь для Плутарха послужил источником какой-либо труд греческого автора, посвященный италийским древностям (возможно, «История Италии» Проматиона). Вместе с тем, в тексте «Римских вопросов» Плутарх ссылается на таких признанных знатоков римской сакральной истории и практики, как Варрон (Q.R., 2; 4; 5; 27; 90; 105), Нигидий Фигул (Q.R., 21), Катон Старший (Q.R., 39), Антистий Лабен (Q.R., 46), Клувий Руф (Q.R., 107).

Наконец, в 9-й главе «Греческих и римских параллельных историй» Плутарх, с точной ссылкой на Эратосфена и Критолая, передает легенду, в которой Янус выступает вне какой бы то ни было связи с Лацием и Римом. Он предстает как один из четырех сыновей Крона и смертной женщины Энтории, дочери крестьянина Икаррия, которого Крон обучил виноделию и велел передать это знание другим людям. Но те, приняв вино за отраву, убили Икаррия, а Янус с братьями в отчаянии покончили с собой. Сатурн же поместил их на небе среди звезд (Hist. pag., 9). Очевидно, что перед нами вариант известного мифа, содержащегося у Нонна Панополитанского (Dionys. XLVII. 34–245), Гигина (Fab. 130), Аполлодора (Biblioth. I. 8. 1; III. 14. 17), Папиния Стация (Theb. XI. 644–647) и Сервия (Georg. II. 388–389). Но он имеет принципиальные отличия от классической версии Нонна и прочих указанных авторов: Крон не упоминается вообще, а дочь Икаррия не

только носит другое имя – Эригона, но предстает незамужней, ни о каких внуках Икаррия речь не идет.

Крон в греческой мифологии устойчиво отождествляется с Сатурном в римской. Не исключено, что эта аналогия, как предполагает Ю.Г. Чернышов, в действительности восходит к латинскому переводу «Священной хроники» Эвгемера, осуществленный Эннием, и имеет в таком случае позднее происхождение²². Но вне зависимости от этой аналогии, сколько-нибудь сходной трактовки образа Януса нигде более в традиции не встречается. Наконец, налицо противоречие с данными других письменных источников: там Янус старше Сатурна, так как правил в Италии до его прибытия, здесь же он является смертным внуком последнего. Плутарх передает в неизменном, по его собственным словам, виде то, что пишут греческие авторы. Для тех же вообще характерно смутное представление о том, что именно представляет собою Янус, скорее всего в силу отсутствия аналога в греческом пантеоне: это явствует из трудов греческих писателей по римской истории, которые зачастую не только не помнят его имени, но и затрудняются хотя бы в общем обозначить его черты или функции, называя его просто «древнейшим местным богом» и даже «даймоном» (Dion. Hal. Ant. Rom., III, 22; Herod. Ab exc., I. 16, 1–3). Очевидно, здесь мы имеем дело с каким-то вариантом сравнительно поздно сложившейся на греческой почве легенды, не связанной с традицией о происхождении Рима.

Дион Кассий в своей «Римской истории» указывает на Януса как на древнего героя, который оказал гостеприимство Сатурну (Exc. Peir. P. 770), находясь, таким образом, в русле официальной традиции. Но о царствовании Януса он ничего не пишет (возможно, это результат плохой сохранности фрагмента).

Также писавший по-гречески Геродиан в первой книге «Истории императорской власти после божественного Марка» сообщает, что Кронос (то есть Сатурн), лишенный власти Зевсом, стал гостем Януса – древнейшего местного бога Италии (Ab excess. I. 16. 1–3). Существенно, что Геродиан отмечает здесь автохтонность Януса.

Труд автора IV в. Аврелия Виктора «О происхождении римского народа» (Origo gent. I–III) содержит обстоятельный рассказ о том, что первым в Италии появился Янус, который и принял прибывшего позже Сатурна (Origo gent. I. 3). Именно этот последний и выступает у Аврелия Виктора как культурутрегер, научивший подданных Януса земледелию и внушивший им основы нравственной жизни (Origo gent. III. 2–3). Во время же правления Януса народ отличался дикостью нравов, жил грабежом и вообще находился на крайне низкой стадии развития (Origo gent. I. 2; III. 2–3). К заслугам Януса Аврелий Виктор относит исключительно религиозные установления (Origo gent. III. 3, 7). Янус у него также и эпонимный герой: он заложил поселение, названное Яникулом (Origo gent. II. 4), как было отмечено и у Вергилия, и у Овидия.

Таким образом, Аврелий Виктор, соглашаясь в основе легенды с существовавшей устойчивой традицией о первоначальном царствии на земле Лация Януса и последовавшем прибытии туда Сатурна, расходится с ней в определении роли Януса в культурном развитии предков римлян. Чтобы прояснить картину, следует обратиться к первоисточникам Аврелия Виктора: он опирается непосредственно на понтификальные анналы, на анналистическую традицию начиная с Фабия Пиктора, на труды антикваров Веррия Флакка и Варрона, а также на Энния и Вергилия (*Origo gent., praef.*). Такая серьезная и достоверная в основе своей источниковая база заставляет отказаться от предположения о передаче Аврелием Виктором маргинального варианта предания. Следовательно, можно допустить, что существовало два варианта легенды: более ранний, приписывающий культурную деятельность в Лации Янусу, сохранившийся у Овидия и Плутарха, и более поздний, зафиксированный у Аврелия Виктора. Хронологически же данные Аврелия Виктора близки сведениям Овидия и Вергилия.

Кроме того, Аврелий Виктор также придерживается версии о греческом происхождении Януса, но не из Фессалии, как сказано у Плутарха, а из Аттики. Янус – сын Аполлона и дочери афинского царя Эрехтея Креусы. Воспитанный в Дельфах, он был усыновлен смертным мужем Креусы царским дружинником Ксифом, который последовал в этом предписанию дельфийского оракула. Став взрослым, Янус не пожелал унаследовать отцовское царство и отправился с флотом в Италию (*Origo gent., II*).

Связь Януса с Аполлоном, видимо, не случайна. Макробий в первой книге «Сатурналий», ссылаясь на Нигидия Фигула, признанного знатока сакральной сферы, указывает на сходную функцию этих богов: «Есть и те, кто говорит, что Янус является тем же самым, что Аполлон и Диана. И они подтверждают, что в нем одном выражается и та, и другая божественная сила. Ведь, как передает также и Нигидий, у греков почитается Аполлон, который зовется «Тюрайос» (Дверной), и его алтари почитают перед дверьми, показывая саму силу входа и выхода. Тот же Аполлон у них именуется и «Агюеус» (Дорожный, Уличный), словно бы охраняющий городские дороги, ибо греки называют «агюяс» дороги, лежащие внутри городской черты. В действительности, Диане, как Тривии, они отдают власть над всеми дорогами. А у нас имя Януса показывает, что он покровительствует дверям, что подобно Тюрайосу (Дверному). Ведь и изображается он с ключом и посохом, словно он и страж всех дорог, и вожатый всех путей. Нигидий сообщал, что Аполлон – это Янус, и Диана – Яна, – приставлена буква D, которая часто ставится впереди буквы I ради благозвучия» (*Macr. Sat. I. 9*).

Все это подтверждает древность истоков предания о греческом происхождении Януса. Однако из этого не следует делать немедленный вывод о привнесении его культа в Италию микенскими греками, так как греческое происхождение культа не подтверждается имеющимися в традиции данными о формах почитания Януса.

В 1-й книге «Сатурналий» Макробия говорится о том, что италийскую землю во время царствования Януса населяли какие-то автохтоны (“*indigenae*”): «Этой областью, что ныне зовется Италией, царскою властью правил Янус, который, как говорит Гигин вслед за Протархом Траллианом, владел этой землей вместе с Камезе и наравне с индигенами, распределив власть так, что область называлась Камезенской, а крепость – Яникулом. Позднее он был отдан в единоличное царствование Янусу» (*Macr. Sat. I. 7. 19–20*). Одновременно с ними Лаций населяли и лигуро-сикулы, а вслед за ними изгнавшие их пеласги (*Macr. Sat. I. 7. 28–30*). Напомним, что, согласно одной из версий Плутарха, Янус был эллином из Перребии, то есть этнически – пеласгом. Но в данном случае встает проблема хронологического расхождения: согласно Макробию, Янус правил в Италии задолго до появления там пеласгов. Макробий приводит устойчивый вариант традиции о поселении на Яникуле, о приплывшем в Италию Сатурне, приписывает ему привнесение навыков ведения сельского хозяйства, укрепление царства и подъем благополучия подданных, а также учреждение первых религиозных обрядов и создание храмов (*Macr. Sat. I. 7. 19–22; I. 9. 2–3*). Однако у Макробия отсутствует характеристика эпохи правления Януса как времени дикости. Царствование его он находит «разумным» и «умелым», даже «искусным» (“*prudentiam sollertiamque*” – *I. 7. 20*). Следовательно, в рассказе Макробия Янус явственно наделен чертами «культурного героя». В качестве первоисточников Макробия в этой части труда фигурируют Катон Старший, Нигидий Фигул, что придает его сообщениям надежность, и Вергилий.

Еще одним автором, коснувшимся легенды о царе Янусе, является комментатор Вергилия Сервий, современник Макробия (IV в.). Его данные о царе Янусе носят фрагментарный характер. Причиной этого является, в первую очередь, комментаторский жанр его труда, состоящего из отдельных статей. Он упоминает о городе Януса на Яникуле, о прибытии к нему Сатурна (*Aen. VIII. 319*), а также о том, что укрепления, возведенные ими обоими, в период после Троянской войны были уже давно разрушены (*Aen. VIII. 355*). Далее он говорит, что Янус прибыл в Италию изгнанником на одном корабле (*Aen. VIII. 357*), очевидно перепутав его с Сатурном. В общем, следуя за Вергилием, Сервий придерживается того же официального варианта традиции.

Упомянут царя Януса и христианские апологеты – Арнобий, Пруденций и Аврелий Августин, доскональное и всестороннее знакомство которых с различными аспектами римской религиозной жизни доказано исследователями. Арнобий называет его сыном Неба и Гекаты, первым царем Италии и основателем города Яникула (*Ad nat. I. 36; III. 29*). Его данные близки к сообщению Геродиана (*Ab excess. I. 16. 1–3*).

Пруденций называет Януса в ряду прочих эпонимных легендарных предков латинов, а затем и римлян – Троса, Итала, Сабина, Пика (*Contra Symm., 232–235*), что делает несомненным его хорошее знакомство с «Эне-

идой», а также, возможно, свидетельствует о наличии общих первоисточников с официальной традицией.

В труде «О граде Божьем» Августин пишет о благосклонном приеме, оказанном Янусом Сатурну, и о разделе ими царства между собой (VII. 4). Августин, полемизируя в своем сочинении с Варроном, черпает информацию в его утраченном для нас труде «О древностях божественных и человеческих». Безусловная осведомленность Варрона в отношении священных древностей Рима служит надежным подтверждением наличия достоверного зерна в традиции о царе Янусе.

Наконец, писатель VI в. Иоанн Лид, в 4-й книге трактата «О месяцах» пишет, что Янус был героем, и что именно он впервые воздвиг не только святилища, но и простые дома, а также воздал почести богам (De mens. IV. 2). При этом он ссылается на греческого автора Демофила. Данные Иоанна Лиды абсолютно согласуются со сведениями Плутарха, что может свидетельствовать как об использовании им его трудов, так и о наличии у них обоих общего древнего первоисточника. В тексте Иоанна Лиды Янус предстает безусловным культуртрегером.

Таким образом, можно говорить об устойчивом характере традиции о царе Янусе в целом. В то же время источники, в которых она представлена, четко делятся на две группы. Очевидно, существовало две версии в рамках официальной традиции: одна из них относилась к основным культурным нововведениям именно к царствованию Януса, другая оставляла за ним лишь религиозные установления, остальное же приписывала Сатурну. В отношении представлений о происхождении Януса также существовало две версии: об автохтонном, в основе которого лежала собственно римская традиция, и о греческом. Корни этой версии сложно проследить по причине невозможности усмотреть связь почитания Януса с появлением в Лации микенских греков. Появление в Италии пеласгов также датируется позже, чем представления о времени правления Януса и Сатурна. По мнению И.Л. Маяк, археологические находки в Луни суль Миньоне вполне соответствуют первобытному облику лигуро-сикулов, а также тех, кого рассмотренные выше авторы называли “indigenae”, считая современниками Януса²³. Но нигде в традиции подданные Януса не называются сикулами. В то же время, И.Л. Маяк считает, что некоторое время сикулы и италики сосуществовали на Апеннинском полуострове²⁴.

Принимая во внимание, что позднее Янус стал одним из наиболее почитаемых богов и олицетворением древней религии в римском сознании, а также устойчивую тенденцию в традиции ставить его в ряд прямых предков латинов среди эпонимных героев и легендарных царей, то, скорее всего, в легенде о Янусе следует видеть воспоминание о первых италиках, переселившихся на полуостров в начале II тыс. до н.э.

Наконец, можно утверждать, что, несмотря на существование различных версий предания, Янус в представлении римлян безусловно обладал чертами культуртрегера. Хронология данных источников также позво-

ляет говорить, что Янус почитался как первый царь Лация начиная с до-римского времени и вплоть до эпохи поздней Империи и утверждения христианства. Следовательно, представляется ошибочной версия о позднем, республиканском происхождении мифа о Янусе.

Примечания

¹ Schwegler A. Römische Geschichte. Bd. I–II. Tübingen, 1870–1884. Bd. I. S. 218–223.

² Wissowa G. Religion und Kultur der Römer. München, 1902; Latte K. Römische Religionsgeschichte. München, 1960.

³ Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie herausgegeben von W. H. Roscher. Bd. 1–6. Leipzig, 1884–1937; Bd. 3. 1925. S. 23–24.

⁴ Grenier A. La genie romaine dans la religion, la pensée et l'art. Paris, 1925; *Id.* Les religions étrusque et romaine. Paris, 1948.

⁵ Grenier A. La genie romaine dans la religion, la pensée et l'art. P. 40.

⁶ Dumézil G. Rituels indo-européens à Rome. Paris, 1954; *Id.* La religion romaine archaïque. Paris, 1966; *Id.* Idées romaines. Paris, 1969; *Id.* Mythe et épopée. T. 1, 3. Paris, 1968, 1978; *Id.* La religion romaine archaïque avec un appendice sur la religion des Étrusques. Paris, 1987.

⁷ Dumézil G. Rituels indo-européens à Rome. Paris, 1954; *Id.* La religion romaine archaïque.

⁸ Dumézil G. Mythe et épopée. T. 1, 3.

⁹ Schmidt J. Dictionnaire de la mythologie grecque et romaine. Paris, 1993. S. 93; Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae. (LIMC). Vol. V. Fasc. 1. Zürich und München, 1990. S. 620.

¹⁰ Simon E. Die Götter der Römer. München, 1990. S. 91.

¹¹ Der neue Pauly Enzyklopädie der Antike. Vol. I–XIV. Stuttgart–Weimar, 1996–2001. Vol. V. S. 860.

¹² *Ibid.* V. S. 860.

¹³ Штаерман Е.М. Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987.

¹⁴ Там же. С. 54.

¹⁵ Чернышов Ю.Г. Социально-утопические идеи и миф о «Золотом веке» в Древнем Риме. Ч. 1. До установления принципата. Ч. 2. Ранний принципат. Новосибирск, 1994.

¹⁶ Там же. С. 41.

¹⁷ Там же. С. 36–42.

¹⁸ Маяк И.Л. Рим первых царей: Генезис римского полиса. М., 1983. С. 64.

¹⁹ Lochner-Hüttenbach F. Die Pelasger. Wien, 1960. S. 126.

²⁰ Маяк И.Л. Указ. соч. С. 86.

²¹ Там же. С. 87.

²² Чернышов Ю.Г. Указ. соч. С. 40–41.

²³ Маяк И.Л. Указ. соч. С. 84.

²⁴ Там же.

КУРСК И КУРЯНЕ В XVII в.

Характерной особенностью развития южных окраин Московского царства в XVII в. являлся процесс заселения и экономического освоения территорий, являющихся современным Центрально-Черноземным регионом. В отечественной историографии прочно утвердилась мысль, что территория Курского края представляла собой пустынные незаселенные места чуть ли не до середины XVII в. Вероятно, решающую роль в распространении подобного мнения сыграло описание этих мест в конце XVI в. митрополитом Пименом, которое впоследствии неоднократно цитировалось: «Бяше бо пустыня зело всюду, не бе бо видети тамо ничто же, ни града, ни селы, места точно пустошь все и не населено; нигде бо видети человека, точно пустыня велия и зверей множество. Стада же татарские видехом толико множество, яко же ум превосходящ – овцы, козы, волы»¹.

Описывая колонизационные потоки на южное и юго-западное порубежье, практически никто из исследователей не упоминал о возможном проживании здесь автохтонного населения. Между тем, еще Д.И. Багалея отмечал, что «прежнее население нынешней Курской губернии не исчезло после монгольского нашествия... поредело, продвинулось к северу, попряталось из степных мест в лесные, но далеко не исчезло окончательно»². И в труде «Живописная Россия» отмечается, что «юго-западная часть Курской губернии была обитаема северянами, по границе с Орловской губернией – вятичами, а юго-восток – дикое поле, был незаселен до середины XVII века»³.

По данным В.М. Проторчиной, западная часть Курского края (современные районы Рыльского и Путивля) были заселены постоянно и никогда не являлись «диким полем». Она в своем диссертационном исследовании привела большое количество сведений из источников, подтверждающих эту версию. В частности, в первой половине XVII в. через Путивль проходил путь из Москвы в Крым, сохранились путевые заметки, отписки и другие документы посланцев, свидетельствующие о том, что местность была обитаема⁴.

В историографии неоднократно излагался сюжет о том, что Курск был заново отстроен в 1596 г. Но известны и факты существования Курска ранее, во времена правления Ивана IV. Со ссылкой на разрядные книги отмечалось, что «между 1 сентября 1556 г. и 31 августа 1557 г. здесь стоял отряд воевод Михаила Репнина и Петра Татеева»⁵.

По мнению В.О. Ключевского, основанием для начала строительства Курского острога стала «старинная повесть о чудотворной курской иконе Божией Матери, собиравшей к себе много богомольцев», «стоявшей в малой хижине среди пустыни». Ученый считал, что, как только «слух о чудесах от иконы дошел до царя Федора», то он «повелел в на пустевшем городище построить город», тем более что «тот край исполнен всяким

довольством, хлебом, и зверем, и медом», поэтому «много народу приходило из Мценска, Орла и других окрестных городов и селилось в Курске и его уезде»⁶.

С. Ларионов в своей, написанной в последней четверти XVIII в., истории Курска «с самого его начала» отмечал, что Курск являлся городом очень древним, но «когда он возымел свое начало, и кем был сперва обитаем – нигде точного о том показания не отыскалось»⁷. Он широко использовал письменные источники для описания курских событий – писцовые, переписные и «строельные» книги по городу и некоторым уездам, что придавало сочинению особую убедительность. Событиям XVII в. отведено особая роль: перечислены все воеводы и городские головы, указаны их наиболее важные «деяния».

В рукописи неизвестного автора «Описание городов и других примечательных мест Курской губернии» (примерно начала 1870-х гг.), хранящейся в Государственном архиве Курской области (ГАКО), содержатся любопытные сведения как о «прошлом состоянии» провинциальных городов Курской губернии, так и современных автору событиях. «Описание» начинается с раздела «Курск и его уезд. Краткий исторический очерк существования города», где автор сделал вывод: «Город Курск принадлежит к числу древнейших в государстве». В конце XVI в. «для отстранения на будущее время нечаянных нападений татар» на южных рубежах Московского государства была устроена «сторожевая линия», а около Курска «устроивались слободы, населяемые жителями городов Московского княжества». Впрочем он указывает, что сюда, на порубежье, ссылались и преступники: «В Судебнике Ивана IV, отысканном Татищевым, в законах о ябедниках, которые пишут иски, наполненные клеветами, сказано: и наказывать таких кнутом и ссылатъ в город Курск». Хотя назвать данный труд научным в полном смысле этого слова нельзя, но проделанная автором исследовательская работа дает нам четкое представление о заселении и «хозяйственном освоении» Курского региона на протяжении XVII–XIX вв.

В.О. Ключевский справедливо считал, что «первоначальное, коренное население» Курска, как и других порубежных городов, «составлялось из военного люда, казаков, стрельцов, детей боярских, разных служб служилых людей, но к ним присоединялись и простые обыватели из ближних городов»⁸.

Данных о мирном населении Курска этого периода нет, хотя сохранились отдельные упоминания о том, что до «возобновления» крепости в 1596 г. имелись поселения «на краю посада, за Куром». Сведения о численности служилых людей в Курске на 1616 г. привел И. Беляев: «Гарнизон Курска имел более 1 300 чел., из них 600 – стрельцы, казаки, пушкари и т.п. мелкий служилый люд», причем стрельцы и казаки жили в особых слободах – Стрелецкой и Казацкой. Дворян и детей боярских было 753⁹.

В 1628 г. «поселения на краю посада» принадлежали монастырям – Троицкому, в слободе которого проживало 120 пашенных и непашенных

крестьян мужского пола, и Свято-Троицкому девичьему, чья слобода насчитывала 119 дворов¹⁰. Если взять во внимание мнение исследователей о равенстве полов и средней населенности крестьянского двора в первой половине XVII века в 5 душ (и мужчин, и женщин), то в слободах проживало около 850 человек.

По сведениям С. Богоявленского, в 1631 г. «общее количество войск» в Курске было 568 человек¹¹. Согласно подсчету курского воеводы Д.С. Яковлева, посланному им в Разрядный приказ в 1637 г., курский гарнизон насчитывал 879 человек. Как явствует из «Описания Курского острога» за 1652 г., к середине XVII в. Курск стоял на берегу реки Тускари, со всех сторон окруженный дубовым лесом. По сообщению Д.И. Плещеева, старый Курский острог, огороженный «городовой осыпью», сгорел «в прошлом», а именно «в 136 году». За почти 25-летний период, на момент составления описания, территория Курска расширилась так, что «ныне та осыпь посередь острога огорожено в острог». Новая городская крепостная стена включала 4 глухие и 4 проезжие башни, «да меж проезжих и глухих башен и отводов по осыпи острожной стены шестьсот тридцать две сажени; и всего под башнями и отводы и под острожную стеною семьсот восемь сажен». Под одной из стен к Тускари был сделан тайный ход «до колодезя», колодезный сруб имелся и в городе, «в старой городской осыпи»¹².

В курских писцовых книгах имеются сведения о том, из каких мест прибывало население в Курский край – упоминаются Киев, Конотоп, Чернигов, Нежин и пр. Другими словами, значительную часть пришлого населения составляли украинцы, называемые «черкасами». Украинцы-черкасы спасались здесь от гнета польских и литовских феодалов, многие бежали от преследования за участие в восстаниях против национального угнетения.

В рукописи «Описание городов...» интересна трактовка о переселенческом движении украинцев в XVII в. на территорию современной Курской области. Автор указывает, что «жесткие притеснения, воздвигнутые в Малороссии Униєю» заставили многих черкасов «удалиться из своей родины», переселяясь на свободные плодородные почвы с целью «искать защиты и убежища в Московском царстве». Переселяясь на новые места, украинцы «перенесли весь свой старинный общественный строй и удержали в основанных ими слободах старое казацкое устройство»¹³.

Московские власти неоднозначно относились к переселенцам. После неудачной для России Смоленской войны царское правительство пыталось не нарушать условия «мирного постановления», предусмотренные договором 1634 г. Поэтому на имя курского воеводы 14 мая 1636 г. была отправлена царская грамота, в которой ему уклончиво предписывалось формально отказывать черкасам в предоставлении жилья. Одновременно воеводе давалось указание подробно расспрашивать «выезжих черкас», выявлять «людей положительных и добрых», принимать их и давать им «корм» из местных доходов¹⁴.

Курскому воеводе В. Бутурлину в очередной царской грамоте от 11 марта 1638 г. наказывалось выдавать «денежные и хлебные жалованья»

переезжим черкасам, устраивать их «на житье» за городом, отвести им в пустошах земли под пашню и сенокос. О масштабах переселенческого движения говорят такие данные: в том же 1638 г. только в Курске было устроено 277 черкасов, в 1639 г. их численность увеличилась до 400¹⁵.

В результате под Курском возникла особая Черкасская слобода, где поначалу, видимо, проживали одни украинцы. На территории современной Курской области в топонимике до сих пор сохранились следы некогда проживавших здесь Черкасов: наряду с селами Русское Поречное, Русская Конопелька существуют Черкасское Поречное и Черкасская Конопелька.

Украинцев, зачисленных на службу по охране границ Российского государства, власти старались обеспечить всем необходимым для налаживания быта и ведения хозяйства. Лучших из них награждали «поместным и денежным жалованьем». Сохранились сведения о 160 «отличившихся на русской службе» черкасах. По отношению к русским служилым людям вообще, и к курским стрельцам и казакам в частности правительственная политика была совсем иной. О тяжести и опасности службы говорят их челобитные на имя царя с просьбами освободить от части налогов вследствие «бедности и татарского разорения»¹⁶.

Несмотря на созданные для украинцев льготные условия проживания на Курской земле, их служба была непродолжительна. Многие из них, даже сменив подданство, продолжали вести себя как вольные казаки, а не как служилые люди русского царя.

К этому времени относится одна из самых драматичных страниц в истории курских украинцев – «измена черкас». Летом 1641 г. ими была предпринята попытка вернуться на родину. Вероятно, они решили, что могут возвратиться в свои родные места в надежде на спокойную жизнь после всех войн и восстаний в «Литовских землях». В большей степени бегство черкасов было обусловлено распространившимися в Курске слухами о готовящемся избиении украинцев русскими служилыми людьми, что якобы было связано с отказом русским в «государевом жаловании» и с все возрастающими льготами для украинцев.

Инициаторами побега выступили Ивашко Холоденко и Лучка Вдовенко с братьями. 13 августа 1641 г. около 140 жителей курской Черкасской слободы с семьями на подводах спешно бежали в Польшу. Русские власти сочли это «изменой», а инициаторов побега – «бунтовщиками». За ними в погоню бросились «дворяне и дети боярские». Беглецов настигли в 40 верстах от Хотмыжска. Сдаться добровольно черкасы отказались. Произошло кровопролитное сражение, в результате которого много украинцев погибло, а выживших вернули в подданство московского царя.

Расправа над «изменщиками» была ужасной. «Заводчиков» побега казнили, остальные участники после многодневных допросов в Москве были сосланы на Волгу в «понизовые города». Жены, дети, другие родственники этих черкасов были розданы в услужение курянам, скот угнан, подворья разграблены. В курской Черкасской слободе после этих событий опустело 133 двора.

Во избежание повторения подобных «измен» из Курска в 1647 г. по царскому указу было переселено еще 103 украинские семьи в г. Царево-Алексеев на р. Оскол. Им были выданы деньги «на дворовое строительство», на месте им предоставили «земельные и сенокосные угодья»¹⁷. Но небольшое количество черкасов переселяться не пожелало и осталось в Курске.

Курский архивист Л.Н. Позняков (1882–1953), хранитель дореволюционных фондов ГАКО был в числе последних исследователей, работавших с писцовыми материалами XVII в. По сведениям профессиональных историков и краеведов-любителей, до Октября 1917 г. в архиве Курского губернского правления хранилась значительная коллекция документов XVII в., в том числе копии («списки») переписных книг. На это обстоятельство указывал Д.И. Багалея, исследователь истории заселения «Слободской Украины», бывший в Курске в конце XIX в.: «К одной Курской губернии относится 43 полных и неполных писцовых книги»¹⁸.

А.А. Танков, подготовивший и опубликовавший знаменитую «Историческую летопись курского дворянства», также отмечал богатейшую коллекцию имеющихся в Курске документов XVII в., на основе которых им были написаны главы из раздела «Исторический обзор государственной деятельности дворянства Курского края как служилого сословия в период древней России, до царствования императора Петра Великого». В «Предисловии» А.А. Танков отметил: «“Историческая летопись курского дворянства” составлена, главнейшим образом, на основании первоисточников, причем автор пользовался актами архивов... Курского дворянского депутатского собрания, Курского губернского правления, бумагами и документами исторического музея курского дворянства и частных дворянских архивов». Сейчас можно с сожалением констатировать, что большинство этих документов утрачено в силу разных обстоятельств.

Благодаря А.А. Танкову известно, что в 1652 г. в городе было 1 257 дворян и детей боярских¹⁹.

Данные о численности курян в 1670-е гг. сохранились во фрагментах подлинника переписной книги 1678 г.²⁰ Согласно ей, по Курску было учтено 348 дворов, из них посадских – 340, подъячих – 3, пустых – 5. В них проживало 1 042 человека: 1 039 – посадских, 3 – подъячих (в переписные книги записывались только мужчины). Население проживало в нескольких слободах: Троицкой, Девичьей, Божедомской, Разной, Черкасской, Пушкарской. Переписчики Никита Афанасьевич Бунин и подъячий Иван Оловеников, проводившие данное народоисчисление, в некоторых случаях фиксировали, из каких мест прибывало население в Курский край: «На Михайловом дворе Васильева сына Андреева живет мценской стрелецкой сын Харлашка Григорьев сын Любимов»; «Во дворе Якушка Иванов сын Дмитриев. У него дети Трошка 25 [лет], Гришка 20 лет. Пришли с Кострамы Ипатцкого монастыря»; «Филатка, пришелец из Болхова»; «Во дворе калуженин посадцкой человек Сенька Юдин сын Тресяголовой... А по скаске их что они живут в Курску наездом лет с пять, а двором построился в Курску с полгода».

В тексте переписной книги 1678 г. помимо сведений о жителях Черкасской слободы, которые «службы не служат и податей никаких не платят» есть многочисленные данные об украинцах-черкасах, проживающих в Курске в русских семьях: «Во дворе Ивашка Исаев сын Котелник. У него премыш Пронька родом черкашенин»; «Во дворе Нестерка Федоров сын Полевого. У него... наемщик Родька черкашенин, живет на урочных годах из найму»; «Во дворе Сенька Карпов сын Хамутинников. У него зять Максимка Семенов родом черкашенин».

Привлекая цифровые показатели местной описи города, которая состоялась в том же 1678 г. по наказу из Разрядного приказа («и каков который город, и каким строением устроен», «и кто имяны в тех городех воеводы и приказные люди, и с которого месяца и числа, и сколько в котором городе служилых и всяких чинов людей»), согласно «Отписке и по книгам из Курска боярина и воеводы князя Григория Григорьевича Ромодановского», в Курске насчитали: городской службы дворян и детей боярских – 590; их «детей и братьи и племянников и всяких свойственников» – 356; стрельцов – 186; казаков – 124; пушкарей, воротников и прочих мелких служилых людей – 61; их родственников – 57; посадских людей – 412; их родственников – 841. Всего «курчан городовые службы голов и детей боярских и стрельцов и казаков и пушкарей и загинщиков и воротников и плотников и посацких людей и ямщиков и розсыльщиков 1 488 человек, детей их и братьи и племянников и всяких свойственников 1 400 человек»²¹.

Таким образом, по местным подсчетам, в 1678 г. в Курске проживало 2 888 мужчин, из которых 1 253 относились к посадскому населению. По другим данным, к 1678 г. общее количество войск в Курске составило 978 человек²².

Последнее в XVII в. описание Курска состоялось в 1685 г. Его результатом стала «Писцовая и межевая книга по городу Курску писцов князя Якова Остапова сына Щетинина да подъячего Тимофея Друковцова 193 и 194 году», широко известная исследователям. Долгое время считалось, что эти материалы – самые ранние из проводившихся в Курске кадастровых учетов и единственные из сохранившихся до наших дней писцовых описаний.

Ранние писцовые описания Курского уезда выявили любопытную деталь: проведение многочисленных межеваний земель и учета населения в Курске и Курском уезде собственными силами, в основном по инициативе местных властей. К сожалению, результаты сохранились далеко не по всем обследованиям, о некоторых есть только упоминания и имеются имена «переписчиков».

Таким образом, имеющийся комплекс писцовой документации, результаты кадастровых обследований и учета населения, местные описания дают ценные сведения о Курске и курянах XVII в.

Примечания

¹ Россия: Полное географическое описание нашего Отечества. Т. II. СПб., 1902. С. 129.

² *Багале́й Д.И.* Очерки из истории колонизации степной Украины Московского государства. М., 1887. С. 63.

³ Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 7. Ч. 1. Центральная Черноземная область. М., 1900. С. 215.

⁴ *Прото́рчина В.М.* Заселение степной окраины Московского государства в конце XVI–первой половине XVII вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1948.

⁵ *Солодкин Я.Г., Склярук В.И.* Курская крепость // Курск. Курск, 1997. С. 190–191.

⁶ *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. 3. М., 1937. С. 397.

⁷ Описание Курского наместничества из древних и новых о нем известий, вкратце собранное Сергеем Ларионовым, того наместничества Верхней расправы прокурором. М., 1786. С. 2.

⁸ *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Т. 7. М., 1996. С. 314.

⁹ *Беляев И.* О сторожевой, станичной и полевой службе. М., 1846. С. 35, 46–49.

¹⁰ *Иванов П.В.* Курск в первой половине XVII в.: Восстание 1648 г. // Курск: Очерки из истории города. Курск, 1957. С. 26–45

¹¹ *Богоявленский С.К.* Некоторые статистические данные по истории русского города XVII века. М., 1898. С. 9–10.

¹² Курский острог (крепость) XVII века // Курский край. Вып. VII. Курск, 1912. С. 26–30.

¹³ ГАКО. Ф. 1555. Оп. 1. Д. 60. Л. 50об.

¹⁴ *Анпилогов Г.Н.* Положение городского и сельского населения ... С. 51.

¹⁵ *Панков А.И.* Особенности пограничной службы на южных рубежах России в 1635–1648 гг. // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. Белгород, 1998. С. 11–13.

¹⁶ *Зорин А.В.* Курский край в XVII в. Курск, 2000.

¹⁷ *Багале́й Д.И.* Очерки из русской истории. Т. 2. Монографии и статьи по истории Слободской Украины. Харьков, 1913. С. 244.

¹⁸ *Танков А.А.* Историческая летопись курского дворянства. Т. 1. М., 1913. С. 3.

¹⁹ Там же. С. 118.

²⁰ Переписная книга Курска 1678 г. Курск, 2007.

²¹ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. IX. СПб., 1875. С. 219, 257.

²² *Богоявленский С.К.* Указ. соч. С. 9–10

И.А. Ревин

ИСТОКИ АГРАРНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ КАЗАКОВ И КРЕСТЬЯН НА ДОНУ

Традиционно большинство обывателей считает казачество однородной сословно-этнической группой. В то же время на протяжении всего XVIII столетия шел процесс трансформации донских старшин в дворянское сословие, который был завершён в начале XIX в. И если на военной службе казаки по-прежнему выступали как единая сила, то в мирной жизни социально-экономическое расслоение привело к острому противостоянию донских старшин и рядовых казаков. Особую остроту со второй половины

XVIII в. приобрел аграрный вопрос, связанный с захватом старшинами войсковых и станичных юртовых земель и переселением на них приписных крестьян. С этого времени начались постоянные конфликты местного казачьего населения с пришлыми (а затем – иногородними) крестьянами, в которых казаки видели источник своего малоземелья. В начале XX в. это стало одной из ключевых причин жестокости гражданской войны в казачьих областях России.

Вплоть до середины XVII в., когда скотоводство, а затем земледелие стали основным источником дохода для донского казачества, земля на территории Войска не имела существенной ценности, и хотя формально она считалась войсковой собственностью, реального контроля над ее распределением и использованием не существовало. Только с середины XVIII в. войсковое правительство стало предпринимать первые попытки прекратить самозахват земли. К этому времени относится основание на Дону первых хуторов, начало крестьянской агроколонизации, а также первое документальное свидетельство о несении донскими крестьянами феодальных повинностей¹. Уже к середине XVIII в. на Дону проживало значительное количество малороссиян, которых здесь называли «донскими черкасами». В 1763–1764 гг. была проведена их перепись: из 20 422 выявленных малороссиян мужского пола 8 626 человек примыкали к станицам, а 10 250 – к старшинам. Всех их обложили податью². После ревизии таких малороссиян стали именовать «приписными» или «податными». Старшины стали рассматривать приписных крестьян как крепостных, хотя последние имели право перехода.

Перепись малороссиян не остановила поток переселенцев на Дон. Ревизия 1782 г. отмечала наличие малороссийских казаков и крестьян, привлеченных слухами о привольной и выгодной жизни на Дону, которых войсковые чиновники под разными предлогами произвольно поселили на общественных войсковых землях, записывая за собой, и называли их крестьянами. Ревизия установила, что на Дону имеется у частных лиц – 19 123 малороссиян³.

Правительство пыталось предотвратить бегство малороссиян на Дон, но так как большое количество свободных рабочих рук было выгодно в первую очередь донской старшине, все меры не были эффективными. Малороссияне, бежавшие из украинских губерний, заселяли главным образом южные и юго-западные округа земли Войска Донского – Донецкий и Черкасский. Так, из 26 579 крестьян мужского пола, проживавших на территории Дона в 1782 г. (4-я ревизия), более половины осели в Черкасске и округе, а также в Верхнем Донцеком начальстве⁴.

Укрывательство беглых стало весьма распространенным и прибыльным делом для войсковой старшины. Не стеснялись этого незаконного «промысла» и войсковые атаманы. Так, после ареста С.Д. Ефремова в 1772 г. его имущество было описано. Среди прочего атаману принадлежало около 300 крестьян⁵ и это задолго до закрепощения донских крестьян. Еще около 1750 г. его отец войсковой атаман Данила Ефремов в юрте станицы Семи-

каракорской на р. Сал с разрешения станицы построил прудовую мельницу с обязательством ежегодно вносить в пользу станицы по 10 руб. за пользование юртовой землей. На мельнице работали пришлые малороссияне, которых позже записали за Ефремовыми. В конце XVIII в. в хуторе при мельнице проживало 13 приписных крестьян. В 1785 г. выше Ефремовской построил мельницу (ее назвали Сальской) другой войсковой атаман – А.И. Иловайский – и поселил там своих приписных крестьян. В конце XVIII в. при мельничном хуторе из 50-ти дворов проживало 169 крестьян⁶. Несмотря на то, что станичный круг дал разрешение на постройку мельницы, с течением времени казаки стали чувствовать притеснение со стороны приписанных за атаманом крестьян и беспрестанно писали жалобы, которые оставались без должного рассмотрения. Более того, на этой же реке при мельнице майора Ф. Барабанщикова проживало 52 крестьянина⁷. Хутора принадлежали не только старшинам, и казакам, но и некоторым крестьянам, причем численность крестьян в хуторах, принадлежавших казакам, иногда не уступала старшинским. Так, в поселке Ерофеев-Калитвенский казака Калитвенской станицы В. Ерофеева в 1763 г. проживало 40 душ мужского пола, а в хуторе Дубовник на реке Калитве (позже – крупная слобода Ефремо-Степановская) войскового атамана С.Д. Ефремова – 22 души мужского пола⁸.

Влиятельная старшина была не прочь увеличить собственные владения не только за счет станиц или путем все развивающейся покупки у великороссийских помещиков, но и за счет более мелких владельцев. В отношении к ним практиковалась не только переманивание, но и настоящий захват. К примеру, в 1768 г. приписные малороссияне, сбежавшие от казака Луганской станицы А. Стехина, пришли на жительство к вдове генерал-майора Краснощекова. Помещица приняла крестьян, так как они в юрте Луганской станицы были слишком стеснены в хлебопашестве, сенокосениях и других угодьях. У Краснощековой малороссияне оставались до 1786 г., и это несмотря на неоднократные жалобы Стехина и предписание Войска возвратить малороссиян законному владельцу. В результате длительных судебных тяжб Стехин вынужден был «уступить» своих малороссиян старшине Краснощекову.

Донские старшины безнаказанно отнимали у мелких владельцев не только крестьян, но и целые хутора. Так, 26 мая 1796 г. казаки Филоновской и Березовской станиц жаловались войсковому атаману А.И. Иловайскому, что их урочище Высокая Дубровка захватил подполковник Семен Курнаков. Сначала он построил мельницу и дал обещание казакам не заводить там никаких строений, «кроме одного мельника», но спустя года четыре поселил при мельнице 6 дворов малороссиян, от которых, тем не менее, казаки «обиды ни в чем не чувствовали». Затем пришло в те хутора множество малороссиян, желающих приписаться за подполковником Курнаковым. Приказчик измерил им в тех казачьих хуторах места, где они начали строиться, «беспощадно» рубить для этого лес и ставить свои избы, разрушая постройки казаков. С весны 1795 г. до мая 1796 г. они построили 85 изб,

самовольно распахали землю, а в наступивший сенокос посогнали всех казаков с их сенокосом: выехали в количестве «большем ста человек» и покосили всю траву. Казаки пожаловались об этом «насилии» старшине И. Турчанову, но тот отказался вмешиваться, заявив, что запретить малороссиянам косьбу сенокосов не может. Малороссияне накопили сена столько, что зимой излишки продавали в другие хутора. На следующую весну малороссияне снова «с умыслом» распахали хуторские казачьи земли и посеяли свой хлеб, а сенокосами завладели окончательно, забирая всякий пойманный на них скот и отпуская его лишь за большой выкуп. Кроме того они завладели и лесом, сделав его для всех хуторян «заповедным»: не допускали туда никого, а у осмелившихся проникнуть изымали топоры и скотину. Старшина же Турчанинов, вместо того, чтобы принимать меры против такого самоуправства, «из одного подполковнику Курнакову дружеского уважения», как объясняют казаки, давал к этому только повод, почему обиженные хуторяне и вынуждены были обратиться к самому атаману, прося его о выселении малороссиян Курнакова, а за причиненный убыток скота взыскать с них натурою или деньгами по приложенному реестру. В ответ на эту просьбу войсковое гражданское правительство определением от 26 июня 1796 г. назначило подполковника Н. Астахова и старшину И. Андриянова расследовать все это дело. Однако такого расследования почему-то не последовало, и определением от 18 декабря того же года им снова было предписано учинить новое расследование⁹. Неизвестно чем оно окончилось, но слобода Семена Курнакова Высокая Дубровка продолжала существовать, а ее население год от года возрастало.

На тех же крестьян Курнакова жаловались и казаки Филоновской станицы, отмечая, что после того, как малороссияне выкосили у них сенокос, они, обиженные, обратились к обидчикам с просьбой отдать им половину, но вместо этого были жестоко избиты и преследуемы до самых домов, где также были «бесчеловечно истерзаны» веревками. И в таком виде были отправлены к старшине Турчанинову, который вдобавок еще и обвинил казаков, а в знак примирения предложил малороссиянам продать казакам «третью копну с покоса по 20 коп. за каждую». Подобные «насилия» крестьяне Курнакова делали не только по отношению к простым казакам, но и в отношении к знатным особам. Например, малороссияне слободы Мачихи чинили аналогичные притеснения майору К. Мелехову. И когда последний не нашел защиты у ближайшего начальника, войскового есаула И. Золотарева, то вынужден был обратиться с жалобой в Бузулуцкое сыскное начальство¹⁰.

Так свободно и независимо чувствовали себя малороссияне, приписавшись за каким-нибудь влиятельным владельцем.

На рубеже XVIII–XIX вв. на Дону наблюдался особенно большой прилив беглых крестьян из разных губерний, охотно принимавшихся донскими помещиками. Генерал-губернатор Новороссии И.И. Михельсон 9 июля 1800 г. доносил императору Павлу I, что в мае из Бахмутского уезда ушло в земли Войска Донского целое селение крестьян и что в хуторе полковника Мешкова

произошло побоище с преследовавшими этих крестьян (Позже полковника Мешкова за укрывательство беглых снимут с должности и отправят в отставку. – *И.Р.*), а 22 июня от прапорщика Рудченко из его селения на реке Кальмиус бежало на Дон 150 крестьян мужского пола с семьями. Из других поселений крестьяне также намеревались уйти, но, не имея у себя команды, он не мог их задержать, да и из других губерний крестьяне также уходили на Дон. Донося об этом, генерал Михельсон добавляет, что он дважды писал войсковому атаману В.П. Орлову, чтобы тот принял меры¹¹. В рескрипте войсковому атаману Орлову от 23 июля 1800 г., № 483, император Павел I писал, что побег из приделы донские не только не прекращаются, но еще и учащаются, поэтому настрожайше повелел «пресечь сии неурядицы». В ответ Орлов вернул беглых Рудченко и заверил, что ни одна душа более не попадет на Дон из беглых: он удвоил разъезды по границе Войска, особенно с Новороссийской губернией.

Одновременно шло расследование дела о приеме донскими помещиками беглых крестьян из разных губерний. 7 марта 1800 г. в Черкасск прибыл генерал-лейтенант К.Ф. Кноринг, а 5 августа – генералы И.И. Репин и С.А. Кожин, которые и занялись расследованием. Основными подозреваемыми были видные донские помещики отставной генерал от кавалерии Алексей Васильевич Иловайский 1-й и его сын генерал-майор Павел Иловайский, которых для дознания 15 апреля отправили в С.-Петербург. Дело кончилось тем, что, «пораженные висющим над их главами мечом правосудия», донские помещики-чиновники стали стекаться в Черкасск, где «в собрании между собою вину, открывшуюся в приеме и держательстве беглых людей... сознавая общею, единодушно положили принести... добровольное и чистосердечное рабское признание, во оправдание которого все чиновники Войска Донского всех беглых, какие есть ныне в пределах земли Войска, по команде представить»¹². Среди «кающихся» были генералы Мартынов, Иловайский, Ефремов и другие. Императорским рескриптом было указано судить только тех, кто уже арестован за принятие и скрывание беглых, а остальным «следствия не делать». После воцарения Александра I, 27 мая 1801 г., Иловайские благополучно вернулись в Черкасск.

Поселение крестьян на юртовых землях стало таким обычным делом, что этим не пренебрегал и легендарный донской атаман М.И. Платов, за которым по 5-й ревизии значилось 2 687 душ мужского пола¹³. В 1801 г. он попал под суд за прием и укрывательство беглецов, но после объяснения был признан невиновным и от суда свободным¹⁴. Освоение хуторов было как легальным, по решению станичного схода¹⁵, так и нелегальным, на правах заимки, поэтому большая часть поселенных атаманом крестьян проживала «законно» с разрешения местных властей.

Силовыми мерами массовый характер бегства крестьян на Дон удалось лишь временно приостановить, но общей картины они не изменили. Так, если по 5-й ревизии (1795 г.) число малороссиян и крестьян составляло 58 492 души мужского пола, то по 6-й (1806 г.) и 7-й (1817 г.) – 76 857 и 78 991 соответственно¹⁶. При этом расселение крестьян на территории Дона было

неравномерным: около 70 % сосредотачивалось на северо-западе Войска Донского, прежде всего в Донецком и Миусском округах¹⁷.

Крестьяне обычно селились небольшими хуторами до 10 дворов. Таких хуторов в Войске Донском в начале XIX в. насчитывалось 228, и они составляли 44,5 % всех крестьянских поселений¹⁸. Многолюдные крестьянские слободы располагались в основном в Миусском и Донецком округах, но особенностью донских слобод было то, что они не испытывали потребности в земле, так как их владельцам принадлежали огромные «довольствия»¹⁹. Неизвестно количество земли, которой пользовались донские крестьяне в этот период, но, судя по обилию хлеба у них, большим запасам его от прежних лет, надо полагать, что они не были ограничены в пользовании землей, и наступление помещичьего сельского хозяйства выражалось лишь в увеличении того количества труда, которое это хозяйство требовало от крепостных крестьян. Крестьяне держали много скота, от продажи которого, а также от хлебопашества, получали существенные доходы²⁰.

Действительно, в первой половине XIX в. трудностей с обеспеченностью землей у донских крестьян не было. Более того, по сравнению с казачьими наделами, количество земли в помещичьих владениях отличалось на порядок. Большинство донских помещиков на каждую душу своих крестьян имели от 100 до 300, а некоторые – от 500 до 1000 дес.²¹ В 20-е гг. XIX в. количество земли в юртовых довольствиях станиц Войска Донского составляло от 8 3/4 до 38 дес. на душу, в то время как в помещичьих имениях оно в среднем колебалось от 138 до 290 дес.²² Не вся помещичья земля приходилась на долю крестьянской запашки. Более того, не вся земля вообще обрабатывалась, так как по-прежнему у крупных землевладельцев значительное место в структуре сельскохозяйственного производства занимало скотоводство. Однако количество земли на душу населения в земледельческих районах – Миусском и Донецком начальствах – также свидетельствовало о больших возможностях для развития не только помещичьего хозяйства, но и собственно крестьянского.

Обеспеченность землей донских крестьян существенно колебалась и зависела от целого ряда обстоятельств: месторасположения помещичьего владения и его размеров, товарности помещичьего хозяйства, его специализации и т.д. Так, накануне отмены крепостного права она колебалась от 2,5²³ до 11 дес., при этом средний крестьянский надел в Миусском округе равнялся 4,5 дес., Донецком – 6,5, Первом Донском и Втором Донском – 8 дес.²⁴ Неограниченные возможности для развития собственно крестьянского хозяйства в дореформенный период подтверждает известный донской историк и помещик А.А. Карасев. В частности он пишет: «В одном имении у меня есть 28 душ крестьян, которые пользуются пространством земли в 12 верст в длину и 7 верст в ширину (Примерно 8 400 дес., то есть по 300 дес. на душу. – *И.Р.*). Крестьяне этого имения живут в тех местах с начала настоящего столетия, привыкли совершенно к приволью, оказались, и как же они, не поломавшись, примут взамен своих угодий (После отмены крепостного права в 1861 г. – *И.Р.*) какие-нибудь 4 дес. на душу»²⁵ ?

С начала XIX в. войсковая администрация стала предпринимать активные меры против незаконно основанных поселений. Так, в 1802 г. Войсковая канцелярия, хотя и оставила войсковые земли на «том самом основании, какое от древности существует», но решила некоторые заведенные прежде на «пустопорожней» войсковой земле хутора и поселки частных людей перенести в такие места, где не могло быть «никому стеснения», а освобожденные земли сделать «казачьими станичными довольствиями»²⁶. При этом «пустопорожние» войсковые земли раздавались из станичных юртов только тем чиновникам и казакам, которые не имели хуторов. Многочисленными указами в 1802 г., 1806 г., 1809 г. и последующие годы ограничивалась аренда земельных наделов, так как «некоторые чиновники войска Донского, испросивши от сей Канцелярии дозволения на заимку ко собственному продовольствию их в разных местах войсковую землю, сами не заселяют оной и запрещают согражданам своим пасти там скот, а другие отдают в довольствие иногородным под пастьбу скота, по-видимому, на каких-либо условиях»²⁷. Эти меры несколько улучшили земельное «довольствие» казаков и ослабили противоречия между местным и пришлым населением. Но ненадолго.

Крестьяне, приходившие на Дон, самостоятельно поселялись на «пустопорожних» войсковых, помещичьих или юртовых землях, занимая их под посевы, сенокосы, что неизбежно приводило к столкновениям с казаками. Недовольство простых казаков, не пользовавшихся правом владеть крепостными людьми, росло и обнаруживалось иногда в довольно резкой форме. Ссоры и драки между крестьянским и казачьим населением доходили иногда до кровавых столкновений. Казаки, постоянные зачинщики этих столкновений, «не могли подавить в себе чувства несправедливости, будучи стеснены в своих коренных угодьях пришлым элементом – крестьянами, имевшими столь сильную опору в своих помещиках, бывших тогда большей частью из людей именитых»²⁸. О недостатке юртовых «довольствий» свидетельствует тот факт, что в 1818 г. на каждого казака формально приходилось по 82 дес. удобной земли, на самом же деле же многие станицы имели лишь по 6–11 дес. на душу. Такая колоссальная разница была вызвана тем, что донские старшины сосредоточили в своих руках настолько огромные территории, что на каждую «ревизскую душу» крепостных крестьян, закрепленных за помещиком, ему, помещику, приходилось от 100 до 1 000 дес.

Огромные земельные владения старшин привели к широкому распространению арендных и субарендных отношений: землю сдавали в аренду не только сами старшины, но и «пересдавали» иногородние купцы, а иногда и помещичьи крестьяне. Отсутствие вотчинной администрации во многих слободах и поселках, а также хорошая по сравнению с рядовыми казаками обеспеченность землей приводили к тому, что «излишки» земли крестьяне сдавали малоземельным казакам и иногородним. Особенно часто такой аренде подлежали пастбища и луга, так как юртовые довольствия рядовых казаков постоянно сокращались.

В первой четверти XIX в. правом частной собственности на землю владели только потомственные донские дворяне и чиновники войска Дон-

ского. Служилых и отставных чиновников насчитывалось менее 3 000. Владели же они 3 792 448 дес., или 27 % всех удобных и неудобных войсковых земель, не считая земель в войсковых степях, которые чиновники использовали под выпас скота и разведения конных табунов, а также земель, фактически принадлежавших чиновникам внутри отдельных юртов казачьих станиц²⁹.

Однако в помещичьих хозяйствах крестьян не хватало. В.Б. Броневский, посещавший Дон в 20-х годах XIX в., писал, что «некоторые чиновники, захватив тысяч до 40 и более десятин земли, не имеют на них и 500 душ»³⁰. Например, поселок Западельский, принадлежавший графу М.И. Платову, находившийся в пределах юрта станицы Багаевской, занимал 6 277 дес.³¹, а проживало в нем всего 29 крепостных крестьян³². По свидетельству, относящемуся к 1823 г., «обширнейшие имения на Дону принадлежат детям, потомкам, либо родственникам бывших атаманов, непрестанных членов, ассессоров и даже дьяков войсковой канцелярии, как лиц, неподвижно оставшихся на Дону, прочие же чиновники войска, главное число составляющие и непрестанно служившие вне войска, с полками, – или вовсе крестьян не имеют, или весьма уже мало»³³. По подсчетам И.И. Игнатович, в среднем на каждого донского помещика приходилось от 30 до 40 душ, а около 2/3 всех крепостных принадлежало крупным и средним помещикам³⁴.

Огромные земельные пространства, заселенные крестьянами, вызвали зависть казаков. Современник так описывал эту ситуацию: «Представьте себе в середине юрта имение, состоящее из 40 душ крестьян, которое обладало отличнейшими угодьями, занимающими 40 и более квадратных верст, между тем как рядом с этим же имением жили хуторяне-казаки, довольствовавшиеся мизерным лужком и таким же лесом. Если к этой разнице положения прибавите еще мысль, что станичники считали и считают себя господствующим населением, а крестьян пришлым, то пред вами уже несколько оправдается зависть, делавшая казаков зачинщиками многих ссор и даже кровавых столкновений с крестьянами»³⁵. Ему вторил известный знаток экономики Дона С.Ф. Номикосов: «Экономическая неправда охватывала казаков, а за нею по пятам шло обеднение народных масс и невероятное процветание выделившейся в особое сословие войсковой старшины. Живя в скромном домике, добывал свой хлеб с незначительного по тому времени земельного пая, казак, и в то же время дворянство донское, владея 150 тысячами душ крестьян обоего пола, раскинуло свои обширные поместья на привольных степях и устроилось с роскошными барскими затеями, заведя сады, оранжереи, певчих, музыкантов, невероятное количество собак и лошадей для охоты и все прочие атрибуты... крепостного права»³⁶.

Чтобы ограничить рост помещичьего землевладения за счет станичных юртов, в 1819 г. был образован Комитет по пересмотру положения о Войске Донском (Донской комитет). Одной из его главных задач стало разделение между собою двух враждующих элементов населения и ограничение громадных «довольствий» поместных чиновников, наделив излишками земли казаков и чиновников, которые не успели приобрести потомственной собственности³⁷. Этот комитет был создан по инициативе

войскового атамана А.К. Денисова, но в его состав император Александр I ввел и генерал-адъютанта А.И. Чернышева, назначенного в начале 1821 г. председателем комитета. Между Чернышевым и поместным дворянством развернулась непримиримая борьба за направление реформ. Донская аристократия всячески стремилась получить потомственные права на захваченные ими общественные земли. Правительство же, в лице Чернышева, исходя из задач на перспективу, считало нужным ослабить экономические и политические позиции крупнейших землевладельцев в Донском войске, повысить экономическое благосостояние казачества и тем самым усилить боеспособность всего Войска³⁸.

Из казачьих станиц в Комитет потоком шли жалобы на притеснения как со стороны помещиков, так и со стороны их крепостных. Казакам приходилось арендовать сенокосные угодья не только у самих землевладельцев – донских помещиков, но и у «помещичьих арендаторов» – иногородних и крестьян. Так, жители станицы Каменской в 1821 г. писали, что «наиболее же стесняется станица помещиками, как-то по правой стороне Донца помещика Белгородцева, состоящим на речке Каменке. В юрте станичном на вовсе место выпросил он в станице для одного скотоводства, а после населил и крестьян... помещики излишность земли отдают на откуп иногородним под попас скота, равным образом и казаки достают у них и крестьян их сенокосные места покупкою»³⁹. Казаки Вешенской станицы хотели расширить свои наделы за счет возврата станичных «довольствий» на речке Яблоновой, Большой и Пономаревке, которые временно были заняты помещиками Иловайскими, Астаховыми и Канковыми. Недовольство казаков вызывало то, что помещики «за удовлетворением себя и людей своих еще отдают иногородним купцам», которые пересдавали угодья казакам по завышенной цене⁴⁰. О том, какой размах получил захват юртовых земель, свидетельствует тот факт, что в 1821 г. по всему Войску Донскому на юртовых землях было поселено 13 762 крестьянина обоого пола, на войсковых – 4 271, на «довольствиях» частных конских табунов – 1 559 крестьян⁴¹. Это привело к тому, что многие станицы в первой половине XIX в. имели всего по 18, или даже 11 дес. на душу, в то время как у помещиков на ревизскую душу их крестьян приходилось от 100 до 500 и более дес.⁴²

Донской комитет, анализируя процесс захвата войсковой земли, пришла к выводу, что «своеволие и неправосудие достигли высочайшей степени, все зависело от одного произвола местного начальства и от связей лиц, оное составляющих. Потомки атаманов, членов Канцелярии, полковых командиров и теперь обладают важнейшими на Дону имуществами, как по количеству крестьян, так по обширности и выгодам захваченных земель. Число сих избыточных владельцев в отношении к общему числу донских чиновников весьма малозначащее; главнейшая же часть их или владеет небольшими поселениями, или вовсе таковых не имеет... Войсковое начальство, действовавшее столь произвольно и безотчетно, тщательно старалось скрывать от сведения правительства внутреннее состояние Донского края, и устранять от онаго всякой посторонний взгляд под покровом древних Войсковых распорядков и обычаев»⁴³.

Неспособность императорского правительства и войсковой администрации остановить рост дворянского землевладения за счет казачьих наделов привела к тому, что станичные власти пытались самостоятельно переломить ситуацию. Так, в феврале 1824 г. казаки Калитвенской станицы «на полном станичном сборе единогласно приговорили казаку А. Хорошилову и прочим жителям станицы... в урочищах называемого Белого Колодезя занимать вновь поселением хутора запретить (а нынешние заведенные или построенные приказать с означенного места перевести немедленно). Дабы станичным табунам в продовольствии притеснения никакого не знали, а в случаях каких-либо в том станице прекословить, о том донести высшему начальству»⁴⁴.

Другим направлением выхода из кризиса стало появление «выселок», причем не только от станиц, но и некоторых хуторов. Так хутор Харьков Каменской станицы первоначально являлся «выселкой» хутора Филиппенкова⁴⁵.

Однако несмотря на предпринятые станицами меры, они не решили основной задачи – ограничения помещичьего землевладения в пределах юртов.

Примечания

¹ *Пронштейн А.П.* Земля Донская в XVIII веке. Ростов-н/Д, 1965. С. 195; РГВИА. Ф. 13. Оп. 107. Св. 105. Л. 884.

² История Дона и Северного Кавказа. Ростов-н/Д, 2001. С. 214.

³ *Лунин Б.В.* Очерки истории Подонья–Приазовья. Ростов-н/Д, 1951. С. 140.

⁴ ГАРО. Ф. 341. О. 1. Д. 179. Л. 106.

⁵ *Савельев Е.П.* Древняя история казачества. М., 2002. С. 435.

⁶ РГВИА. Ф. 331. Оп. 1. Д. 15. Л. 302–310 об.

⁷ История Дона и Северного Кавказа. С. 192.

⁸ *Сулин И.* Сборник материалов по истории заселения казачьих станиц и хуторов Донецкого округа. Т. 3. Ч. 2 (Новочеркасский музей истории донского казачества (НМИДК). КП-14900. РКФ 2706. С. 102, 289).

⁹ *Марков К.В.* Крестьяне на Дону // Сборник Области войска Донского статистического комитета (СОВДСК). Вып. XIII. Новочеркасск, 1915. С. 87–89.

¹⁰ Там же. С. 89–90.

¹¹ *Жиров М.С.* К делу о приеме беглых на Дону. // СОВДСК. Вып. XIII. Новочеркасск, 1915. С. 174–175.

¹² Там же. С. 171–187.

¹³ *Коршиков Н.С.* Родословная потомственных дворян войска Донского и графского рода Платовых // Ученые записки ДЮИ. 1999. Т. 12. С. 69.

¹⁴ *Жиров М.С.* Гражданский суд над Платовым 1801 г. // СОВДСК. Вып. X. Новочеркасск, 1911. С. 109.

¹⁵ *Сулин И.* Указ. соч. Т.3. Ч. 1 (НМИДК. КП-14900 РКФ 2705. С. 79, 105, 116).

¹⁶ ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 179. Л. 3.

¹⁷ *Лунин Б.В.* Указ. соч. С. 174.

¹⁸ Земля в судьбах донского казака. Собрание историко-правовых актов 1704–1919 г. Ростов-н/Д, 1998. С. 80–95.

¹⁹ *Броневский В.Б.* История Донского войска. Ч. 2. СПб., 1834. С. 252; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 934. Л. 7–16.

²⁰ *Игнатович И.И.* Крестьянское движение на Дону в 1820 году. М., 1937. С. 87–89.

²¹ *Игнатович И.И.* Указ. соч. С. 23; *Шульман Э.А.* Земельные отношения в Подонье и Приазовье в первой половине XIX века. Ростов-н/Д, 1991. С. 81.

²² Земля в судьбах донского казака... С. 134–144.

²³ ГАРО Ф. 429. Оп. 1. Д. 410. Л. 11.

²⁴ ГАРО Ф. 213. Оп. 1. Д. 288.

²⁵ *Карасев А.А.* Донские крестьяне. // Труды Области войска Донского Статистического комитета. Вып. 1. Новочеркасск, 1867. С. 105.

²⁶ Лишин А.А. Акты, относящиеся к истории войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным. Т. III. Новочеркасск, 1894. № 124. С. 223–224.

²⁷ Лишин А.А. Указ. соч. № 124. С. 219–224; РГВИА Ф. 331. Оп. 1. Д. 15. Л. 41–41 об., 42 об.–43 об.

²⁸ Ветчинкин В.Н. Очерк поземельного владения на Дону в связи с развитием межевания // Труды Области войска Донского Статистического комитета. Вып. II. Новочеркасск, 1874. С. 36.

²⁹ Лунин Б.В. Указ. соч. С. 143.

³⁰ Бронеvский В.В. Указ. соч. С. 252.

³¹ Игнатович И.И. Указ. соч. С. 27.

³² Дон и степное Предкавказье, XVIII – первая половина XIX века: заселение и хозяйство. Ростов-н/Д., 1977. С. 37.

³³ Сборник Русского исторического общества. Т. 121. СПб., 1906. С. 397.

³⁴ Игнатович И.И. Указ. соч. С. 24.

³⁵ Карасев А.А. Указ. соч. С. 83.

³⁶ Номикосов С.Ф. Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск, 1884. С. 39.

³⁷ РГВИА. Ф. 14257. Оп. 1. Д. 23. Л. 6.

³⁸ Земля в судьбах донского казака... С. 36.

³⁹ РГВИА Ф. 331. Оп. 1. Д. 15. Л. 345, 350.

⁴⁰ Там же. Л. 183–185.

⁴¹ РГВИА Ф. ВУА. Д. 18714. Л. 1; *Коришков Н.С.* Общественно-политическое движение в Области войска Донского, конец XVIII–первая половина XIX вв. Дисс.... канд. ист. наук. Ростов-н/Д, 1987. С. 48.

⁴² РГВИА Ф. ВУА. Д. 934. Л. 7–16; Земля в судьбах донского казака... С. 134–144.

⁴³ ОПИ ГИМ. Ф. 230. Оп. I. Д. 5. Л. 2–3.

⁴⁴ Сулин И. Указ. соч. Т. 3. Ч. 1 (НМИДК. КП-14900. РКФ 2705. С. 79).

⁴⁵ Там же. С. 181.

Н.К. Мартыненко

ПРОСТИТУЦИЯ В ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ: ОТ ЗАПРЕТА К ЛЕГАЛИЗАЦИИ

В России термин «проституция» стал употребляться со второй половины XVIII в., в правление Екатерины II. В середине XIX в. понятия «непотребство» и «проституция» уже не смешивали¹. Официально с проституцией стали связывать «непотребство, возведенное в ремесло»: «Проституткой по смыслу нашего законодательства должна называться всякая женщина, промышленная торговлей своего тела, согласная за известное вознаграждение плотскую связь со всяким того пожелавшим»².

Исследователи дореволюционной России пытались дать исчерпывающее определение проституции, выдвигая тот или иной признак или их сочетание³ в качестве основополагающих: разврат⁴, беспорядочные, внебрачные сексуальные отношения, не основанные на личной симпатии и влечении⁵, профессию⁶, различные формы вознаграждения⁷. Во множестве трактовок были выведены главные ее признаки: вознаграждение и профессия. И прочее, так или иначе с ними связанное: занятие временное или постоянное, основное или сопутствующее, скрываемое или не скрываемое, безразличное, отчужденное отношение или расположение к клиенту и т.п.

Отвечая на вопрос, знала ли Древняя Русь проституцию, историки сходились во мнении: несмотря на то, что русское общество не отличалось особой нравственностью (о чем свидетельствовал, например, гарем Владимира Святого до его крещения), проституция не была тогда известна. «Непотребство» было, но «не было продажи каждому желавшему тела женщины ею сомой для разврата за определенное денежное вознаграждение», «как промысел вид публичного разврата не был известен»⁸. По их мнению, отсутствие проституции было обусловлено самим укладом жизни. Русская женщина была лишена возможности встречаться с посторонними мужчинами вследствие своего изолированного положения: женский терем строго охранялся. Женские комнаты устраивались в задней части дома. Хотя со двора к ним вел лестничный ход, ключ от него хозяин держал у себя, и войти в женскую половину можно было только через его комнату. Брак чаще всего являлся случайной связью мужчины-господина с женщиной, которая была его полной рабыней, устраивался родителями жениха и невесты без всякого участия молодых, нередко суженые встречались в первый раз только у алтаря. Вышедшие замуж не по своей воле, не нашедшие удовлетворения своих чувств, женщины привилегированной среды могли провоцировать разврат, изменяя своим мужьям чаще всего с кем-нибудь из слуг. С другой стороны, существовал соблазн для женщин из бедноты заработать своим телом. Оказывая услуги богатым мужчинам, сводни отлаживали механизм промысла.

Судя по всему, проституция в России существовала с древности, но развивалась она сама по себе, не организованно, и не в тех формах и масштабах, как в античной и средневековой Европе: она не была публичной. Исследователь Д.Г. Мордовцев отмечает, что «в Древней Руси долго не существовало таких важнейших факторов публичного разврата как аристократии, рабства, солдатчины, университетов, сосредотачивавших до 15 000 студентов, многочисленных религиозных сект и орденов...»⁹

В XVI в. в правление Ивана Грозного его знаменитая Александровская слобода, где жили в то время опричники, была «сплошной клоакой всяких безобразий». Царь насиловал самых знатных женщин и девиц, обменивался с сыном Иваном любовницами. А если какая-нибудь из женщин проявляла недовольство, ее вешали над столом, за которым обедали муж или родители. И труп висел до тех пор, пока родные не получали

разрешение его похоронить. Постепенно разврат распространился и проник повсюду. Для бедняков корчмы и бани превращались в притоны разврата, богатым угождали сводни. Мать Ивана Грозного после смерти мужа превратилась в настоящую мессалину: ходила в «непотребный дом», сильно блудила. В своих заметках о путешествиях по Московии иностранцы отмечали широкий размах разврата: обычным делом для простолудинок было купание голыми в реке с мужчинами; если мужьям надоедали жены, они на время их кому-нибудь уступали, и если не возвращали себе, то женщины постригали в монахини и отправляли в монастырь, а главы семей могли жениться вновь; на свадьбах мужчины напивались до бесчувствия, провоцируя женские измены.

В XVII в. патриарх Филарет обличал служилых людей, отправлявшихся на отдаленную службу, в том, что они закладывали своих жен и вместо процентов предоставляли право пользования заложенными. Если должник вовремя не выкупал свою жену, то ссудивший мог продавать ее для блуда всем подряд. Мужья торговали своими женами. По праздникам полураздетые пьяные проститутки свободно разгуливали по улицам¹⁰.

Московским Наказом благочиния 1649 г. Алексей Михайлович предписал начальнику стражи днем и ночью следить, чтобы на улицах и в переулках города «блядни», то есть непотребных девиц, не было¹¹. Уложение строго наказывало сводничество: виновных секли плетью и ссылали на прядильный двор. Сводникам, пойманым и изобличенным вторично, грозила ссылка на казенную работу в Сибирь¹².

Идеи западничества и славянофильства не могли не повлиять на оценки влияния петровских реформ на нравственность: «Начало проституции появилось, надо думать, от тех иностранцев, которые переселились в Россию, но не желали бросить своих приобретенных в отечестве порочных привычек, вследствие чего они и завели по примеру своей родины проституцию в России, а от них проституция проникла уже в русское общество... Превратившись из грузной боярыни в великосветскую даму, русская знатная женщина, познакомившись с европейскими модами и кокетством, одновременно с этим получила познание и различных сладострастных привычек с Запада»¹³. Немецкая слобода была настоящим притоном людей, искавших каких-либо развлечений. Проституция проникла в монастырские кельи, на улицах встречались полупьяные монахи, предававшиеся разврату. Регулярная армия, чиновничество, масса крестьян, оторванных от дома, работавших на стройках, рождали спрос на женское тело.

Ни один из петровских указов не способствовал утверждению легальной проституции. В воинских артикулах 1716 г. упоминается об изнасиловании несовершеннолетних, скотоложстве, мужеложстве, кровосмешении. За эти деяния грозили вечная служба на галерах или смертная казнь. Артикулы требовали от профосов, солдат, следивших за чистотой помещений, выгонять раздетыми найденных в расположении полков блудниц. Если холостой человек обольстит девушку обещанием жениться, и она станет ма-

терью, ему грозили выплаты в пользу матери и младенца, тюремное заключение и церковное покаяние. Императорской резолюцией от 12 апреля 1722 г. ведение дел о прелюбодеянии, находившееся ранее под церковной юрисдикцией, передавалось светскому суду¹⁴.

Указы Петра II 1728 г. и Анны Иоанновны 1736 г. предписывали всем хозяевам домов и трактирщикам объявить под роспись, «чтобы впредь непотребных жен и девок держать не держали под жестоким страхом и наказанием».

Положения петровских воинских артикулов вошли в Свод законов 1832 г. в виде ст. 669 и ст. 670 уголовных законов о блуде, по которым виновный в соvrращении обязан был обеспечить содержание матери и младенца, подвергался тюремному заключению и церковному покаянию. От наказания освобождала женитьба.

Проектом уголовного уложения, составленном при Елизавете Петровне, усиливалась борьба со сводничеством¹⁵. Указ от 1 августа 1750 г. обязывал главную полицейскую канцелярию организовать розыск и поимку по разным островам и местам Петербурга непристойных девиц и женщин, а затем с сопроводительной запиской отправлять их на осмотр в Калининскую больницу¹⁶. Эта больница возникла на большом прядильном дворе, где в 1718–1727 гг. делали полотно «на голландский манер» и куда позже направляли для исправления «непотребных» женщин.

Указы 1743, 1760 и 1782 гг. касались, кроме прочего, запрета мужчинам посещать публичные бани вместе с женщинами¹⁷.

Ввиду распространения в армии венерических болезней, сенатский указ от 20 мая 1763 г. предписывал допрашивать военнослужащих, одержимых «франц-венерией», об источнике заражения, вводил розыск проституток по показаниям заразившихся от них лиц, и принудительное бесплатное лечение, а уличенным в «непотребстве» женщин грозил ссылкой в Сибирь. После лечения солдатских жен предписывалось возвращать мужьям, крепостных – владельцам, а солдатских вдов ссылали на Нерчинские рудники. Поводом к изданию указа послужило выявление, в результате посещения начальством с.-петербургского главного госпиталя, 40 больных «франц-венерией», как тогда называли сифилис и другие венерические инфекции. По объяснениям старшего доктора и главного лекаря, заразились они не иначе как от «непотребных» женщин¹⁸.

Екатерининским указом 1765 г. подлежали ссылке на поселение в сопровождении караула вдовы и девки за «праздность» и «беспорядочное поведение». А с 1771 г. по распоряжению Сената полиция стала отправлять «непотребных девок» на фабричную работу. В полицейском Уставе благочиния 1782 г. впервые было сказано о разврате как о промысле, то есть добывании средств к существованию путем «непотребства» (а значит проституции), за что устанавливалось наказание в виде помещения на полгода в смиренный дом. Такому же наказанию, а также штрафу, подвергались сводники, в том числе предоставлявшие для разврата свой дом¹⁹. Убедив-

шись, что ужесточение мер не ведет к сокращению проституции, Екатерина II допустила существование легальных проституток, обязав их подчиниться периодическим медицинским осмотрам. В Петербурге отвели специальные места для публичных домов²⁰.

В начале правления Павла I под страхом тюремного заключения публичных женщин обязали носить одежду желтого цвета как отличительную особенность их ремесла. Указом 1800 г. было повелено всех «развратниц» обеих столиц ссылать «прямо на Нерчинские фабрики». В Москве полиция отыскала таких 139, из которых около половины были солдатками²¹.

При Павле I и Александре I положения Устава благочиния о «непотребстве» и сводничестве оставались действующим законом²².

При Николае I традиции прежнего законодательства сохранялись. Об этом свидетельствуют ст. 223 и ст. 218 Устава о предупреждении и пресечении преступлений Свода законов Российской империи 1832 г. Наказ чинам и служителям земской полиции от 3 июня 1837 г. напоминал становым приставам о недопустимости «всякого разврата». Ст. 182 Сельского полицейского устава для государственных крестьян 1839 г. предписывала «холостных и вдовых мужчин, равно незамужних и вдовых женщин, уличенных в непотребстве, употреблять в общественные низкие работы: на метение и очищение улиц от грязи и сора, на мытье полов в общественных домах и т.п.»²³. По ст. 781 Свода законов уголовных редакции 1842 г., «виновные в блюде» подвергались «тюремному заключению и церковному покаянию». Согласно ст. 1286 Уложения 1845 г. виновный в посещении «непотребных» женщин «явным и соблазнительным образом» подлежал денежному штрафу от 1 до 10 руб.

В то же время новая редакция Уложения о наказаниях 1845 г. относительно лояльно стала рассматривать внебрачную связь свободных мужчины и женщины: по ст. 1289 за сожителство неженатого с незамужней по их взаимному согласию, если не появлялся ребенок, осталось только церковное покаяние. А тюремное заключение, неперемное требование жениться на обольщенной, возможность избежать наказание женитьбой на сожительнице были исключены.

Применение государством строгих наказаний за «непотребство» столетиями осуществлялось в отношении обоих полов. Однако в XVIII в. был сделан крен в сторону женщин. Окончательным отступлением от исторической традиции преследования за разврат без различия пола, стало введение Уложением о наказаниях 1845 г. по ст. 1287 ответственности за профессиональное непотребство только женщин, а ст. 1288 предусматривала наказание их за сокрытие «lues venerea» – венерической болезни. Такие меры казались составителям уложения необходимыми «не только как наказание за порок, но и для предупреждения, по возможности, вредного влияния болезни на общественное здравие»²⁴. Если Екатерина положила начало медосмотрам проституток, то в 1835 г. последовало повеление Николая I не

взыскивать с женщин с отличительными желтыми билетами, отправляемых в полицейское отделение Калинкинской больницы, плату за лечение.

Официальной датой открытия больницы на 60 коек, где существовало и венерологическое отделение, считается 1781 г. Затем на набережной Фонтанки, за старым домом, в 1831–1833 гг. было построено новое трехэтажное здание на 300 стационарных мест²⁵. Организацию бесплатного лечения проституток-сифилитичек в Калинкинской больнице следует считать официальным признанием проституток главными виновницами распространения сифилиса.

4 марта 1843 г. министр внутренних дел Л.А. Перовский поручил особому комитету при министерстве заняться поисками мер против «любоэстрастной болезни» и составлением правил надзора за публичными женщинами. 10 августа он получил высочайшее разрешение на учреждение в С.-Петербурге врачебно-полицейского надзора за проституцией. Комитет Министров со своей стороны одобрил введение предложенных Министерством внутренних дел и санкционированных императором системы мер надзора в виде эксперимента только в С.-Петербурге и сроком только на два года. В случае удачного опыта предполагалось представить утверждение штата Врачебно-полицейского комитета и штата больницы для проституток законодательным порядком через Государственный Совет. Данное положение Комитета Министров от 6 октября 1843 г. было одобрено Николаем I.

Однако никаких изменений в законах о наказаниях за «непотребство» не произошло. Следовательно, деятельность Врачебно-полицейского комитета должна была осуществляться в рамках существовавшей и продолжавшей развиваться строго запретительной системы мер против «непотребства». Противоречие между строго запретительной правовой системой и необходимостью подконтрольной легализации проституции пытались компенсировать административными распоряжениями. Начало этой практики положил все тот же Перовский. Циркулярное предписание начальникам губерний от 4 декабря 1846 г. говорило об освобождении от суда тех женщин, занимавшихся развратом, которые строго соблюдали правила надзора, не уклонялись от медицинского освидетельствования, и не были уличены в другом преступлении. В противном случае они должны были отвечать за разврат по закону. 8 марта 1848 г. министры внутренних дел и юстиции ходатайствовали об освобождении поднадзорных проституток, не обвиняемых в других преступлениях, от наказаний и взысканий за «непотребство» на основании распоряжений министерств губернским и уездным полицейским управлениям. Николай I согласился.

По высочайше утвержденному, но не обнародованному решению Государственного Совета от 6 апреля 1853 г. женщины, состоявшие под врачебно-полицейским контролем, осуждению именно за «непотребство» не подвергались, но преследовались за другие преступления, а по совокупности с ними обвинялись и в разврате. Механизм освобождения поднад-

зорных проституток от уголовной ответственности действовал так: низшие инстанции приговаривали виновных в «непотребстве» к наказаниям, установленным статьями законов, губернатор этих приговоров не утверждал и ходатайствовал перед Министерством внутренних дел об освобождении осужденных, министр же удовлетворял подобные прошения²⁶.

Ст. 44 Уложения о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г., исключавшая наказание за проституцию на условиях подчинения врачебно-медицинскому контролю²⁷, заменила ст. 1287 и 1288 Уложения о наказаниях 1845 г., и ст. 1342 и 1343 Уложения о наказаниях 1857 г. По возбужденному Министерством юстиции вопросу о пределах действия ст. 44 в отношении тайных проституток общим собранием 1-го и Кассационного департаментов Сената 3 февраля 1892 г. было разъяснено, что женщин, промышлявших развратом без зачисления в списки публичных, следует привлекать по данной статье за тайный разврат. При этом запретительная система проституции не разрушалась, так как ст. 223 и 230 Свода уставов о предупреждении и пресечении преступлений 1832 г., а также ст. 155 и 158 Устава о предупреждении и пресечении преступлений 1890 г. категорически запрещали «открывать днем и ночью дом свой или наемный для непотребства, и входить в него»²⁸.

Таким образом, в условиях официального запрета, ст. 44 Уложения о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г., по сути, легализовала проституцию в России, выдвинув проституткам в качестве условия полное подчинение требованиям организованного за ними контроля. Патерналистская политика верховной власти императорской России стояла на страже традиций и не могла допустить явного признания открытого «непотребства», но в интересах заботы о здоровье народа власть была вынуждена сделать шаг к терпимости.

Примечания

¹ Мордовцев Д.Г. Живой товар: Постыдная международная торговля молодостью и красотой и меры против безнравственных совратителей женщин. М., 1894. С. 41.

² Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Изд. 1885 года со включением статей по продолжениям 1886 и 1887 годов. СПб., 1890. Ст. 44, п. 7; Постановление общих заседаний высочайше разрешенного съезда по обсуждению мер против сифилиса в России, бывших с 15 по 22 января 1897 г. Нижний Новгород, 1897. С. 23.

³ Дерюжинский В.Ф. Лекции по полицейскому праву. СПб., 1899. С. 202–203; Броннер В.М., Елистратов А.И. Проституция в России: Проституция в России до 1917 г. Борьба с проституцией в РСФСР. М., 1927. С. 85.

⁴ Гене ам-Рин О. Недостатки современного полицейского надзора за общественной нравственностью: Проституция и торговля женщинами. Меры борьбы с этим злом. СПб., 1900. С. 3; Грязнов К. Проституция как общественный недуг и меры к его врачеванию. В 2 ч. М., 1901. С. 21; Канкарович И.И. Проституция и общественный разврат: К истории нравов нашего времени. СПб., 1907. С. 8,13; Елистратов А.И. Задачи государства и общества в борьбе с проституцией: Из лекций весеннего семестра 1910 г. М., 1911. С. 105–106.

⁵ Рабуто А.П. Проституция в Европе с древнейших времен до конца XVI в. // Проституция и ее жертвы. М., 1873. С. 95–98; Ахиарумов Д.Д. Проституция и регламентация. Рига, 1889. С. 66–67; Дерюжинский В.Ф. Указ. соч. С. 202–203.; Блох И. История проституции. Т. 1. СПб., 1913. С. 7, 29–30; Броннер В.М. Проституция и пути ее ликвидации. М.;Л., 1931. С. 3–4; Голосенко И.А., Голод С.И. Социологические исследования проституции в России (история и современное состояние вопроса). СПб., 1998. С. 14.

⁶ Шперк Э. О мерах к прекращению сифилиса у проституток // Архив судебной медицины и общественной гигиены. СПб., 1869. Кн. 3. Сентябрь. Отд. III. С. 76.

⁷ Кузнецов М. Историко-статистический очерк проституции в Петербурге с 1852 по 1869 гг. // Архив судебной медицины и общественной гигиены. СПб., 1870. Кн. 1. Март. Отд. III. С. 50; Он же. Проституция и сифилис в России. СПб., 1871. С. 5; Martineu L. Тайная проституция и меры против нее. СПб., 1886. С. 27; Гарновский В.М. Проституция и аболиционизм. СПб., 1888. С. 91; Сабинин А.Х. Проституция. Сифилис и венерические болезни. Половое воздержание. Профилактика проституции. СПб., 1905. С. 77; Блашко А. Гигиена проституции и венерических болезней. М., 1909. С. 64; Чарыхов Х.М. Учение о факторах преступности: Социологическая школа в науке уголовного права. М., 1910. С. 44; Гальперин С.Е. Проституция в прошлом и настоящем. М., 1928. С. 3.

⁸ Мордовцев Д.Г. Указ. соч. С. 48–49, 51.

⁹ Там же. С. 41.

¹⁰ Приклонский И.И. Проституция и ее организация. М., 1903. С. 50–53.

¹¹ Андреевский И.Е. Полицейское право. Т. 2. Ч. 2. СПб., 1873. С. 20.

¹² Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с торгом женщинами и его причинами, происходившего в С.-Петербурге с 21 по 25 апреля 1910 года. Т. II. СПб., 1912. С. 337.

¹³ Приклонский И.И. Указ соч. С. 53.

¹⁴ Елистратов А.И. Борьба с проституцией в Европе. Казань, 1909. С. 158, 395; Приклонский И.И. Указ. соч. С. 57.

¹⁵ Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с торгом женщинами... Т. II. С. 337–338.

¹⁶ Елистратов А.И. Борьба с проституцией в Европе. С. 158–159.

¹⁷ Приклонский И.И. Указ. соч. С. 56.

¹⁸ Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с торгом женщинами... Т. II. С. 338–342.

¹⁹ Елистратов А.И. Борьба с проституцией в Европе. С. 159–160.

²⁰ Приклонский И.И. Указ соч. С. 57.

²¹ Мордовцев Д.Г. Указ соч. С. 59.

²² Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с торгом женщинами... Т. II. С. 340.

²³ Законопроект об отмене врачебно-полицейского надзора за проституцией и закрытии притонов: По инициативе Санкт-петербургского клуба женской прогрессивной партии сост. проф. А.И. Елистратовым и внесен в Государственную Думу депутатом А.И. Шингаревым (внесено за подписью 39 членов Гос. Думы 25 окт. 1913 г.). СПб., 1913. С. 2.

²⁴ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845.

²⁵ Капустин М.Я. Калининская городская больница. СПб., 1885. С. 21; Аравийский Р. А., Белянин В. Л., Мочалов В. С., Васильева Н. В. Калининская больница – первая гражданская больница Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 1–31.

²⁶ Елистратов А.И. Борьба с проституцией в Европе. С. 162–166.

²⁷ Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. СПб., 1867.

²⁸ Елистратов А.И. Борьба с проституцией в Европе. С. 160, 395, 398, 167–168.

ЛИБЕРАЛ Д. ГАНЗЕНМАН И ЕГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЕДИНСТВЕ ГЕРМАНИИ

Давид Ганземан известен как либерал, представитель промышленной буржуазии Рейнской области, как член прусского мартовского министерства в годы революции 1848–1849 гг. Но его биография до сих пор не стала предметом изучения российских историков, отсутствует комплексное научное исследование деятельности и интеллектуального наследия Ганземана и в зарубежной историографии. Между тем, эта синтетическая фигура великолепно иллюстрирует многие особенности раннелиберального феномена в Германии.

В годы наполеоновских войн Рейнская область находилась под властью Франции, а после 1815 г., став на основе решений Венского конгресса частью Пруссии, на Западе граничила с бельгийскими территориями. Рейнская область традиционно являлась ареалом развитого ремесла и торговли, а в 1820-е гг. там уже начался процесс индустриализации, который затронул текстильную промышленность, горнодобычу и металлургию. Эта территория с ее большими запасами угля и железной руды в долинах Рура и Саара стала центром горной и металлургической промышленности, именно в этом регионе впервые в Германии началось строительство железных дорог. Не случайно лицом либерализма Рейнской области стали такие крупные предприниматели, как Лудольф Кампгаузен, Давид Ганземан, Густав Меффиссен.

Ганземан не был уроженцем рейнского региона: он родился 12 июля 1790 г. в местечке Финкенверде близ Гамбурга в семье пастора. Он был младшим сыном, и родители прочили ему карьеру коммерсанта. Обычно именно выходцы из семей пасторов и учителей становились предпринимателями с ярко выраженными интеллектуальными и культурными запросами¹. В 1794 г. семья переехала в окрестности Ганновера. Давид посещал сельскую школу и дополнительно занимался с отцом, а в 14 лет поступил учеником на торговое предприятие братьев Швенгер в Реде. Через 5 лет он стал выполнять обязанности торгового агента, завязал многочисленные деловые знакомства, часто совершал торговые поездки, нередко бывал за пределами Германского союза, но мечтал открыть свое дело.

В 1817 г. Ганземан организовал собственное предприятие в Аахене (Рейнская область) по посреднической торговле шерстью. Оно стало своеобразным перевалочным пунктом между восточными и западными промышленными областями, а также Бельгией. Он показал себя талантливым коммерсантом. К тому же он обладал беспримерным трудолюбием, решительностью и сильной волей, поэтому товарооборот его магазинов увеличивался год от года.

Через короткое время Ганземан стал вполне состоятельным человеком. В 1821 г. он женился на дочери фабриканта из Эупена Фани Фретерей. Брак принес ему не только семейное счастье, но и окончательное избавление от материальных забот. Именно тогда он вступает на политическое поприще: его избрали в коммунальный совет г. Эупена и Аахенскую торговую палату. В них он стал заниматься решением социального вопроса, проявив склонность к нестандартным подходам.

В годы после наполеоновских войн в Германии появились первые общества страхования от пожаров. В 1824 г. Ганземан преобразовал подобное общество в Аахене в акционерное и добился его одобрения прусским государством, поскольку общественно-полезный характер его задач не вызывал сомнения, так как акционеры делили между собой только половину прибыли общества, а все остальные доходы передавались бедным детям и трудовым учреждениям города². К 1834 г. общество открыло свои отделения в Баварии. Одновременно на основе аахенского общества Ганземан создал Союз повышения трудолюбия, и в его рамках он организовывал сберегательные кассы, учреждения по охране детства, вечерние и воскресные школы.

Ганземан был масштабным, прагматичным и довольно амбициозным предпринимателем. На заре индустриальной эры для раздробленной Германии особое значение имело создание единого экономического пространства, поэтому наряду с развитием Таможенного союза важное значение приобретало железнодорожное строительство. Идеальным вдохновителем развития таможенных и железнодорожных связей был известный немецкий экономист Фридрих Лист, который еще в 1833 г. в статье о саксонской железнодорожной системе видел ее значение в качестве основы немецкой железнодорожной сети в целом.

Первые железнодорожные проекты стали осуществляться в Рейнской области. Инициатором строительства железной дороги Кельн–Антверпен стал либерал, предприниматель и банкир Кампгаузен, а так как ее планировалось провести рядом с Аахеном, то к участию в этом проекте привлекли Ганземана. Он с присущей ему сметкой сразу понял все значение дороги и добился того, чтобы она прошла непосредственно через Аахен, создал в 1835 г. Рейнское железнодорожное общество, во главе которого находился более 7 лет. Он удачно решал многие финансовые проблемы общества, но сложил с себя полномочия в 1843 г. из-за конфликта с Кампгаузеном. Параллельно в 1840 г. Ганземан организовал Кельнско-Минденское железнодорожное общество и провел профессиональный мониторинг по всем важнейшим вопросам сооружения этой дороги. В дальнейшем Ганземан стал признанным авторитетом в сфере железнодорожного строительного бизнеса, изложил свое мнение в многочисленных статьях и брошюрах³ и сумел привлечь крупных частных инвесторов к финансированию этих проектов. В стремлении Ганземана расширять сеть железных до-

рог в Германском союзе проявлялось его убеждение в необходимости движения к единству. Разнообразная и, главное, результативная деятельность обеспечила ему лидирующие позиции среди рейнских либералов, а также усилила положение Рейнской области в плане воздействия на развитие экономических и политических сил Пруссии. Все это и позволило ему серьезно заняться политической деятельностью.

Как все либералы Германии, Ганземан выступал за учреждение конституционных форм правления и развитие местного самоуправления. В 1833 г. он написал сочинение «Пруссия и Франция. Хозяйственное и политическое положение с точки зрения развития Рейнской области», где обсуждал конституционные вопросы, а также связывал надежды на утверждение идеалов свободы с формированием среднего класса⁴. В него он включал людей обеспеченных, с высоким уровнем образования и полагал, что его ядром являются «видные купцы и фабриканты»⁵. Фактически как и другие рейнские либералы (например, Мефиссен), Ганземан рассматривал развитую промышленность как одно из условий свободы⁶.

В 1845 г. он стал депутатом ландтага Рейнской провинции от Аахена и представил ландтагу записку, где изложил либеральную политическую программу: он требовал завершения формирования Таможенного союза учреждением таможенного парламента, созыва общепрусского сословного представительства, отмены вотчинных судов и податных изъятий дворянства.

После воцарения на престоле Фридриха Вильгельма IV надежды на создание единого для всей Пруссии представительства и введения конституции получили новый импульс. Весной 1847 г. король созвал Соединенный ландтаг (заседал с апреля по июнь 1847 г. в Берлине), депутатом которого стал Ганземан. Он выразил общее требование о необходимости конституционной реформы и вскоре обрел репутацию опытного политического лидера⁷. Он выступал в Соединенном ландтаге также по бюджетно-финансовым вопросам, военным проблемам и задачам железнодорожного строительства. Как только весть о революции во Франции докатилась до Германии, Ганземан, стремясь избежать насилия, обратился к прусскому министру внутренних дел с предложением в духе социального партнерства. Он писал: «Ваше превосходительство! Когда отечеству грозит опасность, люди, любящие его, должны, как бы ни были различны их политические убеждения, сблизиться друг с другом». И предлагал министру созвать Соединенный ландтаг и пойти навстречу пожеланиям оппозиции⁸.

После начала революции в Германии и кровавых столкновений населения Берлина с войсками в марте 1848 г. прусский король созвал второй Соединенный ландтаг и приступил к формированию либерального министерства. Главой министерства стал Кампгаузен, а портфель министра финансов получил Ганземан. Однако главными задачами финансового министра стали не либеральные реформы, а забота о безопасности государ-

ственных финансов, борьба с экономическим и финансовым кризисом, который в то время переживала вся Европа.

В мае 1848 г. начались заседания прусского Национального собрания в Берлине, сформированного на основе всеобщего избирательного права и призванного ввести конституцию. Ганземан предложил проект конституции, предусматривавший учреждение двухпалатного парламента и двухстепенные выборы. Но прусское Национальное собрание было настроено довольно враждебно, активизировались радикальные элементы и вне парламента. В июне 1848 г. после массовых беспорядков и штурма цейхгауза, не желая кровопролития, добровольно сложил с себя полномочия главы кабинета министров Кампгаузен. Король поручил формирование нового министерства Ганземану и вскоре возник кабинет Ауэрсвальда–Ганземана. Последний остался в рамках нового кабинета в должности министра финансов, но стал его фактическим лидером.

Он продолжал выступать за дальнейшее проведение конституционной реформы, отдал все свои практические знания для того, чтобы в эти непростые времена содержать прусские финансы в порядке и сделал немало для преодоления хозяйственных трудностей. Но в сентябре 1848 г. кабинет прекратил свое существование, и Ганземан перестал быть министром финансов. В декабре 1848 г. прусское Национальное собрание переехало из Берлина в Бранденбург и практически не возобновило свою работу. 5 декабря 1848 г. Пруссия обрела октроированную конституцию, которая в 1850 г. была дополнена трехклассным избирательным законом.

Все это не слишком вписывалось в представления Ганземана о конституции, и он сконцентрировался в большей степени на экономических вопросах. В 1848–1851 гг. он стал руководителем Прусского банка и представителем рейнских кругов в верхней палате прусского ландтага. В 1852 г. он добровольно сложил с себя полномочия депутата и с этого же года всецело посвятил себя финансовой деятельности, отвечающей вызовам индустриализации. Он выступил как создатель прусского кредитного общества (Diskonto Gesellschaft), которое обеспечивало оптимальное движение капиталов в рамках развития немецкой промышленности.

Ведущим вопросом для либералов ходе революции 1848–1849 гг. было достижение единства Германии. Как предприниматель и финансист Ганземан был заинтересован в создании единого немецкого экономического и таможенного пространства. Но и идея политического единства также была ему близка: еще накануне революции, весной 1847 г., он вместе с известными политиками юго-западной и западной Германии принимал участие в работе собрания либералов в Геппенгейме, на котором была принята резолюция о необходимости созыва общегерманского парламента. Конкретно обсуждалась альтернатива: созвать его в рамках Союзного сейма или приурочить его к Таможенным конференциям, которые были высшим органом Таможенного союза. Ганземан высказался, естественно, в пользу последнего варианта⁹. Но вопрос так и не был решен.

Когда началась революция, 5 марта 1848 г. состоялось совещание либералов в Гейдельберге, куда съехались все видные либеральные политики Германского союза. В их числе был и Ганзман. Он поддержал антиреспубликанские заявления и монархическую форму правления, а также высказался против объединительных намерений Союзного сейма¹⁰, полагая, что следует опираться на иные структуры. В ходе развития революции 1848–1849 гг. Ганзман больше не был членом общегерманских учреждений, не являлся депутатом Франкфуртского парламента, но часто посещал Франкфурт как частное лицо. Там он обменивался мнениями со своими единомышленниками, а позже, в 1849 г., опубликовал сочинение по поводу решения общегерманского конституционного вопроса¹¹. Фактически это были своеобразные критические заметки на полях Имперской конституции.

Прежде всего, Ганзман недвусмысленно давал понять, что название единого немецкого государства должно быть иным. Он писал, что «империя – это блестящее и претенциозное название, но нужно быть более мудрыми и выбрать другое, например, «Союз государств Германии» (deutsche Vereinstaaten), поскольку первое «не соответствует статусу союзного государства» и вообще, выбирая название единого немецкого государства, следует больше учитывать опыт Таможенного союза¹². Идея империи либералами Франкфуртского парламента воспринималась как принцип единства, включавший в себя историческую традицию. Ганзман явно был не склонен к экзальтированному доктринерскому мышлению и размышлял конкретно, как предприниматель, давая публике понять, что интересы Пруссии в таком названии могут «потонуть».

Далее он обнаружил противоречия Имперской конституции с прусской, когда в первой речи шла о том, что только немецкие граждане могут входить в состав государственных органов. Это, по его мнению, противоречило прусской конституции, где заявлялось о гарантии прав ее граждан.

По поводу особенностей федеративного устройство Германии, которое связывало границы компетенции отдельных государств с необходимостью верховенства Имперской конституции и имперской власти, Ганзман скептически замечал, что этот пассаж – заимствование американского и швейцарского опыта. Он очень сомневался в его продуктивности для Германии, так как в отличие от США и Швейцарии на немецкие федеральные единицы центральной властью налагаются очень большие ограничения в сфере управления и законодательства¹³. Не нравился ему и чрезмерный контроль империи над германской армией: он полагал, что это приведет к прекращению существования прусского войска¹⁴. Он видел нарушение суверенитета прусского государств в исключительной юрисдикции центральной власти над морями, судоходными реками и озерами¹⁵.

Довольно подробные комментарии представил Ганзман по вопросу о подчинении имперской власти железных дорог и всех предприятий по их обслуживанию. Это привело бы, по его мнению, к унижению прусского

министра торговли, превратив его в подчиненного центру. В этом вопросе он апеллировал к североамериканскому опыту, где «федеральная власть вовсе не озабочена железнодорожным делом отдельных штатов». Он полагал, что было бы хорошо, если бы функции центра ограничивались вопросами определения размеров железнодорожной колеи, допускалось бы его вмешательство в случае, когда два или несколько немецких государств не могут урегулировать спорные вопросы в рамках строительства железных дорог и, конечно, без центра невозможно урегулирование проблемы компенсации в случае использования железных дорог для союзных целей.

Подобные комментарии Ганзман дал и по вопросам использования шоссейных дорог. Он настаивал на предоставлении более широкой компетенции отдельным государствам и прежде всего Пруссии. Необходимо было единогласно таможенным и торгового пространства поддерживалась им безусловно¹⁶. Однако он не считал обязательным соблюдение принципа верховенства имперской власти при выдаче патентов. Хотя в США, отмечал он, это – прерогатива центра, но «как быть, если кому-то нужен патент только для использования в Пруссии, почему он должен обращаться к центральным учреждениям?»¹⁷

Касаясь вопросов организации высшей имперской власти, Ганзман отмечал серьезные трудности в обеспечении принципа ее единства и наследственности, так как в Имперской конституции не предусматривалось создание рейхсрата, которой должен состоять из нескольких персон, усиливать партию сторонников наследственной имперской власти и быть противником ультрадемократической партии¹⁸.

Порядок формирования рейхстага также не вызывал у Ганзмана одобрения в силу того, что как в нижней палате, палате народов, так в верхней, палате государств, Пруссия была представлена недостаточно. И вообще, полагал политик, если опираться на мнение президента Франкфуртского парламента Гагерна, то достижение малогерманского единства должно повлечь за собой концентрацию политических сил в центре, то есть в Пруссии, а не на Севере¹⁹. Значение Пруссии было, по мнению Ганзмана, унижено, так как по конституции предусматривалось обеспечение преобладающего влияния за небольшими немецкими государствами. Компетенцию рейхстага Ганзмана также считал слишком обширной, но главное, он был очень недоволен большим влиянием на правительство нижней палаты²⁰, что пролагало путь к демократии. Угрозу монархическому принципу он видел и в том, что у обеих палат рейхстага было право самостоятельно выносить временные решения, действующие не более 14 дней.

Не одобрил Ганзман и раздел Имперской конституции об основных правах немецкого народа. Это выглядит несколько странно, так как он был разработан при активном участии Ф.К. Дальмана, взгляды которого отличала умеренность. Но объяснение этому можно обнаружить в представлении Ганзмана о том, что «единство и власть в единой Германии должны

быть обусловлены прусской властью»²¹ и это необходимо, так как провозглашение в рамках этого раздела политической свободы сочетается с отсутствием в народе традиций свободы, а власть в отдельных немецких государствах в силу многочисленных нарушений их интересов будет ослаблять прерогативу центра. И поэтому, заключал Ганзemann, такое «немецкое отечество не едино, не счастливо, а слабо и безвластно как внутри страны, так и на международном уровне»²².

Также политик довольно критически высказался о предоставлении прусскому королю титула германского императора на основе решения парламента, об отсутствии у него права абсолютного вето. Во всем этом он видел проявление ультрадемократии, слабости центральной власти. В целом он именно так определял в своих заметках дух «Имперской конституции»²³, который и не позволил Пруссии согласиться на предложенное Франкфуртским парламентом единство.

В заметках по поводу Имперской конституции либерал Ганзemann предстал абсолютным апологетом Пруссии, критиком многих довольно либеральных ее положений. Причина этого заключалась в том, что в ходе революции его политическая карьера в Пруссии не сложилась, а в дальнейшем он проявил себя как талантливый организатор индустриального бизнеса. Удачливый бизнесмен всегда стоит на почве политической реальности. Раннелиберальный комплекс идей в Германии часто называют «утопией». Когда встал вопрос о реализации либеральных ценностей в ходе революции 1848–1849 гг. на германском пространстве, то он так и не сложился. Наиболее удачную модель выживания после поражения революции продемонстрировали именно рейнские либералы: им были чужды иллюзии единства и они четко понимали, где сфокусирована реальность, приближающая Германию к объединению. Сторонники «буржуазного либерализма», а именно так Д. Лангевисше называл либералов Рейнской области²⁴, сохранили свое значение и в 1850-е гг., тогда как такие успешные либералы предмартовского периода и активные члены Франкфуртского парламента, как Дальман и Велькер, после поражения революции стали «людьми из прошлого».

Примечания

¹ Döbritz W. David Hansemann und Adolph von Hansemann. Krefeld, 1954. S. 6–7.

² Ibid. S. 10.

³ Hansemann D. Die Eisenbahnen und deren Aktionäre in ihrem Verhältnisse zum Staat. Leipzig–Halle, 1837.

⁴ Hansemann D. Preussen und Freikreich. Staatswirtschaftlich und politisch, unter vorzüglicher Berücksichtigung der Rheinprovinz. Leipzig, 1834.

⁵ Ibid. S. 2.

⁶ Langewiesche D. Liberalismus in Deutschland. Frankfurt am Main, 1988. S. 31–32.

⁷ Döbritz W. Op. cit. S. 16.

⁸ Цит. по: Революции 1848–1849 гг. Т. 1. М., 1952. С. 280.

⁹ Deutsche Geschichte von den Anfängen bis zur Wiedervereinigung. Stuttgart, 1991. S. 401.

¹⁰ Революции 1848–1849 гг. Т. 1. С. 260–261.

¹¹ Die deutsche Verfassung von 28. März 1849. Mit Anmerkungen von David Hansemann Abgeordneten der Ersten Preussischen Kammer. Berlin, 1849.

¹² Ibid. S. 1.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid. S. 4.

¹⁵ Ibid. S. 6–7.

¹⁶ Ibid. S. 10–11.

¹⁷ Ibid. S. 11.

¹⁸ Ibid. S. 18.

¹⁹ Ibid. S. 19–21.

²⁰ Ibid. S. 25.

²¹ Ibid. S. 49.

²² Ibid.

²³ Ibid. S. 24, 50.

²⁴ Langewiesche D. Op. cit. S. 23, 32.

Т.В. Юдина

СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ КОНФЛИКТЫ НА КОНЦЕССИОННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ СССР В 1920-е гг.

В последнее десятилетие в историко-экономической литературе все большее внимание уделяется социально-трудовым отношениям на предприятиях различных форм собственности в первые годы Советской власти, исследуется опыт организации труда, анализируются конфликты.

Конфликтные ситуации в 1920-е гг. были неизбежны. Социально-трудовые конфликты на концессионных предприятиях возникали как между иностранными предпринимателями и индивидуальными рабочими, так и между иностранными предпринимателями и организациями профсоюзов. Причинами конфликтов могли быть задержки заработной платы, неудовлетворительные условия труда, тяжелые жилищные условия, а также спорные вопросы приема и увольнения работников, повышения разрядов, расценок и норм выработки, снабжения спецодеждой, то есть те, которые касались улучшения материального положения рабочих. Весьма показательны многочисленные конфликты на крупных концессиях, таких как «Лена Гольдфильдс Лимитед» и «Грузинский марганец».

Редким явлением были конфликты с рабочими и служащими, органами НКТруда, профсоюзными организациями на концессионных предприятиях с небольшим штатом рабочих. Например, на концессии «Винт» с

численностью рабочих в 28 человек в 1927/1928 г. не было зафиксировано ни одного конфликта¹. Незначительное число конфликтов на других предприятиях профсоюзные работники объясняли системой «запугивания рабочих увольнением», а не тем, что «концессионер не дает повода для создания конфликтов»². На самом деле, стабильной работе концессионных предприятий способствовали своевременная выдача заработной платы, снабжение рабочих продуктами питания, соблюдение правил охраны труда.

Большинство конфликтов на концессионных предприятиях возникало не по инициативе самих рабочих, а по инициативе работников первичных, районных и вышестоящих профсоюзных организаций³. Для разрешения конфликтов первичные и районные комитеты профсоюзов, если не удавалось преодолеть их самостоятельно, обращались за помощью в вышестоящие профсоюзные организации, в том числе в центральные отраслевые комитеты. Обращения профессиональных органов в суды происходили в тех случаях, когда концессионеры нарушали советское трудовое законодательство. Так, в одном из отчетов профсоюзных организаций упоминалось, что администрация Дегтяринских рудников концессии «Лена Гольдфильдс Лимитед» «за нарушение трудового законодательства также передана суду... Рабочие возмущены обходом советских законов»⁴.

Увеличение количества обращений в третейские суды и вышестоящие организации со стороны заводского комитета и расценочно-конфликтной комиссии наблюдалось и в шведской концессии «СКФ». Если в 1928 г. их число составляло 28 %, то в 1929 г. – 42 %, а разрешение в пользу рабочих стало меньше: в 1928 г. – 62 %, 1929 г. – 50 %⁵.

ЦК ВКП(б) критиковал фабрично-заводские комитеты за недостаточную «инициативу в деле защиты претензий рабочих», несвоевременную подготовку мнения профорганизаций по искам рабочих, неоформление исковых заявлений, отсутствие на заседаниях РКК⁶. При обсуждении конфликтных ситуаций на закрытых заседаниях президиумов ЦК отраслевых профсоюзов участники настаивали на «руководящей роли в разрешении (а это имеет историческое значение) конфликтов» районных комитетов профсоюзов при их санкционировании⁷. Однако работники райкомов профсоюзов сталкивались с тем, что разрешение конфликтов в РКК подрывают авторитет профессиональных организаций. Один из них описал эту ситуацию так: «Конфликты, разрешаемые в РКК, сильно бьют наш Райком горнорабочих»⁸.

С другой стороны, райкомы часто пытались лавировать между расценочно-конфликтными комиссиями и концессионерами. Вот как оценила работу Бодайбинского районного комитета союза горнорабочих с концессией «Лена Гольдфильдс Лимитед» правительственная комиссия, образованная в соответствии с секретным постановлением СНК СССР от 14 июня 1928 г., в составе представителей Народного комиссариата труда, ВЦСПС, Сибирского коммунального хозяйства, Сибирской организации по разрешению конфликтов: «Они вечно сидят между двух стульев»⁹.

Обострению конфликтов, усилению напряженности взаимоотношений между профсоюзами и концессионерами способствовали повышенные требования профорганов, «дергания администрации по мелочам»¹⁰.

Помимо «непомерных требований» со стороны профсоюзов, сотрудники Главного концессионного комитета отмечали и «придирки местных властей»¹¹. 22 ноября 1927 г. была издана директива СНК, запрещающая советским органам власти нарушать права концессионеров. Основания для такого постановления имелись: в 1926/1927 г. большинство конфликтов явились результатом нарушения прав концессионеров местными органами власти¹².

Сотрудники Главного концессионного комитета подразделяли социально-трудовые конфликты на концессиях на следующие группы: 1) из-за просчетов или финансовой слабости концессионеров, 2) по вине советских органов, 3) из-за трудностей включения концессий в систему советской экономики, 4) из-за политики по труду и практики профсоюзов, 5) из-за неясности или неполноты концессионных договоров, 6) из-за невыполнения концессионерами своих обязательств¹³.

Третья группа конфликтов, по мнению сотрудников ВСНХ СССР, была наиболее распространенной. Так, в замечаниях Президиума ВСНХ СССР к отчету Главконцесскома за 1925/1926 г. прямо указывалось, что «увязать такое инородное дело, как иностранную концессию, к нашей системе хозяйства чрезвычайно трудно», «трения и затяжки» неизбежны¹⁴. По этой причине и прогнозы Главного концессионного комитета были неутешительны: «Рассчитывать, что конфликты в этой области прекратятся, мало оснований»¹⁵.

Так, на концессии «СКФ» в 1929 г. было зафиксировано в 7 раз больше конфликтов, чем в 1924 г.¹⁶ Конфликты на сельскохозяйственных концессиях частично разрешались на местах, частично – органами Народного комиссариата труда. Больше всего конфликтов было зарегистрировано на немецкой концессии «Маньчжун». Недоразумения возникали по вопросам охраны труда и из-за неурегулированности взаимоотношений концессионера с сельскохозяйственными рабочими. Из-за невнимательного отношения концессионера к рабочим не прекращались конфликты на японской концессии «Кита Карафуту Коогю Кабусики Кайся». На другой японской концессии – «Кита Карафуту Секио Кабусики Кайся» – причина конфликтов состояла в невыполнении концессионером обязательств по процентному соотношению советских и иностранных рабочих¹⁷.

Не меньшую роль играли и причины бытового характера. Так, в 1925 г. в городе Чиатури представитель концессии «Грузинский марганец» инженер Нюман открыл без разрешения комнату учащихся трудовой школы и выкинул их вещи. Нюман был уверен в правильности своих действий: «Дом, где проживали эти ученики, был заарендован концессионером»¹⁸. Народным судом Чиатурского района Нюман был приговорен к пятимесячному заключению, но, по ходатайству концессионера, приговор отменили, а Нюмана отправили на принудительные работы. В том же году из города

Поти «за недопустимо грубое отношение к рабочим» был выслен представитель концессии Зиберт. Такие решения местных властей рабочие встречали с одобрением.

На концессии «Лена Гольдфильдс Лимитед», где сложились непростые отношения между концессионером и первичным профорганом, Сибирский краевой комитет ВКП(б) настаивал на передаче профсоюзом в конфликтные инстанции лишь обоснованных требований рабочих. Крайком требовал сокращения сроков рассмотрения конфликтов, «не допуская случаев рвачества со стороны отдельных лиц или групп»¹⁹.

Такие требования были небезосновательными. Сотрудники ЦК профсоюза рабочих горнодобывающей промышленности СССР, обследуя в 1928 г. концессию «Лена Гольдфильдс», выявили случаи предъявления со стороны профсоюза недостаточно обоснованных требований рабочих концессионеру: «В вопросе борьбы с хищением золота, принявшем массовый характер, Бодайбинские организации до марта 1928 г. занимали неправильную линию, несмотря на неоднократные и жесткие директивы ЦК по данному вопросу. Пассивная роль районных организаций в этом вопросе, в частности в Светловском деле, вскрывшем фактическое содействие хищениям со стороны отдельных работников низовых и районных организаций, дает концессионеру повод для обвинения их в попустительстве. Всех союзных работников, уличенных в попустительстве или способствовании хищения золота, снять с профсоюзной работы»²⁰.

Конфликтам подчас способствовало и недовольство рабочих «грубым обращением администрации концессии с ними, издевательством и произволом»²¹. Рабочие концессии «Лена Гольдфильдс Лимитед» заявляли: «Опять пришло царское время. Служащие концессии распоряжаются нами, как рабами, жмут на каждом шагу, зная, что особенно в зимнее время рабочему деваться некуда»²². Профсоюзные работники между тем по-своему видели причины конфликтов: «Безработица, рост грабежей, хищений золота, сокращение пролетарского элемента, несущее за собой некоторое усиление мелко- и среднекапиталистических элементов»²³.

Возникали конфликты между концессионерами и профсоюзами в случаях увольнения рабочих. Профсоюзы стремились защитить рабочих через коллективный договор. На концессионном предприятии «Берикульский рудник товарищества Штольценберга и наследников Яковлева» при заключении договора возник спор. Если профсоюз настаивал на вывозе уволившихся рабочих за счет предприятия до ближайшей железнодорожной станции или же, по желанию работников, до любого населенного пункта в радиусе 70 верст от предприятия, то концессионер предлагал этот радиус ограничить 35 верстами. Вопрос решением суперарбитра был разрешен в пользу профсоюза²⁴.

37 рабочих, приглашенных из Владивостока на английскую концессию «Тетюхе», вступили в конфликт с иностранным предпринимателем по порядку найма и характеру заключенного коллективного договора в мае 1930 г.

Из-за недовольства рабочими низкими ставками под руководством профсоюза была организована забастовка на концессионном лесозаводе в Архангельской губернии²⁵.

Распространенной практикой урегулирования конфликтных ситуаций на концессионных предприятиях являлись обращения со стороны руководителей первичных профсоюзных организаций в центральные комитеты отраслевых профсоюзов.

21 мая 1925 г. в ЦК профессионального союза горнорабочих поступила телеграмма из Свердловска о волнениях на американской Алапаевской концессии между рабочими и иностранным предпринимателем возникали и раньше. Так, 28 октября 1922 г. помощник секретаря ЦК РКП(б) Назаретян ознакомил членов Политбюро Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева, В.И. Ленина, В.М. Молотова, И.В. Сталина, М.П. Томского, Л.Д. Троцкого и секретаря ЦК В.В. Куйбышева с перепиской по вопросу о конфликте между концессионерами и рабочими на Алапаевской концессии. «По поручению т. Сталина», Назаретян доложил, что конфликт возник между представителем концессионера Вольфом и рабочими из-за снижения заработной платы, в то время как рабочие государственного треста получали большую зарплату (на концессии – 6 руб. 29 коп., в государственном тресте – 7–8 руб.). Вольф потребовал снизить заработную плату до 4,5–5 рублей²⁷. Снижение размеров зарплаты вызвало недовольство рабочих.

По мнению концессионеров, конфликты между рабочими и ними должны были разрешаться в арбитражном суде, без привлечения профсоюзов. Однако в разрешении всех конфликтов, происходивших на концессиях, профсоюзы продолжали принимать участие, ибо обязанность разбираться в конфликтах на предприятиях с частным капиталом была возложена на профсоюзы и Наркомат труда решением правительства²⁸. Ст. 151 Кодекса законов о труде от 1922 г. также определяла, что законным представителем работающих по найму во всех случаях трудовых споров являются профсоюзы. На производстве была создана система органов, занимающаяся урегулированием трудовых конфликтов, то есть первичные профорганизации, инспекции труда, расценочно-конфликтные комиссии, вышестоящие профорганы, местные отделы НКТруда, примирительные камеры²⁹. И только если не удавалось разрешить спорную ситуацию в данных органах – следовало обращение в третейские и арбитражные суды.

Главный концессионный комитет отстаивал права профсоюзов, но считал, что если разногласия серьезные, то тогда возможно обращение в третейский суд. Так, в 1928 г. Главконцеском рекомендовал профсоюзам обратиться в третейский суд по конфликтным ситуациям на «Лене Гольдфильдс Лимитед» и «Грузинский марганец»³⁰.

Не только первичные профсоюзные органы, но и вышестоящие организации, представители других ветвей власти несвоевременно принимали меры по случаям нарушения законов и прав рабочих иностранными пред-

принимателями. Вопросы выплат заработной платы рассматривались на совместных заседаниях исполнительных и партийных комитетов, отделов труда, инспекций надзоров труда, профессиональных советов уездных и губернских уровней. Но не всегда обсуждения и решения были действенными.

Так, концессионер «Мологолеса» задерживал зарплату рабочим в течение двух месяцев³¹. После просьб, предупреждений, обращений первичного профсоюзного органа в Северо-Западное бюро ВЦСПС, профсоюзы строителей и деревообделочников, инспекцию по охране труда Северо-Западной области 12, 14 и 15 февраля 1925 г. были проведены общие собрания рабочих и служащих «Мологолеса». Большинством голосов собравшихся 14 февраля (130 – «за», 36 – «против») была объявлена стачка с 15 февраля с предварительным уведомлением губернских секции надзора, отдела труда, прокуратуры, партийного комитета и правления «Мологолеса». Недовольство рабочих погасить не удалось, и в октябре того же года заводской комитет стал готовить кампанию по повышению заработной платы в связи со снижением ставки 1-го разряда с 18 руб. до 16-ти³².

При подготовке стачки рабочие проявили высокую организованность, члены избранного стачечного комитета хорошо знали нормы и правила подготовки и проведения трудового спора. Выборы председателя и секретаря комитета, извещения органов власти и концессионера, организация неучастия в стачечных действиях сотрудников жизненно важных подразделений концессии (охраны, столовой, медпункта, перевозчиков), информирование собрания рабочих о своих постановлениях – во всем члены стачкома продемонстрировали свою грамотность и компетентность³³.

Несмотря на доводы представителя администрации «Мологолеса» Лосева о нецелесообразности стачки по причине того, что «она не ускорит выдачу денег» и опасения рабочего Германа, что объявление стачки «необдуманно» и «несерьезно», председатель стачечного комитета и профсоюзнополномоченный союза деревообделочников Павлов решительно отстаивал позицию большинства рабочих. «Стачку разрешил голод», – заявлял он³⁴.

На собрании 15 февраля рабочие, поддержавшие стачку, эмоционально обращались к коллегам: «Запугиванием на рабочих не подействуешь, ибо он сам хозяин, а потому позор тем, кто не присоединяется к стачке». Представители Василеостровского райкома РКП(б) вторили участникам общего собрания: «Вопрос о зарплате не может быть решен не в пользу рабочего»³⁵.

После выплаты значительной части задолженности по заработной плате, 18 февраля инспектор труда распустил стачечный комитет и стачка была прекращена. Но 19 февраля 239 рабочих Солецкого лесопильного завода № 1 концессии вновь объявили стачку с требованиями окончательной ликвидации задолженности по заработной плате и выходным пособиям³⁶.

Задержки в выплате заработной платы наблюдались на этом заводе и позже³⁷. За вторую половину апреля 1925 г. задержки составили 3 дня, за вторую половину июня – 5, за вторую половину июля – 7, за вторую поло-

вину августа – 10, за вторую половину сентября – 5 дней. В первой половине месяца задержки, как правило, были меньше. На лесопильном заводе № 3 администрация не выдавала заработную плату по 7–12 дней, предлагая вместо денег ордера³⁸.

Такие действия концессионера вызывали недовольство и членов заводских комитетов, и рабочих. Особенно сильно возмущались временные рабочие «Мологолеса». Проработав по 3–5 дней, они не получали окончательного расчета (сумма долга составляла 1 руб. 50 коп. – 2 руб. на одного рабочего) в течение 1–2 месяцев и ходили по нескольку раз в неделю «за кассиром, как за Христом» за 15–20 верст³⁹.

В 1927 г. не утихало недовольство профсоюза и рабочих концессионером «Лена Гольдфильдс Лимитед». Причинами оставались массовые обчеты рабочих при выдаче заработной платы, нерегулярное снабжение дровами. Рабочие замерзали в бараках. Сушилки не отапливались, и мокрая шахтовая одежда просыхала в бараках над плитами, где варилась пища. Рабочим нередко приходилось выходить на работу или долго оставаться, придя с работы, без горячей пищи⁴⁰.

Между тем представители концессионеров стремились сами, без участия профессиональных организаций и органов Наркомтруда, разрешать конфликтные ситуации с рабочими в собственных интересах. Порой прибегая к шантажу рабочих.

Так, в июне 1927 г. 7 уволенных рабочих с концессии «Грузинский марганец» написали в своем заявлении на имя концессионера: «Находимся снятыми с завода № 26 с 11 июня, за что мы считаем себя виновными и потому просим простить нам нашу вину и по Вашему предложению допустить к работе и при этом даем честное слово, что впредь с нашей стороны больше не будут повторяться подобные случаи. За простой не получаем»⁴¹. Они опасались потерять свое место, а, будучи уволенными, обратились с заявлением о приеме их обратно на работу не в профсоюз, а к концессионеру.

В инспекции труда эти рабочие дали следующие пояснения: их не допустили к работе без всяких объяснений, в этот же день рабочие обратились в заводской комитет, а через несколько дней, представитель концессионера инженер Сакварелидзе объявил, что они допущены к работе, но с условием, что напишут ходатайство простить их и дадут обещание впредь не жаловаться. Опасаясь, что «дела не выиграют и работу потеряют», рабочие не стали повторно обращаться в профессиональный заводской комитет, а написали заявление концессионеру. 20 июня 1927 г. они вернулись на прежние места. В инспекции заявление из 7 рабочих решил подписать только один – Г. Гаприндашвили⁴².

С 1928 г. число конфликтов стало расти. Появились новые причины конфликтов между рабочими и концессионерами: увольнение в первую очередь семейных рабочих, отказы в выдаче выходного пособия временным и сезонным рабочим, отказы платить за выходные дни, сверхурочные

в праздничные дни; выдача низкого качества продовольственных пайков и спецодежды⁴³, установление тарифных ставок и разрядов⁴⁴.

Повод для взаимных претензий между профсоюзами и концессионерами возникал и тогда, когда предприниматели недобросовестно выполняли советские законы. Так, администрация концессии «Лена Гольдфильдс Лимитед» в 1928 г. 6 месяцев не оформляла патент на торговлю вином. Член правительственной комиссии Заромский на закрытом заседании заявил о представителях исполнительной власти в Бодайбо: «Советская власть там – это не то, что советская власть в Москве, нет даже подобия, это одно недоразумение, и вот это «недоразумение» ходит и просит: “У вас срок истекает, мы вынуждены оштрафовать вас, возьмите патент”»⁴⁵.

В течение 1928–1929 гг. требования к концессионным предприятиям ужесточались. В докладной записке «Об основных итогах деятельности концессий обрабатывающей промышленности (о нездоровых явлениях в области н/концессионной практики)», указывается, что концессионные предприятия «Блох и Гинзбург», «Новик и Сыновья», «Триллинг», «Ченстоховская», «Новик и Сыновья», «Лео», «Альтман», «Борунский», «Рейсер», «Гаммер» не отвечают требованиям советского законодательства и концессионной политике⁴⁶.

Таким образом, причинами конфликтных ситуаций на концессионных предприятиях в 1920-е гг. являлись прежде всего неурегулированные вопросы материального положения рабочих: организация и условия труда, задержки в выдаче заработной платы. Формы организации споров были типичными: жалобы, стачки, забастовки. Время урегулирования социально-трудовых споров колебалось от нескольких дней до нескольких недель. Стачки на концессионных предприятиях были санкционированы профсоюзами и проходили под строгим контролем. Способы разрешения трудовых конфликтов сводились к примирению рабочих и администрации концессии, как правило, с помощью центральных комитетов отраслевых профсоюзов. От концессионеров советские органы власти и профсоюзы требовали улучшения социально-экономического положения рабочих.

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5459. Оп. 6. Д. 282. Л. 279об.

² ГА РФ. Ф. 5459. Оп. 9. Д. 311. Л. 25об.

³ Там же.

⁴ ГА РФ. Ф. 5459. Оп. 9. Д. 313. Л. 41.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 15. Л. 30.

⁶ Там же. Л. 166–167.

⁷ ГА РФ. Ф. 5459. Оп. 10. Д. 301. Л. 17.

⁸ Там же.

⁹ ГА РФ. Ф. 5459. Оп. 9. Д. 313. Л. 220; Оп. 10. Д. 301. Л. 18.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 15. Л. 163.

¹¹ Иностраные концессии в СССР (1920–1930 гг.): Документы и материалы.

Т.П. М., 2005. С. 208.

¹² Там же. С. 370.

¹³ Там же. С. 245.

¹⁴ Там же. С. 290.

¹⁵ Там же. С. 371.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 15. Л. 30.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 113. Л. 211; Иностраные концессии в СССР (1920–1930 гг.). Т. II. С. 362, 382, 383.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 5459. Оп. 9. Д. 311. Л. 30.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 5459. Оп. 9. Д. 313. Л. 221, 5.

²⁰ Там же. Л. 5.

²¹ Там же. Л. 278об.

²² Там же.

²³ Там же. Л. 331об.

²⁴ ГА РФ. Ф. 5459. Оп. 6. Д. 282. Л. 290.

²⁵ Борисова Л.В. Социально-трудовые конфликты: причины и механизм разрешения в первые годы нэпа // Нэп: экономические, политические и социокультурные аспекты. М., 2006. С. 457–458.

²⁶ ГАРФ. Ф. 5459. Оп. 6. Д. 128. Л. 1–2.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 452. Л. 71–74.

²⁸ Иностраные концессии в СССР (1920–1930 гг.). Т. II. С. 247.

²⁹ Борисова Л.В. Указ. соч. С. 458.

³⁰ Иностраные концессии в СССР (1920–1930 гг.). Т. II. С. 370.

³¹ ГА РФ. Ф. 5467. Оп. 8. Д. 141. Л. 53об., 70–70об., 103об., 105об.

³² Там же. Л. 55об.

³³ ГА РФ. Ф. 5467. Оп. 8. Д. 129. Л. 102–105.

³⁴ Там же. Л. 72, 93–101, 103–104.

³⁵ Там же. Л. 104–105.

³⁶ Там же. Л. 70.

³⁷ ГА РФ. Ф. 5467. Оп. 8. Д. 141. Л. 44об.

³⁸ ГА РФ. Ф. 5467. Оп. 8. Д. 129. Л. 19, 20.

³⁹ ГА РФ. Ф. 5467. Оп. 8. Д. 129. Л. 20, 21; Д. 141. Л. 73–73об.

⁴⁰ ГА РФ. Ф. 5459. Оп. 7. Д. 381. Л. 170, 171.

⁴¹ ГА РФ. Ф. 5459. Оп. 9. Д. 311. Л. 22.

⁴² Там же. Л. 26–26об.

⁴³ ГА РФ. Ф. 5459. Оп. 9. Д. 311. Л. 40.

⁴⁴ Иностраные концессии в СССР (1920–1930 гг.). Т. II. С. 247.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 5459. Оп. 10. Д. 301. Л. 21.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 113. Л. 4–8.

МЕСТНАЯ ВЛАСТЬ И КООПЕРАЦИЯ ЧУВАШИИ В ГОДЫ НЭПА*

Изучение кооперативной политики всегда занимало важное место в историографии кооперативного движения. Долгое время в центре внимания историков находился «ленинский кооперативный план», а мероприятия государства представлялись только с положительной стороны, с «точки зрения последующих успехов коллективизации, поэтому в них выделялись лишь те моменты, которые были связаны с оказанием помощи коллективным хозяйствам»¹.

Кардинальные изменения в исследовании государственной кооперативной политики начали происходить в конце 1980-х–начале 1990-х гг. Ученые отошли от одностороннего подхода к ее изучению. Как отмечает А.В. Воронин, «сегодняшняя историографическая ситуация в области исследования кооперативной политики характеризуется значительным разнообразием взглядов... К тому же по-прежнему сохраняется разделение между исследованиями, касающимися преимущественно проблем кооперативной политики центра, и работами, посвященными развитию кооперации исключительно в региональном аспекте»². Действительно, до сих пор недостаточно изучена проблема взаимоотношений местных органов власти и кооперации в годы нэпа в региональном аспекте, особенно в национальных субъектах Российской Федерации. Одним из таких является Чувашия.

Первые кооперативные объединения на территории Чувашского края появились в конце XIX в., когда были образованы потребительское общество Алатырских железнодорожных мастерских (1893 г.) и общество потребителей г. Цивильска (1897 г.). В сельской местности первое потребительское общество возникло в 1904 г. в с. Малые Яльчики Тетюшского уезда Казанской губернии³. Но потребительские общества не стали распространенным явлением в жизни края. Более массовый характер приобрели кредитные и ссудо-сберегательные товарищества. К началу Первой мировой войны кредитная кооперация в Чувашии охватила около 34 % всех крестьянских хозяйств⁴. Такой большой охват кредитными кооперативами крестьянских хозяйств был вызван тем, что кредитная кооперация создавалась на государственные средства: в 1904 г. при Госбанке было образовано управление по делам мелкого кредита, в задачи которого входило содействие кредитной кооперации в стране. Такой путь распространения кредитных кооперативов не предполагал сбор паевых взносов, что является обязательным в любом кооперативном объединении, поэтому связь крестьян с кредитными кооперативами носила формальный характер и выражалась только в получении ссуды или кредита и их своевременном возвращении.

* Статья написана при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 09-01-2219 а/В.

Наименьшее распространение получила производственная кооперация. В начале 1910-х гг. в Чувашии возникло несколько промысловых кооперативов. Но не всем артелям удавалось успешно наладить свою работу: более живучими оказывались те, которые использовались частными предпринимателями. К подобным объединениям относился Союз кустарей мелкой промышленности, созданный после Февральской революции. После Октябрьского переворота он был сразу же распущен, так как, по сути, представлял собой не кооперативное объединение, а союз частных предпринимателей⁵.

В массовом порядке различные виды кооперативов на территории Чувашии стали возникать во время военного коммунизма. Промысловые артели, создаваемые в 1920–1921 гг., мало походили на кооперативные организации, так как в них отсутствовали паевые и вступительные взносы. В условиях свертывания рыночных отношений кооперативы часто работали по заказам и с сырьем, предоставляемыми государственными органами, им же сдавали готовую продукцию. Часто инициаторами создания артелей выступали не кустари, а хозяйственные и партийные органы: с июля 1920 по январь 1921 гг. в Чувашской области ими было организовано 68 артелей по выделке кулей и рогож, 37 артелей лаптеплетов, 3 артели бондарей, 2 артели оглобельщиков и другие. Изделия, производимые кулеткачами, имели экспортное значение: кули и рогожи вывозили даже в Англию⁶.

Появившиеся потребительские общества также почти ничего не имели общего с дореволюционными объединениями такого рода: они превратились в бюрократическую распределительную систему, подчиненную властям. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 20 марта 1919 г. «О потребительских коммунах» лишил потребительские общества всех демократических принципов, на которых они строились, и отменил добровольность вступления и выхода из кооператива, паевые и вступительные взносы.

Именно военный коммунизм оказал огромное воздействие на формирование ошибочных представлений у партийного и советского руководства Чувашии о сути кооперации: она стала восприниматься им как часть государственного аппарата. Если же кооперативы выступали в другой форме, то государственной поддержки не получали. Убежденность в правильности такого подхода укрепляли лжекооперативы. В отличие от подлинных кооперативов, на которые советское правительство возложило обязанность противостояния частному капиталу, к лжекооперативам относились объединения, в которые входили зажиточные граждане (мелкие промышленники, торговцы, кулачество). Кооперативная вывеска им была необходима для получения льгот, снижения ставок налогов и т.д. Лжекооперативы, несмотря на все меры по борьбе с ними, проявляли невероятную живучесть.

Усвоение военно-коммунистических подходов к кооперации многими руководителями породило в годы нэпа несоответствие их собственной «кооперативной политики» заявлениям центральных и даже республиканских (24 апреля 1925 г. Чувашская автономная область, созданная 24 июня 1920 г. была преобразована в Чувашскую АССР) государственных и партий-

ных органов. А.В. Воронин, изучая кооперативную политику местных властей Европейского севера в 1917–1930 гг., пришел к выводу, что в первые годы нэпа в регионах отмечалась инерция в усвоении рыночных методов хозяйствования, непонимание обязательности их проведения в отношении к кооперации. В связи с этим к ней, как и в годы военного коммунизма, продолжали относиться как к аппарату, предназначенному для реализации проектов местной власти. Именно таким было отношение руководителей Чувашской автономии к кооперации.

В 1923 г. Чувашпроизводсоюз, объединявший в своем составе сельскохозяйственные и кустарно-промышленные кооперативы, был привлечен к распределению семенной ссуды, предназначенной для поддержки крестьян Чувашии после голода 1920–1921 гг. По договору, предложенному союзу областным земельным управлением, не предусматривалось никакого вознаграждения за эту работу, что противоречило Декрету СНК РСФСР от 26 июля 1921 г. («размер, характер и порядок возмещения организационных расходов кооперации по исполнению заданий государственных структур будет определяться в денежной или натуральной форме в договорном порядке при их передаче»⁷). К тому же семенная ссуда была распределена в основном среди беднейшего населения, слабо связанного с кооперацией, из-за чего в последующем был затруднен процесс возврата предоставленных семян. В итоге даже в 1927 г. эта ссуда числилась за союзом, мешая ему нормально работать⁸.

Очень сложно однозначно оценить отношение местных органов государственной власти к кооперации на протяжении новой экономической политики, так как, с одной стороны, местные власти заявляли о важности кооперативной системы, признании «за сельскохозяйственной кооперацией единственной силы, которая может стать рычагом в деле борьбы с разрухой крестьянского хозяйства». С другой – утверждали: «В деле восстановления сельского хозяйства усилия всех органов должны быть объединены и направлены в одно русло, поэтому необходимо, чтобы планы работ Чувашпроизводсоюза, Чувашского общества сельскохозяйственного кредита были согласованы с облземуправлением. Областное земельное управление должно осуществлять над их деятельностью идейное руководство и контроль»⁹. Причем эти заявления, как провозглашающие необходимость создания самых благоприятных условий для деятельности кооперации, так и рекомендующие поставить ее под контроль государства, были сделаны на областных съездах Советов: первое – в декабре 1922 г., второе – в ноябре 1924 г.

К тому же резолюции съездов иногда оставались только декларациями, не находили полного воплощения в реальной жизни. К примеру, VIII областная партийная конференция, состоявшаяся в 1924 г., была вынуждена «обратить внимание на необходимость ликвидации конкуренции между кооперативными и государственными торговыми органами, занимающимися заготовкой и закупкой кустарных изделий и продуктов сельского хозяйства, и важность развития кооперативной системы в области»¹⁰.

Констатация факта конкуренции между государственными и кооперативными органами свидетельствует о том, что многие руководители кооперацию, освобожденную с переходом к нэпу от жесткого диктата государства, не воспринимали, по словам М.И. Калинина, еще как «метод, который наиболее сливался с будущим коммунистическим строем»¹¹.

Эта ситуация имела место не только в Чувашии, но и в других регионах страны, так как в постановлении СНК СССР «О кустарной промышленности и кустарно-промышленной кооперации» от 21 мая 1927 г. указывалось: «Работа государственных органов по заготовке кустарных изделий у некооперированных кустарей допускается только в тех районах и промыслах, где промысловая кооперация по организационному и хозяйственно-финансовому состоянию своего аппарата не может взять на себя соответствующих поставок. При этом работа государственных организаций должна содействовать кооперированию кустарей». Постановление также обязало «все государственные органы прекратить заготовку продукции через частных перекупщиков и посредников»¹².

Но решения центрального правительства не находили на местах четкого и последовательного воплощения. В Чувашии некоторые государственные органы продолжали активно сотрудничать с частным капиталом, ослабляя тем самым позиции кооперации. В 1926/27 г. с кустарями-кулеткачами в Чувашской республике работали 19 различных организаций и более 13 частных. Если Чувашкустпромлессоюз 72,6 % заготовленных изделий изготовил из собственного сырья, то у Чувашпайторга (государственной организации) 88,2 % заготовки составила скупка мочальных изделий, причем около 75 % всего закупленного количества мочальных изделий были приобретены при помощи 22 частных посредников. В следующем хозяйственном году Чувашпайторг вновь по решению Чувашнаркомторга выступил на рынке кустарных изделий наравне с Чувашкустпромлессоюзом, привлекая в качестве своих агентов частных заготовителей. Последние крайне негативно относились к кооперации, о чем говорит лозунг Петрова, агента Пайторга в Чебоксарском районе: «Задуш промкооперацию в своем районе!»¹³.

Ввиду сложившейся нездоровой конкуренции на мочальном рынке правление Чувашкустпромлессоюза было вынуждено в феврале 1929 г. обратиться за поддержкой в обком партии. В своем обращении кооператоры писали: «В районе деятельности наших артелей мы сами в состоянии справиться с частниками, если им не будет помогать Чувашпайторг, который часто в одной же деревне с нашим членом насаждает своих контрагентов: дикие артели, кресткомы. В таких условиях о расширении кооперации не может идти и речи, так как кустарь рассуждает, зачем ему вступать в кооператив, платить вступительные и паевые взносы, нести ответственность, если он такую же зарплату получит у частника»¹⁴.

Похожая ситуация складывалась и с сельскохозяйственной кооперацией, которой приходилось конкурировать при заготовках сельхозпродук-

ции не только с частником, но и с государственными органами, с потребительской кооперацией. В докладе Чувашкустпромлессоюза о заготовке в 1927/28 г. экспортных товаров, в число которых входили конский волос, пушнина и кожсырье, отмечалось: «Госторг принял максимум мер для дезорганизации нашего аппарата, применяя меры дискредитации наших работников и снятия их через местные органы. В этом сначала Госторг имел успех. Снятых работников он переманивал к себе, и многие из них легально и нелегально работали для Госторга»¹⁵. Так Госторг добился временного ослабления работы Чувашкустпромлессоюза.

Конечно, власти помогали кооперативам. Именно при поддержке чувашского правительства и обкома партии были отсрочены уплата Чувашпроизводсоюзом семенной ссуды и конссуды, через Кооперативную комиссию ЦК РКП(б) был урегулирован вопрос о вексельной задолженности Акмарчувлеса Чувашпроизводсоюзу за лесоразработки¹⁶. Но в целом республиканские органы власти не проявляли большого интереса к проблемам кооператоров.

Внимание к кооперации существенно уменьшилось в 1926–1927 гг. Так, в 1926 г. на 14 из 50-ти заседаний Совнаркома ЧАССР рассматривались вопросы работы различных видов кооперативов, в 1927 г. – уже только на 7 из 58-ми. Правда, соотношение количества принимаемых решений в пользу кооператоров осталось примерно одинаковым: если к таковым в 1926 г. можно отнести 6, то в 1927 г. – 3. Наиболее действенная поддержка оказывалась жилищно-строительной кооперации города Чебоксары, которой выделялись безвозмездные ссуды, отпускался бесплатно лес. Такое внимание было вызвано острым жилищным кризисом, сложившимся в столице республики¹⁷. В отношении других видов кооперативов в 1926–1927 гг. речь в постановлениях правительства, если дело касалось финансовых вопросов, как правило, шла только о сложении незаконно наложенных штрафов (принято 2 постановления), выдаче гарантийных писем на определенные денежные суммы (принято 4 постановления, два из которых касалось кооперации инвалидов).

При изначальной двойственности государственной кооперативной политики отсутствие последовательности при выполнении благоприятных для кооперации решений создавало дополнительные сложности в работе кооперативов, мешало им финансово укрепиться, сдерживало процессы кооперирования крестьян и кустарей. К примеру, в 1924 г. собственные средства сельскохозяйственно-кредитных кооперативов Чувашской автономной области в сводном балансе составляли всего 6,53 %, в то время как в среднем по стране этот показатель равнялся 39,4 %. В 1927 г. всего 14,75 % кустарей Чувашии были объединены в кооперативы, в то время как средняя кооперированность по СССР еще в 1926 г. достигла 26 %¹⁸.

Если действия государственных учреждений по отношению к кооперации не отличались логичностью, то политика партийных органов Чувашии выстраивалась более последовательно: суть ее заключалась в посте-

пенном подчинении кооперации. Главными проводниками линии партии стали коммунистические фракции, созданные при всех кооперативных союзах. В первую очередь коммунистические фракции занимались кадровыми вопросами. Во второй половине 1920-х гг. правления союзов без согласия коммунистической фракции даже не могли снять с должности нерадивого работника, если он член партии.

Все основные вопросы деятельности кооперативов сначала обсуждались на кооперативном совещании, действовавшем при обкоме партии с 1922 г., а решения принимались постановлениями чувашского правительства и кооперативных союзов. 10 ноября 1925 г. на заседании кооперативного совещания была решена судьба Кустарьсоюза г. Алатыря: исходя из того, что Кустарьсоюз работал полностью на заемные средства и не получал никаких прибылей, кооперативное совещание приняло решение о его ликвидации¹⁹. Точно так же принимались решения о создании Межкооперативного совета ЧАССР, разьединении Чувашпроизводсоюза: после рассмотрения и утверждения 12 декабря 1925 г. на кооперативном совещании временного положения о Межкооперативном совете 8 марта 1926 г. оно было утверждено СНК ЧАССР²⁰.

Таким образом, в годы нэпа судьба кооперации решалась не только в центральных государственных и партийных органах, но и на местах. Безразличие местных властей к нуждам кооператоров не позволило кооперативной системе превратиться в финансово крепкую и массовую организацию. Прочные позиции сторонников подчинения кооперации партии и государству, как это уже было при военном коммунизме, создавало благоприятную почву для возрождения этой политики, что и произошло в 1930-х гг.

Примечания

¹ *Воронин А.В.* Советская власть и кооперация (кооперативная политика советской власти: центр и местные власти Европейского севера в 1917–1930-х гг. Петрозаводск, 1997. С. 7.

² Там же. С. 11.

³ *Рожнов В.П.* Возникновение и развитие потребительской кооперации в Чувашии накануне и в период первой мировой войны // Чувашия в годы первой мировой войны. Чебоксары, 1985. С. 74.

⁴ *Осанов А.* Сравнительный обзор развития кредитной кооперации по Чувашской Республике в дореволюционное и настоящее время // Чувашское хозяйство. 1927. № 1-2. С. 99.

⁵ Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 143. Оп. 1. Д. 167. Л. 33, 34.

⁶ Промышленность и рабочий класс Чувашской АССР: Сборник документов. Ч. 1. Чебоксары, 1985. С. 20, 35.

⁷ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. № 58. М., 1921. Ст. 382.

⁸ ГИА ЧР. Ф. 143. Оп. 1. Д. 648. Л. 63, 199.

⁹ ГИА ЧР. Ф. 125. Оп. 1. Д. 20. Л. 252; Д. 28. Л. 13.

¹⁰ Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР). Ф. 1. Оп. 5. Д. 4. Л. 36.

¹¹ *Вахитов К.И.* Кооперация: Теория. История. Практика. М., 2004. С. 188.

¹² Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. № 23. М., 1927. Ст. 256.

¹³ ГИА ЧР. Ф. 143. Оп. 1. Д. 932. Л. 12об.

¹⁴ ГИА ЧР. Ф. 143. Оп. 1. Д. 828. Л. 18.

¹⁵ ГИА ЧР. Ф. 143. Оп. 1. Д. 470. Л. 272об.

¹⁶ ГИА ЧР. Ф. 143. Оп. 1. Д. 441. Л. 12об.

¹⁷ ГИА ЧР. Ф. 203. Оп. 1. Д. 1. Л. 81об., 286.

¹⁸ Сельскохозяйственная кооперация в системе государственного капитализма. М., 1924. С. 56; ГИА ЧР. Ф. 197. Оп. 1. Д. 9. Л. 151; Ф. 143. Оп. 1. Д. 818. Л. 1.

¹⁹ ГАСИ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 24. Л. 3.

²⁰ ГИА ЧР. Ф. 203. Оп. 1. Д. 1. Л. 77; ГАСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 48. Л. 64.

Г.Н. Ланской

СВОЕОБРАЗИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В НЕОПУБЛИКОВАННОМ НАСЛЕДИИ М.Н. ПОКРОВСКОГО

М.Н. Покровский, выдвигая на первый план исследование практики смены общественно-экономических формаций и пользуясь в своем методологическом инструментарии категориями формационного подхода, являлся последовательным приверженцем марксистской теории. Он не считал себя специалистом, уступающим по уровню знаний В.И. Ленину и тем более И.В. Сталину, и поэтому дублировал некоторые их мысли о политической необходимости. Именно это выделение зазора между научными заслугами К. Маркса и результатами интеллектуального творчества первых руководителей советского государства являлось одной из причин той обструкции, которой подвергся Покровский как человек и ученый.

Вполне очевидно, что он был политическим деятелем, активно участвовал в рамках административной системы государства в организации научно-просветительской работы. Несмотря на занятость в сфере идеологического управления обществом, Покровский в годы Гражданской войны переработал свой труд «Русская история в самом сжатом очерке» к новому изданию и результаты этой деятельности заслужили многократно тиражировавшиеся в ходе дискуссий 1960-х гг. похвальные слова от Ленина. Будучи большевиком и посвящая значительное время административной деятельности, он сам осознанно объединял в себе качества ученого и политического деятеля, используя в своей профессиональной работе собственный исследовательский опыт. Им широко применялся в качестве средства фор-

мулирования различных оценок и характеристик метод полемики с теми людьми, взгляды которых расходились с официальной идеологической линией.

В 1920-е гг., когда Покровский еще был физически способен заниматься научным творчеством, он выбирал в качестве основного оппонента Л.Д. Троцкого и доказывал способность российского государства и общества к самобытному движению в сторону проведения и успешного осуществления социалистической революции. В этой связи имеет особый смысл рассмотреть содержание созданной им концепции экономического развития России по состоянию на начало XX в. и выявить, изменялось ли это содержание под воздействием разного рода внешних причин, на чем настаивали практически все историографы, занимавшиеся анализом этой концепции.

Для этого необходимо проанализировать те работы Покровского, которые были написаны им начиная с 1922 г. вне связи с доработкой ранее созданных трудов. Именно в 1922–1923 гг. стало определенно очерчиваться обусловленное решающим влиянием полностью сложившейся к этому времени ленинской концепции понимание российской истории. Эту особенность, в частности, отмечал в ходе дискуссии по вопросу о периодизации истории советской исторической науки М.Е. Найденов. Подчеркивая ее наличие и связывая ее происхождение с необходимостью выявления заблуждений Покровского, он писал: «На первом этапе молодой советской науке пришлось вступить в ожесточенную борьбу не только с буржуазной, но и с мелкобуржуазной историографией (в лице меньшевистских и эсеровских публицистов). Решающую роль в идейном разгроме этой историографии сыграл В.И. Ленин. Наконец, необходимо совершенно четко и ясно сказать, что на первом этапе, этапе своего становления советская историческая наука восприняла не ленинскую историческую концепцию, а концепцию М.Н. Покровского, которая, бесспорно, будучи большим шагом вперед по сравнению с буржуазной историографией, означала шаг назад по сравнению с ленинской концепцией»¹.

Несмотря на несколько категоричный стиль формулировки различий между советской наукой и так называемыми буржуазными направлениями историографии, на слишком жесткое разделение исторических взглядов Ленина и Покровского, являвшееся плодом комментариев середины–второй половины 1930-х гг., вполне очевидно, что до 1922 г. характерное для советской историографии восприятие экономической истории России еще не могло сложиться ни под чьим влиянием. Ибо к началу 1920-х гг. сформировалось абсолютное понимание только того неопровержимого факта, что в октябре 1917 г. в стране произошла социалистическая революция и что для этого события наверняка существовали какие-то объективные предпосылки.

Полемизируя с Троцким и солидаризируясь в этом базовом методологическом подходе с Лениным, Покровский для поиска аргументов в пользу возможности построения в России социализма обращается к выявлению черт ее экономического развития. Вопрос о своеобразии исторического

процесса в России он рассматривал в контексте соотношения в нем реформ и революций. Так же, как и других советских исследователей 1920-х гг., его интересовала проблема наличия в России достаточных предпосылок для построения социалистической модели экономического и социального развития.

При решении этой проблемы ученым приходилось делать методологический выбор между ленинской концепцией, согласно которой в России при множестве разнообразных хозяйственных укладов ведущую и решающую роль в формировании предпосылок революции 1917 г. сыграл самобытный крупнокапиталистический уклад, и концепцией Троцкого о возможности построения социализма только в глобальном масштабе на основе одновременных усилий многих стран и народов. Покровский, сосредоточившись на полемике с Троцким, представил систему его аргументов в несколько более жестком виде по сравнению с историографической реальностью и обвинил его в стремлении представить образ России, сложившийся к началу XX в., как колониального по отношению к западноевропейским странам государства. Тем самым он солидаризировался с ленинской концепцией, согласно которой на фоне значительной, исторически сложившейся отсталости отечественная экономическая система сумела сделать колоссальный по масштабу внутренний рывок в сфере развития капитализма. В очерке «Своеобразие русского исторического процесса и первая буква марксизма» он писал: «Это совершенно верно, что под влиянием географических, главным образом, условий рост прибавочного продукта и в связи с ним рост первоначального накопления шел в России с большой медленностью. Но, однажды образовавшись, русский капитализм, опираясь на все достигнутые к этому времени западным капитализмом технические и организационные успехи, шел в семимильных сапогах, с изумительной быстротой творя новые формы экономической жизни и создавая новые идеологии, хотя, к началу XX века, Россия не догнала Европы в этом отношении»².

Несмотря на столь определенный вывод о высоких темпах капиталистической модернизации России, Покровский указывает на условность и относительность существовавших при обозначении объема хозяйственного роста оценочных категорий, которыми изобиловали и концепция Ленина, и система теоретических представлений Троцкого. Таким выглядит его отношение к категориям «отсталость», «медленность», «катастрофически быстрое развитие» России. Согласно выдвинутой им концепции, содержательное определение уровня капиталистического развития в своем конечном результате зависит от специфики той страны, в которой оно происходит.

Отстаивая позиции диалектического и исторического материализма (что, на наш взгляд, дает однозначно положительный ответ на обсуждавшийся с конца 1930-х до начала 1960-х гг. вопрос о наличии у его концепции марксистских оснований), Покровский предлагает оценивать своеобразие исторического развития исходя из его социально-экономических результатов, которым в России стала Октябрьская революция. Не отрицая аксиома-

тичного для советской историографии вывода о ее прогрессивности, он уделял большое внимание определению устойчивости ее социалистического потенциала и исследованию ее платформы в хозяйственной сфере.

По вопросу о потенциале и прочности результатов Октябрьской революции Покровским, в отличие от многих советских политических деятелей начала 1920-х гг., не делается каких-либо определенных, категоричных выводов. Сравнивая ее содержание с предшествовавшими этапными событиями российской истории (в частности, с реформами 1860-х гг.), он оставляет решение данного вопроса на будущее и допускает, что с учетом специфических особенностей экономики России и степени распространения в ней капиталистических отношений уже достигнутый уровень хозяйственного развития может оказаться достаточным.

Вопрос о социальных и экономических аспектах Октябрьской революции является центральным в работе Покровского «Русская революция с точки зрения исторического материализма», опубликованной в 1922 г. За основу своего исследования он вновь берет историографический прием полемики с концепциями, которые в его интерпретации очевидно противоречат большевистской идеологии. Им отрицаются любые концептуальные представления, указывающие на то, что Октябрьская революция была результатом заговора или обмана трудящихся утопическими по сравнению с капиталистическим способом развития социалистическими перспективами.

В полемике с этими представлениями он ставит своей целью доказать исчерпанность буржуазного пути развития России к началу XX в. по сравнению со странами Западной Европы. В качестве экономического аргумента он приводит то, что отечественный капитализм все равно не мог свободно развиваться при сохранявшейся системе феодально-поместного землевладения и отсутствии полного контроля сферы рыночного сбыта производимой продукции, дававшей основную экспортную прибыль. Он обосновывает это утверждение фактическим материалом, который мог стать, по его мнению, почвой для глубоких выводов. Для иллюстрации этого исследовательского приема характерно следующее высказывание: «Уже с последних лет XIX века русская металлургия переживала кризис, а темп развития русской текстильной промышленности сильно замедлился. Где был выход? Только в ликвидации помещичьих латифундий. Избавившись от прямых и косвенных платежей в пользу помещика, получив в свое полное распоряжение землю, которую он же, в сущности, и обрабатывал... крестьянин становился свободным сельским буржуа. Распоряжаясь всем, или почти всем, своим прибавочным продуктом, за вычетом необходимого на общественные надобности, крестьянин мог увеличить свои закупки на рынке втрое, вчетверо, впятеро»³.

Если исторические предпосылки Октябрьской революции Покровский видит в сфере экономических отношений, то перспективы будущего социалистического переустройства видятся им в сплоченности и сбалан-

сированности структуры трудящихся слоев общества. Им подчеркивается обусловленность устойчивых и продуктивных отношений между рабочими и крестьянами их взаимной заинтересованностью в союзе, прошедшем проверку временем. Задачу экономической политики государства он видит в том, чтобы сельскохозяйственное производство и индустрия по изготовлению орудий земледельческого труда были в состоянии синхронного развития. Благодаря ее реализации социалистическая экономика продемонстрирует свои преимущества по сравнению с ликвидированной Октябрьской революцией системой российского капитализма, в которой феодальное хозяйство не только не проявляло трансформационного потенциала, но даже тормозило и делало бесперспективными любые эволюционные процессы.

Показ этих преимуществ и отличий Покровский считал важной задачей, решение которой помогало привлечь практически все слои крестьян на сторону Советской власти. Решая ее на историографическом уровне, он писал: «Крестьянину в высшей степени безразлично, в чьих руках находится фабрика – рабочего коллектива, или индивидуального хозяина, или государства. Лишь бы фабрика давала ему необходимые товары: а к тому, что фабрика не крестьянская, он привык, и вовсе себе ее не требует. Надежда, что буржуазная революция в России убьет пролетарскую, совершенно ни на чем не основана. Крестьянин хорошо помнит, что землю он получил с помощью рабочего – и что никогда никакие капиталисты не обещали ему того, что дала октябрьская революция»⁴.

Мысль о том, что значительный удельный вес сельскохозяйственного производства и крестьянского хозяйства в российской экономике являлся фактором ее замедленного развития и в том числе на социально-психологическом уровне задерживал формирование социалистической системы, прослеживается во многих работах Покровского. При этом он стремился показать близость своей точки зрения не с представлениями Троцкого, а с концепцией Ленина. Считая так называемый «мужицкий капитализм» опасным явлением, он солидаризировался с убеждениями многих представителей большевистской партии о необходимости как можно более осторожного проведения новой экономической политики в деревне и недопустимости сохранения там в долгосрочной перспективе различных форм индивидуального крестьянского предпринимательства.

В своих работах Покровский стремился выявить и акцентировать причины, с одной стороны, отсталости, а с другой – устойчивости организационных форм капиталистического развития России. В статье «О пользе критики, об абсолютизме, империализме, мужицком капитализме и прочем», написанной в 1924 г., он очерчивает особую модель российского капитализма. Ее специфику он видел в стремлении всех субъектов хозяйственных отношений, к которым он относил государство, промышленников, финансистов и крестьян, добиться получения максимально большей прибыли без качественного улучшения производства и с сохранением экстенсивных

технологий. Эту модель он называл торговым капитализмом, определяя ее экономическое своеобразие и последствия существования следующим образом: «В самом конце XIX века в своей внешней политике империя «Романовых» оставалась колониальной державой наиболее примитивного типа – аппаратом торгово-капиталистической эксплуатации малокультурных (или казавшихся полукультурными) стран. Промышленный капитал и во внешней политике, и внутри России шел по пути торгового. Торговому капиталу были нужны железные дороги и промышленность их строила: но лишь там и постольку, где и поскольку это нужно было и торговому капиталу. При этом методы действия этого торгового капитала менялись так же туго, как и действия русского самодержавия внутри страны. При первой заминке или просто при первом удобном случае банковские операции сменялись лихим ударом кулака... Но цель операций обоих типов была одна и та же: создание новых колоний, новых жертв эксплуатации русского торгового капитала»⁵.

Определив таким образом особенности торгового капитализма и охарактеризовав его как устойчивую архаическую систему, Покровский должен был состыковать ее наличие с фактически обоснованным и признававшимся им в других работах явлением постепенной модернизации российского хозяйственного механизма. Особенно применительно к периоду, последовавшему за отменой крепостного права. В противном случае разгром его концепции, как противоречащей выводам Ленина по данным вопросам, был неминуем уже в середине 1920-х гг. К тому же Покровский никогда не отвергал диалектическую сущность исторического процесса, обоснованную в работах Маркса и Ф. Энгельса и имевшую под собой, по крайней мере в сфере изучения экономической истории, объективные основания.

Поэтому он ввел в историографический оборот такое понятие, как «формы торгового капитализма». Оно позволяет, по его мнению, учесть и динамику развития экономической политики государства, и в решающей мере обеспеченные воздействием этой политики внутренние изменения, охватывавшие аграрный, индустриальный, торговый и инвестиционно-финансовый сектора капиталистического развития. Хотя он отстаивает точку зрения о недостаточности и незавершенности происходивших в сфере «торгового капитализма» изменений, он пишет об их неизбежности и вынужденности для государства после революционных событий 1905 г.

Значение этих событий состояло, по его мнению, во включении новых, выдвинутых хозяйственной модернизацией, слоев капиталистических предпринимателей в состав уже существовавшей политической элиты или, по крайней мере, в достижении ими возможности влиять на ее функционирование даже ценой неизбежного в такой ситуации внутреннего кризиса административной деятельности. Описывая новую модель политической системы, сложившуюся под воздействием итогов революции 1905 г., Покровский отмечал: «Это была власть завтрашнего дня... шедшая на смену самодержавию, но в 1906 году добившаяся только компромисса с самодер-

жавием в лице правительства Столыпина. Диалектика этого процесса налицо, но она отставала от диалектики народного хозяйства. В ту минуту, когда – во время империалистской войны – промышленный капитал стал подходить к власти, уже существовали все условия для следующей стадии развития, государственного капитализма. Громадный восточный пустырь, тяжелым грузом висевший на русском народном хозяйстве, всего тяжелее тянул книзу его политическую надстройку»⁶.

Тезис о большом значении революции 1905 г. и ставшей откликом на нее столыпинской аграрной реформы для совершенствования организационных форм российского капитализма целенаправленно обосновывался Покровским. Эти события наряду с динамичным, опережавшим многие западноевропейские образцы, ростом промышленности и финансовой инфраструктуры приводили к трансформации всей системы общественных отношений. Они же обеспечивали эволюцию аппарата государственной власти. Однако все эти модернизационные процессы Покровский последовательно объясняет стремлением предпринимателей и правящей элиты извлечь как можно большую прибыль от торговых операций и использовать ее для собственного обогащения.

На этом положении своей концепции экономической истории России он формирует собственную интерпретацию причин Первой мировой войны. Анализируя мотивы, побудившие сохранявшую свои позиции в административном аппарате старую политическую элиту и пополнивших после революции 1905 г. высший класс российского общества крупных предпринимателей стремиться к вступлению страны в эту войну, он раскрывает их сущность следующим образом: «Участие России в войне 1914 года объясняется гораздо более общими, мировыми причинами, нежели местными. Но поскольку в этих войнах был и «национальный» момент, он был связан в первую голову именно с торговлей – с промышленностью лишь во вторую очередь. И это, прежде всего, потому, что и русская промышленность зависела от активного баланса – и, быть может, не меньше, чем Романовы и их казна... Между тем самый баланс от промышленности зависел в весьма ничтожных размерах»⁷.

Несмотря на то, что получение торговой прибыли объединяло интересы государства и крупных предпринимателей, их союз, по мнению Покровского, не мог быть устойчивым по причине того, что он не гарантировал экономически активным слоям общества получение дополнительных административных ресурсов. К тому же хозяйственная активность на этом – верхнем – уровне социальной системы не отражала тех процессов, которые происходили во всем обществе. Подчеркивая, что промышленный капитал был лишь одной из эволюционных форм торгового капитала, сложившегося еще в XVII в., Покровский тем самым отмечает очевидный перевес старых, традиционных, полуфеодальных производственных отношений над любыми новыми, возникшими в условиях модернизационных процессов моделями хозяйственных связей. Чем большим по масштабам

был сектор экономического развития, тем заметнее в нем оказывались инерционные тенденции. Более того, в сфере сельскохозяйственного производства (и в этом ученый видит своеобразие русского исторического процесса по сравнению, например, с английским) внедрение новых капиталистических форм социальных и производственных отношений оказывалось чужеродным и поэтому, как правило, отторгалось. Подчеркивая значимость и крайне трудную преодолимость данной особенности, Покровский в своей работе «К вопросу об особенностях исторического развития России» пишет: «Торговый баланс романовской России держался не только на сельскохозяйственной продукции, но и на определенном типе этой продукции, на мелком хозяйстве. И это по той простой причине, что в России не только в 1830 году... а и 50 лет спустя отработочный крестьянин – прямой социальный потомок крестьянина барщинного – обходился дешевле наемного работника... Главная масса нашей хлебной продукции опиралась не на эксплуатацию сельскохозяйственного пролетария, а на эксплуатацию деревенской бедноты в тесном смысле этого слова, т.е. деревенского паупера. Что этот паупер с 1861 года был юридически свободен (заплатив за это еще большей пауперизацией), это был, конечно, шаг к капиталистическому сельскому хозяйству, но только лишь первый шаг»⁸.

Немалая роль феодальных пережитков в развитии российского капитализма наряду с определением неоднородности производственных отношений в России отмечалась не только Покровским, но и Лениным, неоднократно обращавшимся в своих, написанных до 1917 г., исследованиях к теме своеобразия отечественного пути экономической эволюции. Это позволяло Покровскому в полемике со своими критиками отстаивать собственную, созданную еще до Октябрьской революции теорию торгового капитализма. При этом, как в условиях любой идеологической борьбы, ему нужно было указать своим ученикам и коллегам неверную модель историко-графического мышления, соответствующую к тому же реалиям политической конъюнктуры. Характерным примером осуществлявшейся таким образом интеллектуальной обороны, необходимость которой особенно возросла после смерти Ленина и начала утверждения позиций новой правящей элиты, было следующее высказывание Покровского, датированное 1926 г.: «У Ленина та же схема торгового капитала: он показывает, как именно торговый капитал создает Московское государство, и, когда я спорил с Троцким в 1922 г., я защищал ленинскую схему, я действительно защищал ленинизм против троцкизма»⁹.

Другим приемом, который использовал в середине 1920-х гг. Покровский для защиты своей концепции, являлось опровержение обвинений общеметодологического характера. Их суть состояла в том, что при акцентировании своеобразия экономического развития России Покровский недостаточно явно по сравнению с другими исследователями проводил мысль о этапности этого развития: о том, что происходившая в XIX в. индустриализация промышленности, начавшееся после отмены крепостного права

расслоение крестьянства и другие модернизационные тенденции обязательно проявлялись в России, пусть и с некоторым опозданием. Опасность этих обвинений состояла в том, что они напрямую подвели к имевшему политический смысл обвинению историка в недооценке зрелости предпосылок Октябрьской революции.

На ожесточенную критику, обрушившуюся на него в 1926–1927 гг., Покровский, во-первых, указывал на эволюционность развития торгового капитализма, вбивавшего в себя особенности самодержавного устройства, промышленного капитализма и ремесленной организации производства. Во-вторых, им отмечалось, что в России этот тип капитализма сформировался давно для обеспечения в будущем всех необходимых для подготовки социалистического развития трансформаций. Определяя истоки его происхождения, Покровский писал: «От крупных землевладельцев XVI века, бывших пайщиков английской компании, с Борисом Годуновым... и Богданом Бельским – фаворитом Ивана Грозного – во главе, через Строгановых и «птенцов Петра» вроде Меншикова до длинной вереницы князей-фабрикантов и заводчиков второй половины XVIII века идет этот союз крупного имения и крупного капитала, столь характерный для “первых ступеней капиталистического развития”»¹⁰.

Покровский использовал также различные политические заявления, призванные отвлечь широкую аудиторию потребителей историографической информации от содержания обсуждавшейся научной проблемы. Можно сказать, что это было уже вторым этапом защиты им своей концепции. Он приходится на 1927–1928 гг., когда Сталин полностью захватил инициативу в проведении социально-экономической политики, а в стране началась подготовка к реализации первого пятилетнего плана. В этих условиях для демонстрации возможности ускоренного строительства социализма нужно было показывать, что в канун Октябрьской революции капитализм в хозяйственном плане достиг в России высокого развития и при этом в социальном плане изжил себя в сфере обеспечения материальных потребностей активных слоев населения.

Политические заявления Покровского в этот период по-прежнему строились на критике Троцкого. На сей раз ее смысл состоял в том, что в условиях признания соответствующей марксистскому учению только ленинской концепции выдвинутая этим политическим деятелем концепция не могла быть марксистской по определению. Во-вторых, Покровский прибегнул к такому безотказному и для будущего развития советской историографии приему, как критика научных взглядов зарубежных исследователей, которые, в основном, не сочувствовали Советскому государству и скептически воспринимали идею о прогрессивности Октябрьской революции. В своем выступлении на открытии Всесоюзной конференции историков-марксистов 28 декабря 1928 г. он утверждал: «Там, в буржуазной Европе, очевидные успехи СССР в деле хозяйственного строительства породили два течения: одна часть империалистов, охваченная бешеной злобой, готовит-

ся внеэкономическими средствами задушить первую страну строящегося социализма, среди других растет огромное любопытство к стране, которая восстановилась своими собственными силами, не закабалив себя мировым банкирам подобно большинству западноевропейских стран. С первыми коммунистам-историкам, вероятно, придется рано или поздно иметь дело как рядовым солдатам революции, но против вторых они уже теперь должны пустить в ход специальное орудие своей марксистской науки»¹¹.

В условиях отмечавшейся таким образом необходимости усиления позиций советских историков в среде международного профессионального сообщества указывалось на необходимость развития системы научных учреждений, активизации подготовки кадров историков-марксистов. В конце 1920-х гг. Покровский сосредотачивает свои усилия именно на организаторской и педагогической деятельности, стремясь тем самым сохранить и свой авторитет исследователя.

При его непосредственном участии была подготовлена целая плеяда исследователей, которая в гораздо большей степени была готова подчинить свои историографические представления взглядам идеологических и политических руководителей страны. Не обладая в силу жизненных обстоятельств тем же запасом внутренней профессиональной независимости, который имелся у отличавшегося высокой самооценкой Покровского, представители этой плеяды вступили во взаимовыгодные отношения с правящей элитой. Получив возможность активной и целенаправленной работы с источниками по концептуально значимому для экономической истории России периоду второй половины XIX–начала XX вв., они сделали сопутствующим, а во второй половине 1930-х гг. и главным, направлением своего творчества научную и политическую критику взглядов бывшего руководителя своей профессиональной подготовки. В дальнейшем у этих исследователей, в том числе под воздействием созданного Сталиным тоталитарного политического режима, сформировалась привычка модернизировать свои взгляды на историческое и историко-научное прошлое одновременно с изменениями идеологической доктрины государства.

В последние два года своей жизни (с начала 1930 г. до 10 апреля 1932 г.) Покровский как исследователь, по сути, оказался в состоянии интеллектуальной изоляции. Его организаторская деятельность уже не могла служить спасением от критики, особенно в связи со становившейся для него смертельной онкологической болезнью. Поэтому в его последней работе «О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России», датируемой 1930–1931 гг., содержатся попытки корректировки ранее сформулированной концепции путем ее скрещивания с общеэкономической теорией происхождения капитализма, изложенной Марксом и затем привлеченной Лениным для практического использования.

Целью работы было выявление признаков трансформации политической системы российского государства под влиянием фундаментальных экономических изменений, обозначившихся в марксистской концепции в

качестве социального закона постепенного вытеснения феодальной системы хозяйства капиталистическими производственными отношениями. Логика рассуждений Покровского состояла в доказательстве того, что в рамках прохождения поступательных, линейных по форме модернизационных процессов оценочные категории описания исторических фактов, предшествующих данным процессам, уже утрачивали полезный смысл для характеристики новых социально-экономических явлений. В качестве одной из таких категорий он рассматривает «торговый капитал». Анализируя ее конкретное содержание, он писал: «Ничего не производящий торговый капитал не может определять собою характера политической надстройки данного общества: вот отчего совершенно неправильной является формулировка самодержавия, как «торгового капитала в мономаховой шапке». Как бы велико ни было в ту или другую эпоху влияние торгового капитала (громкость этого влияния в известные эпохи признают и Маркс с Энгельсом, и Ленин), все же характер политической надстройки определяется производственными отношениями, а не обменом; мономахова шапка есть феодальное украшение, а не капиталистическое... Самый факт усиления феодальной (или рабовладельческой) эксплуатации под влиянием не торгового, но ростовщического капитала давно дан, в виде общей схемы, Марксом»¹².

Это положение являлось и в прямом, и в переносном смысле конечной точкой трансформации историографической концепции Покровского.

С одной стороны, в своих итоговых представлениях он сохранил приверженность теории экономического материализма и признал детерминирующее значение развития производственных отношений и производительных сил в качестве ведущего фактора исторического процесса. С другой стороны, такой важный признак кардинального изменения любой научной концепции, как пересмотр используемого понятийного аппарата и даже отказ от его применения, в творчестве историка очевидно не прослеживается. Более того, он фактически настаивает на обоснованности его использования в историографической практике, говоря о том, что понятие «торгового капитала» использовалось в канонически воспринимаемых методологических построениях Маркса, Энгельса и Ленина. В этом смысле критика данного понятия, подвергнувшегося во второй половине 1920-х гг. и тем более в последующие десятилетия энергичному осуждению, выглядит как компромисс с изменившейся модой теоретического мышления.

Единственным фактом, который может вполне убедительно указывать на происходившую эволюцию концептуальной направленности трудов Покровского в конце его жизни, является отказ от акцентирования экономической отсталости России по сравнению с ведущими по темпам хозяйственного развития странами Западной Европы. В своих последних работах он обращал внимание на комплексный характер происходивших в стране во второй половине XIX–начале XX вв. модернизационных процессов, в связи с которым структуры политико-правовой сферы общества стремились приспособлять механизм своего функционирования к реалиям

капиталистического развития для извлечения той формы прибыли, которую историк называл «ростовщической».

Однако и в этом направлении не следует видеть какой-либо масштабной трансформации взглядов Покровского. К началу 1930-х гг. уже стало вполне очевидным, что сценарий «мировой революции» не реализуется и в ходе построения новой формы социально-экономических отношений советской правящей элите предстоит рассчитывать только на внутренние резервы и собственный хозяйственный потенциал страны. Поскольку системный кризис варианта закрытого развития страны стал очевиден только спустя десятилетия, признание Покровским достаточных для социалистического строительства экономических условий, постепенно формировавшихся в России со времен очевидного на рубеже XVIII–XIX вв. кризиса крепостнической системы, было скорее данью объективной для него, историка-марксиста, реальности.

Примечания

¹ Найденов М.Е. Проблемы периодизации советской исторической науки // История СССР. 1961. № 1. С. 90.

² Архив РАН. Ф. 1759. Оп. 1. Д. 53. Л. 11.

³ Архив РАН. Ф. 1759. Оп. 1. Д. 61. Л. 14.

⁴ Там же. Л. 17–18.

⁵ Архив РАН. Ф. 1759. Оп. 1. Д. 117. Л. 43.

⁶ Там же. Л. 45–46.

⁷ Архив РАН. Ф. 1759. Оп. 1. Д. 166.

⁸ Там же. Л. 55.

⁹ Покровский М.Н. Избранные произведения. М., 1967. Т. 4. С. 37.

¹⁰ Архив РАН. Ф. 1759. Оп. 1. Д. 144. Л. 34.

¹¹ Архив РАН. Ф. 1759. Оп. 1. Д. 264. Л. 1.

¹² Архив РАН. Ф. 1759. Оп. 1. Д. 325. Л. 37–38.

Ю.В. Гераськин

ИЗ ИСТОРИИ ХРУЩЕВСКОГО НАСТУПЛЕНИЯ НА РУССКУЮ ПРАВОСЛАВНУЮ ЦЕРКОВЬ

Во второй половине 1950-х гг. финансовая система СССР столкнулась с серьезными трудностями: остро не хватало средств для космической программы, создания ракетного щита, освоения месторождений нефти и газа, а суммы всех налоговых поступлений с населения не покрывали расходы

на выплаты пенсий по пенсионной реформе 1956 г. В этих условиях ужесточалась фискальная политика власти, усиливался поиск внутренних резервов. Политическое руководство просто не могло не обратить свой взор на материально-финансовую базу Русской православной церкви, идеологически чуждой и несовместимой со «светлым коммунистическим будущим».

16 октября 1958 г. Совет Министров СССР принял постановления «О монастырях в СССР» и «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей». Был значительно увеличен подоходный налог на производство свечей: за каждый килограмм изготовленных епархиальными свечными мастерскими свечей устанавливалась плата до 200 руб. Кроме того, были повышены отпускные цены на свечи, а с другой стороны – было запрещено повышать розничные цены на свечи, продаваемые в храме¹. Наконец, во многих областях власти под различными предлогами стали закрывать епархиальные свечные мастерские.

По сути, это была попытка государства обрушить бюджет РПЦ, поскольку свечной сбор в приходах являлся его главной доходной частью. Свечи традиционно пользовались устойчивым спросом у верующих, они нередко покупались для совершения религиозных обрядов дома. Удельный вес доходов от реализации свечей доходил до 70 %, а производство свечей за 1953–1957 гг. удвоилось².

В 1959 г. сумма налога на свечи увеличилась более чем в 47 раз (с 1,5 до 70 млн. руб.). Параллельно увеличилась отпускная цена на свечи: с 15 до 225 руб. за 1 кг³. Епархии слали в Московскую патриархию отчаянные письма. Особенно ощутимы были потери на приходском уровне. Некоторые храмы вынуждены были временно распустить хоры: нечем было платить певчим.

Однако резко возросла продажа свечей. В Рязанской епархии, например, – с 30 до 40 т. Удалось снизить их себестоимость путем нарушения традиционной технологии: за счет большего применения парафина. Порой церковные старосты закупали свечи в государственных магазинах по низкой цене. Несмотря на рекомендации уполномоченного по делам РПЦ в Рязанской области С.Н. Ножкина заморозить розничные цены на продаваемые в храмах свечи, приходы подняли их в 2–3 раза. Они повысились в среднем до 500 руб. за кг (с 5 до 10–15 руб. за свечу), что превысило отпускную цену в 2 раза.

Так по результатам «свечной» кампании РПЦ сумела выйти из тяжелой финансовой ситуации. В 1958–1959 гг. валовой доход Рязанской епархии удерживался на одном уровне: 16 млн. руб. в старых ценах⁴. В мае 1959 г. Г.Г. Карпов, первый председатель Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР, докладывал в ЦК КПСС, что ожидаемого некоторого ослабления экономического положения РПЦ не произошло⁵.

В сентябре 1961 г. власти усилили и контроль за финансово-хозяйственной деятельностью РПЦ, и административное давление. В приказном

порядке понижались розничные цены на свечи, просфоры и требы. В итоге они были снижены в 2 и более раза. Так, средняя цена на свечи и просфоры, составлявшая соответственно 30 и 40 коп., была снижена до 15 и 30 коп.⁶ По требованию уполномоченного по делам РПЦ Ножкина, в Рязанской епархии примерно вдвое были сокращены выплаты на зарплату священнослужителям⁷. В результате в июле 1961 г. рязанский епископ Николай (Чуфоровский) докладывал патриарху Алексию I, что отчисления епархии на нужды Московской патриархии будут вынужденно снижены с 20 % до 5–10 % (с 180 тыс. до 70 тыс. руб.)⁸.

В 1961 г. реальный доход Рязанской епархии упал, по сравнению с 1960-м, со 134,1 тыс. руб. до 89,3 тыс. руб.⁹ Однако уже в 1962 г. доходы возросли на 118 тыс. руб. В 1963 г. – еще на 62,3 тыс. руб. При этом около 1 млн. руб. (70 % от суммы общего дохода) дали свечи и просфоры. Продажная цена просфоры (4 руб.) была не менее чем в 10 раз выше ее себестоимости (25–30 коп.)¹⁰.

Объем свечного материала, поступающий в епархии, не возрастал, не росло количество выпекаемых просфор. Закупочные цены на воск, свечи и муку повышались, а потому значительно, в разы, снизить себестоимость свечей (их Рязанская епархия стала привозить централизованно из Москвы) и просфор было невозможно. Поступления, таким образом, могли возрастать за счет уменьшения веса просфор, повышения продажной цены на свечи и просфоры в сельских приходах, где контроль уполномоченного был затруднительным, а члены религиозных общин хранили молчание на этот счет.

В 1960-е гг. в СССР неоднократно проводились социологические исследования с целью определения доли верующих в населении страны. За основу бралась цифра крещений. Результаты получались разными: от 12,6 %¹¹ до 26 %¹². В некоторых областях уполномоченные, по заданию Совета по делам РПЦ, вели статистику крещений. Средний показатель по СССР в 1959 г. составил 30 % родившихся детей. В письме председателя Совета по делам РПЦ В.А. Куроедова в Министерство финансов Рязанская и Ивановская области были указаны в перечне областей, где крестят свыше 60 % родившихся детей¹³. Так, в Касимовском районе окрестили почти 70 % новорожденных. В п. Сынтулу зарегистрировали 22 новорожденных, а спустя 3 дня их всех окрестили. В Рязке в крещениях участвовали школьники: ученицы 6-х классов выступали в качестве крестных матерей¹⁴. В итоге в 1960 г. в рязанских церквях было продано 73,5 тыс. нательных крестов, на 1961 г. епархия заказала 150 тыс.¹⁵

Если взять за основу хотя бы 25 % верующих в составе населения Рязанской области, сумма их расходов на свечи и просфоры, помимо платы за требы, составляла почти 2 руб. 50 коп. в год на каждого. Причем 40 % дохода шло в церковную кассу из сельских приходов, в основном от лиц пожилого возраста¹⁶. Сравнительным примером, помогающим оценить вклад верующих в бюджет РПЦ, могут служить членские партийные взно-

сы коммунистов-пенсией. С дохода до 50 руб. (размер средней пенсии), согласно уставу, принятому на XXII съезде КПСС, коммунисты платили 10 коп. в месяц.

Между тем новые «гражданские обряды» распространялись очень плохо: в торжественной обстановке регистрировали только 0,5–0,6 % новорожденных и 3–4 % браков¹⁷. В целях реализации постановления Совета Министров СССР от 16 марта 1961 г. «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах», контроль за внедрением новой обрядности был поручен Комиссиям содействия по выполнению законодательства о культах при местных Советах. В 1963 г. была проведена проверка их работы в Рязанской области. Из проверенных 511 сельских Советов только в 57-ми проводились в торжественной обстановке празднования совершеннолетия и регистрация браков¹⁸.

Для совершения треб, обязательно фиксируемых квитанцией, требовалось согласие всех членов семьи. Оба родителя должны были присутствовать на крещении. Если их присутствие было невозможно, необходимо было оформить их согласие письменно и заверить его в сельсовете или по месту работы. И там, и там старательно уклонялись от такого заверения. Типична для тех лет жалоба патриарху от причта храма села Барснево Клепиковского района на председателя сельсовета Лабзова, который не считал нужным заверять подписи родителей об их согласии окрестить ребенка¹⁹.

Большинство тех, кто совершал требы, не были заинтересованы в их регистрации: все сведения на этот счет, разными путями получаемые советскими и партийными органами, передавалась на место работы выявленных «нарушителей» с указанием на необходимость «немедленного реагирования». Поэтому многие священники сознательно шли на нарушение инструкций и хранили журнал регистрации треб у себя лично или в алтаре.

В сельские приходы приезжали не только жители соседних районов, где храмов не было, но и жители Рязани и даже других областей, чтобы договорившись с местным священником, без огласки и регистрации окрестить своего ребенка. В 1964 г. в храме села Тума Рязанской области жители соседней Владимирской области окрестили 275 детей, а за 8 месяцев следующего, 1965-го, – 253²⁰. Аналогичная «крестильная миграция» шла в сторону Московской области: в 1964 г. в храмах Загорского района окрестили 140 юных владимирцев²¹.

Эта ситуация обернулась тем, что, несмотря на ужесточение борьбы государства против религиозной обрядности и падение к 1964 г., по сравнению с 1961 г., числа совершаемых треб (на 40 % крещений и 60 % венчаний – самого доходного вида треб), в Рязанской епархии доходность от них увеличилась втрое: с 91 тыс. до 319,5 тыс. руб.²² И годовой валовой доход Рязанской епархии, несмотря на усилия властей по его сокращению, неуклонно рос. В 1960–1964 гг. средний годовой валовой доход составил 1,5 млн. руб. (небольшое понижение наблюдалось только в 1961 г. – на 164,5 тыс. руб.). Сумма годового оборота 1963 г. уже превысила показатели 1960 г. Валовой

доход за этот год составил 1 550 649 руб., в том числе от городских приходов – 934 160 руб., от сельских – 616 469 руб.²³ Чистый доход епархии в 1962 г. увеличился по сравнению с 1961 г. на 118 тыс. руб. и составил 356 207 руб., в том числе у городских храмов – 230 852 руб., у сельских – 125 355 руб.²⁴

Высокую доходность сельских приходов отметила религиозоведческая экспедиция Института истории АН СССР, проводившая в 1963 г. в Рязанской области исследование религиозных верований. В опубликованных материалах отмечался широкий размах работ по благоустройству церквей²⁵.

И уполномоченный Ножкин не раз докладывал в Москву о высокой доходности некоторых сельских приходов в 1958–1964 гг. Так, он сообщал в Отдел пропаганды и агитации обкома КПСС, что в 1957–1959 гг. наблюдался рост доходов церковью Скопинского района: в городе Скопин – на 20 %, в селе Казинка – на 45 %²⁶. Во многих церквях (в городах Михайлове и Касимове) были приобретены новые или отреставрированы старые, грандиозные, расписанные золотом иконостасы, хрустальные канделябры и люстры. В 1957 г. при церкви в Михайлове была построена небольшая крестильня, красивая и стилизованная под храм, в результате чего число крещений в нем увеличилось в 3 раза. В церкви в Скопине на Пасху зажигали электрические гирлянды. В церкви в Михайлове провели паровое отопление, в некоторых райцентрах настоятели церковью пытались заказать мини-электростанции. Многие священники купили себе дом²⁷.

В 1961 г. доход 8-ми храмов Михайловского района составил 160 тыс. руб., в том числе в Прудской Слободе – 58 тыс. руб., Фирюлевке – около 21 тыс. Доходы в 10 тыс. руб. и выше получали 28 из 52-х сельских приходов²⁸.

Разлив рек во время Пасхи доходы не понижал. Как следует из сообщений Ножкину с мест, население щедрыми пожертвованиями компенсировало потери, которые несли храмы во время разлива. В 1958 г. на украшение 20 сельских храмов был потрачен 1 млн. руб.²⁹

Высокие доходы позволяли содержать большое количество рабочих и служащих в храме, делая их кровно заинтересованными в его деятельности. В Рязанской епархии насчитывалось 193 рабочих и служащих (в том числе 118 – в сельской местности), на зарплату которым шло 140 тыс. руб. В епархиальном управлении работали 5 бухгалтеров и счетных работников³⁰. Расходы на штат в 1961 г. составили 500 тыс. руб. По сообщению старосты рязанского Борисо-Глебского кафедрального собора уполномоченному Ножкину, в 1962 г. заработок каменщиков равнялся зарплате профессоров³¹. На украшение собора и иконостаса пошло 5 млн. руб.³² Были заасфальтированы двор собора и улица, ведущая к нему³³. Епархия имела собственные 4 автомобиля, изъять которые через ГАИ Ножкину полностью так и не удалось. Кроме того, на балансе епархии числилось 50 жилых домов, гаражей и других подсобных помещений³⁴. По сообщению уполномоченного в Совет по делам РПЦ, архиепископ Рязанский и Касимовский Палладий (Каминский) пытался в благотворительных целях передать легковую машину городской больнице № 4, в которой лечился³⁵.

Церковные хоры насчитывали в общей сложности около 300 певчих³⁶. Стоимость содержания хора кафедрального собора в 1959–1961 гг. составляла от 430 до 450 руб. в месяц³⁷. В справке об израсходовании средств на содержание церковного хора в селе Прудская Слобода фигурирует цифра 7 785 руб., что соответствовало расходам на эти цели церковных общин, расположенных в районных центрах. Всего на выплату зарплаты певчим трагилось около 126 тыс. руб. в год³⁸.

Стараясь облегчить материальное положение духовенства, архиепископ Палладий в 1963 г. значительно увеличил оклады священникам, директивно сокращенные государством в 1961 г. в 2 раза (до 200 руб.). Выдавались пособия и ссуды священникам. Так, священник Оливков получил ссуду епархиального управления в размере 5 тыс. руб., а причт прихода в Рязске выдал ссуду священнику Колесникову на постройку дома в размере 4 тыс. руб. Потом некоторые из этих ссуд списывались как безнадежные³⁹.

Реформа приходского управления 1961 г., ограничившая роль и полномочия настоятеля в приходе, создала препоны на пути «серых» схем. Поэтому увеличение доходов епархии уполномоченный Ножкин объяснял по-своему: дескать, после отстранения от хозяйственно-финансовой деятельности «служителей культа», в религиозных обществах был упорядочен финансовый учет и контроль⁴⁰. Конечно, это не исключало вмешательства священников в финансово-хозяйственную деятельность религиозных обществ. Случались нарушения и со стороны причтов. По информации уполномоченного о «религиозной обстановке» в Михайловском районе в 1965 г., в церкви в селе Прудки у старосты Кожевниковой была выявлена недостача на сумму 1 510 руб. После обсуждения на собрании «двадцатки» она была снята с работы. До ревизии на Кожевникову поступали жалобы от верующих и членов церковной «двадцатки» о присвоении денег, вырученных от продажи просфор⁴¹.

Мощным инструментом в руках власти стала финансово-налоговая отчетность. Показательно в этом плане уголовное преследование рязанского епархиального секретаря протоиерея Константина (Гаврилкова). В 1962 г. о. Константин, занимавший должности ключаря Борисо-Глебского кафедрального собора и епархиального секретаря, попал под пресс правоохранительных органов: в «разработку» попала его «операция» по приобретению лампадного масла.

Приобретение масла стало острой проблемой для епархий. Выделение его из государственного фонда «Главнефтеобсбыта» было запрещено областными уполномоченными по делам РПЦ⁴². Приходилось обращаться к частным лицам или предприятиям. Последние порой или не выполняли свои обязательства, или выполняли ненадлежащим образом, что оборачивалось неприятностями для епархиальных управлений: навлекало на них претензии финансовых органов. В 1961 г. под суд попал архиепископ Иркутский Вениамин (Новицкий) по обвинению в покупке «по дешевке краденого вазелинового масла»⁴³. Похожая история произошла и в Рязанской об-

ласти. Местный завод автоаппаратуры, несмотря на получение в 1961 г. аванса в сумме 856 руб., в одностороннем порядке приостановил исполнение обязательств⁴⁴. Поиск лампадного масла пришлось перенести в Москву. Агент по снабжению епархии Ларин по вине поставщика, спецбазы авиапромышленности, 11 бочек лампадного масла в Рязань не доставил⁴⁵. Прокуратура завела на Ларина уголовное дело, а по статье «соучастие» – на о. Константина и бухгалтера епархии. Решением суда от 18 декабря 1962 г. они были приговорены к 3-м годам лишения свободы. Подсудимые пробыли в следственном изоляторе 4 месяца. Лишь 30 мая 1963 г. уголовное дело было прекращено, и неправомерно осужденные были оправданы Верховным судом РСФСР по кассационной жалобе⁴⁶.

Одной из форм ограничения финансово-экономической деятельности РПЦ стали обязательные отчисления в Фонд мира. В 1962 г. в Фонд мира от Рязанской епархии поступило 125 тыс. руб., в 1963 г. – 190 тыс. руб. (сельские храмы дали почти 40 тыс.)⁴⁷.

Усилия власти даром не пропали: некоторые статьи доходов Рязанской епархии снизились. Так, борьба с крещениями привела к тому, что в 1964 г. более чем в 2 раза упали доходы от продажи нательных крестов – до 23 тыс. руб. В 2 раза упали и отчисления в епархию от приходов – до 42,5 тыс. руб.⁴⁸ В результате, несмотря на рост денежного оборота, финансовое положение Рязанской епархии в первой половине 1960-х гг. не было устойчивым: расходы превышали доходы. К 1965 г. доход епархии составил 191 тыс. руб., а расход – 220,4 тыс.⁴⁹ При этом, по данным 1962 г., добровольные взносы храмов в пенсионный фонд епархии составили 30,3 тыс. руб., тогда как на пенсии, при наличии 42-х заштатных священников, необходимо было 45 тыс. руб. Число священников-пенсионеров составляло половину от числа работающих⁵⁰.

В этой ситуации немалую роль сыграла «натуральная» помощь верующих храмам. В 1965 г. храмы Рязанской епархии получили от верующих 1,5 т. муки, тканей – 710 м, полотенец и платков – 890⁵¹. Главным мотивом оказания такой помощи было опасение верующих, что их приходы закроют по причине долгов или малой доходности. Запретить благотворительные приношения власть не могла, а потому ограничивалась рекомендациями верующим воздерживаться от приношений.

Свою роль играл и повышенный спрос на свечи и просфоры на Пасху. Г.А. Федюкин, староста Николаевского храма в городе Скопин, в беседе с уполномоченным Карповым заявил, что два года наблюдал, как на Пасху многие верующие покупали 20–30 свечей и около 50 просфор в одни руки⁵². А. Чужакова, староста Введенского храма в селе Лесуново, сообщила Карпову, что верующие на Пасху в одни руки покупали 15–20 свечей и около 30 просфор. В Пасхальную неделю продажа свечей давала 80 % доходов⁵³.

Помогали храмам, как явствует из материалов религиозно-экономической экспедиции Института истории АН СССР в Рязанскую область, и члены семей верующих, которые заказывали требы и посылали в храм деньги через стариков-родителей. Поскольку количество приходов в Рязанской области в

первой половине 1960-х гг. уменьшилось (в 1960–1965 гг. был закрыт 21 приход, то есть четверть)⁵⁴, верующие многих малых сел вынуждены были посещать действующие храмы, находящиеся от них на большом расстоянии, расходуя немалое время на дорогу. Выход в этом случае настоятели храмов находили в том, что по праздникам проводили несколько служб⁵⁵.

Оценивая ситуацию, в общем-то, относительно объективно, в справке в Рязанский обком КПСС о состоянии и деятельности религиозных объединений от 7 декабря 1963 г. уполномоченный сообщал: «Религиозные объединения в нашей области пользуются еще значительной материальной поддержкой верующих»⁵⁶.

Верующие оказывали помощь не только местным храмам, но и закрываемым монастырям в других регионах страны. Так, в 1961 г. в Почаевскую лавру от верующих Рязанской области было отправлено на поминание 2 тыс. руб. Отправителями были 16 человек, вклад каждого составил от 50 до 200 руб.⁵⁷

В итоге к середине 1960-х гг. ежегодный объем поддержки РПЦ со стороны православных верующих Рязанской области – «отсталой части населения» – составлял 1,5 млн. руб. Что почти в 1,5 раза превзошло объем взносов 80 тыс. членов областной организации КПСС – «передовой части советского общества» – 1,022 млн. руб.⁵⁸

Таким образом, хрущевское наступление на Русскую православную церковь только укрепило религиозные чувства верующих. В трудные годы ее преследования коммунистической властью часть населения оказала ей существенную материальную поддержку. В условиях усиления государственного финансового контроля и налогового пресса верующие своими кровными средствами активно поддержали ее, спасая от финансово-хозяйственного упадка и разорения.

Примечания

¹ Законодательство о религиозных культах: Сборник документов, нормативных актов и статей классиков марксизма-ленинизма. М., 1969. С.35–36.

² ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 227. Л. 108; Оп. 3. Д. 166. Л. 138.

³ ГА РФ. Оп.1. Д. 1747. Л. 18–19; Государственный архив Рязанской области (ГАРО) Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 22. Л. 73.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1649. Л. 34.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1543. Л. 164–168.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 71. Л. 75

⁷ Там же. Л. 75, 96–99.

⁸ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 73. Л. 181–182.

⁹ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 87. Л. 117–120.

¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 22. Л. 73.

¹¹ Андрианов Н.П. Эволюция религиозного сознания. Л., 1974. С. 22.

¹² Тепляков М.К. Проблемы атеистического воспитания в практике партийной работы. Воронеж, 1972. С. 122.

¹³ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 453. Л. 2.

¹⁴ ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 82. Л. 19.

¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 22. Л. 42.

¹⁶ ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 96. Л. 188; Народное хозяйство Рязанской области. М., 1967. С. 14.

¹⁷ Ипполитова В.А. Поле деятельности атеиста. М., 1983. С. 87.

¹⁸ ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 89. Л. 22.

¹⁹ ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 94. Л. 181–182.

²⁰ ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 87. Л. 20.

²¹ Государственный архив Владимирской области. Ф. П-830. Оп. 3. Д. 1073. Л. 20.

²² ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 22. Л. 73; Д. 94. Л. 128–136.

²³ ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 87. Л. 190.

²⁴ ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 82. Л. 16.

²⁵ Янкова З.А. Современное православие и антиобщественная сущность его идеологии // Вопросы истории религии и атеизма. Вып. XI. М., 1963. С. 79–80.

²⁶ ГАРО. Ф. Р-3251. Оп. 33. Д. 115. Л. 106; Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 72. Л. 15.

²⁷ ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 76. Л. 146–147; Янкова З.А. Указ.соч. С. 79.

²⁸ ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 57. Л. 143–145.

²⁹ ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 22. Л. 71; Д. 57. Л. 83.

³⁰ ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 79. Л. 210.

³¹ ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 101. Л. 95–96.

³² ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 22. Л. 43.

³³ ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 96. Л. 112.

³⁴ ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 91. Л. 22.

³⁵ ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 88. Л. 126–127

³⁶ ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 118. Л. 121–123; Д. 22. Л. 71.

³⁷ ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 88. Л. 118–119, 172.

³⁸ ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 91. Л. 22.

³⁹ ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 529. Л. 56.

⁴⁰ ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 112. Л. 17–18.

⁴¹ ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 94. Л. 282.

⁴² ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 43. Л. 133.

⁴³ Цыпин В. История Русской Церкви, 1917–1997. Т. 9. М., 1997. С. 399.

⁴⁴ ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 71. Л. 55.

⁴⁵ ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 77. Л. 307; Д. 79. Л. 235, 318.

⁴⁶ ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 84. Л. 50–51.

⁴⁷ ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 88. Л. 124.

⁴⁸ ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 22. Л. 73; Д. 94. Л. 128–136.

⁴⁹ ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 96. Л. 1.

⁵⁰ ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 84. Л. 88; Д. 77. Л. 118.

⁵¹ ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 101. Л. 156–157.

⁵² ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 126. Л. 19.

⁵³ ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 127. Л. 12.

⁵⁴ ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 96. Л. 188.

⁵⁵ ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 107. Л. 264.

⁵⁶ ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 52. Л. 143–145.

⁵⁷ Янкова З.А. Указ. соч. С. 113; ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 62. Л. 67; Д. 71. Л. 67.

⁵⁸ ГАРО. Ф. П-3. Оп. 8. Д. 6. Л. 23–24; Оп. 10. Д. 5. Л. 47.

А.Ю. Дунаева

ПОЛИЦИЯ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX в.: УСЛОВИЯ СЛУЖБЫ И МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Революция 1905–1907 гг. показала остроту не только аграрного и рабочего вопросов, но и проблем материального обеспечения, обучения и службы тех, на ком, собственно, и держалось величественное здание Российской империи. Прежде всего – земских начальников, чиновников губернских правлений и полицейских. Отчеты московского губернатора В.Ф. Джунковского, материалы сенатской ревизии московского градоначальства дают возможность наглядно представить себе, насколько мало верховная власть заботилась о своих местных представителях. Особенно бедственным, учитывая их разнообразные обязанности, часто связанные с риском для жизни, было положение чинов местной полиции.

Это стало очевидным в дни Декабрьского вооруженного восстания, которое московская полиция встретила фактически безоружной. 12 декабря генерал-губернатор Ф.В. Дубасов распорядился немедленно вооружить городских московской полиции ружьями из артиллерийского склада и патронами¹. Новый градоначальник А.А. Рейнбот, вступивший в должность в начале 1906 г., в своем отчете сенатской ревизии писал: «При ближайшем ознакомлении оказалось, что полиция не только не обучена, но почти безоружна. Так, имелись на вооружении однозарядные ружья Бердана, и то выданные лишь в декабре по приказанию генерал-адъютанта Дубасова; на 4 000 городских имелось 1 332 револьвера старой системы Смита и Вессона, большинство коих в неисправном виде, и ни к чему не пригодные шашки по 2 р. 20 коп. штука. Околоточные надзиратели, за исключением нескольких, запасшихся конфискованным оружием, револьверов не имели. Такое вооружение было в ту минуту, когда полицию расстреливали на улицах из револьверов самых последних систем, когда полиция ходила каждую ночь на обыски и аресты, заведомо зная, что зачастую встретит жестокое вооруженное сопротивление»².

Рейнбот привел в пример городского: явившись на смену в штатском платье, тот переоделся на улице в форменную шинель напарника, взял его оружие и встал на пост. «Проверяя наружные посты, – писал градоначальник далее, – я застал в Сретенском арестном доме постового в штатском платье с пистонным ружьем в руках, к которому не было никаких огнестрельных припасов»³.

Полицейские, по мнению Рейнбота, не только не были приучены к каким-либо активным действиям, но даже к простому исполнению приказаний: «Нижние чины в начальство мало верили, и я не был спокоен, что в критическую минуту они пойдут за мной. Между тем настроение города было крайне тревожно, население не верило во власть и не считало ее достаточно сильною, чтобы обеспечить порядок в городе и охранить интересы его обывателей»⁴.

Для вооружения городских Рейнбот приказал выдать приставам деньги в виде наградных из остаточных сумм личного состава и купить на них 900 револьверов системы Нагана и патроны к ним. Ассигновав околоточным надзирателям стоимость револьверов в виде наградных, приказал им купить 375 револьверов системы Смита и Вессона, городским по его ходатайству перед командующим войсками берданки были заменены 3-линейными винтовками.

Немедленного улучшения требовало не только вооружение, но и условия труда полицейских. Во время ожидавшихся беспорядков или волнений в городе, по словам Рейнбота, городские собирались в участке, где проводили ночь и более одетые, валяясь на полу и не имея даже возможности не только получить горячую пищу в участке, но даже выпить чаю, за которым они бегали в ближайшие трактиры. «Я приказал во всех участках завести самовары и чайные приборы, а начальнику резерва выдать 600 рублей авансом на снабжение в таких случаях городских чаем и сахаром. Все эти расходы произведены из остаточных сумм в виде наградных приставам и начальнику резерва», – так оправдывал свои расходы градоначальник. «Зимой в большие морозы городские, стоя на поту, закутывали себе голову башлыками... Ввиду именина больших остаточных сумм, я решил побаловать низших чинов и приказал купить на весь наличный состав городских барашковые воротники, вписав стоимость их в виде наградных»⁵.

Описывая условия службы приставов и их помощников, Рейнбот отмечал, что большим подспорьем для них служат подарки от обывателей. Он подразделил их на «подарки со сделкою с совестью и на подарки со сделкою с самолюбием». «Карая жестоко первые, волей неволей пришлось мириться со вторыми, глубоко укоренившимися в Москве, контроль над которыми совершенно невозможен», – признал градоначальник⁶. Он принял жесткие меры: «Целый ряд... был мною уволен за некорректность в денежном отношении. Но, к сожалению, оклады, установленные штатами, столь мизерны... что не могут удовлетворить самым насущным потребностям жизни интеллигентной, хотя бы даже немногочисленной, семьи», – подытожил Рейнбот⁷.

Если московский градоначальник в своем отчете сенатору Н.П. Гарину, проводившему ревизию, прежде всего подчеркивал бедственность положения полицейских, оправдывая «нецелевую» трату казенных денег, то губернатор Джунковский в своих отчетах Николаю II подчеркивал самоотверженность и энергию полиции в борьбе с врагами самодержавия. Но и Джунковский не стал скрывать от императора, что крайняя недостаточ-

ность содержания, получаемого полицейскими, вынуждает их искать другие источники дохода.

В отчете за 1906 г. он указывал, что полицейские вынуждены затрачивать личные средства на канцелярию. И далее писал: «Неимение же свободных денег обращает их к незаконным поборам, например за прописку паспортов. Роняя свою честь, они роняют в то же время достоинство и авторитет правительственной власти. Есть только один способ исправить положение: издать для полиции новые штаты, согласованные с возросшей повсеместно дороговизной жизни и размерами служебного труда»⁸.

Джунковский всегда поддерживал чинов полиции морально, лично отдавал последний долг городовым, погибшим при исполнении служебных обязанностей, посещал семьи убитых. Это вошло в его практику еще с 1902 г., когда он был заместителем председателя Московского попечительства о народной трезвости. «Несчастный городской, старик 72 лет, стоявший на посту около Народного дома попечительства, упал замертво, – вспоминал он, – я приказал запереть народный дом до окончания похорон и всем служащим быть на похоронах. Я сам приехал на похороны и возложил на гроб венки от попечительства», – писал он⁹.

Джунковский вносил свои предложения по улучшению материального обеспечения чинов полиции. «Я разработал для полиции Московской губернии проекты новых, согласованных с изменившимися условиями жизни, штатов, каковые и представил министру внутренних дел. В основание проектов положены ходатайства об увеличении численного состава и о повышении окладов содержания чинов ее», – писал он в отчете императору за 1907 г.¹⁰ Однако их осуществление задерживалось разработкой общей реформы полицейских учреждений в империи.

Джунковский, как и Рейнбот, старался поощрять полицейских за счет наградного фонда. Приказ губернатора по личному составу от 8 января 1909 г. гласил: «9 минувшего декабря близ станции «Нара» от трактира Матвеева была угнана запряженная в сани лошадь, принадлежащая крестьянину Николаю Оськину. Полицейский сторож села Наро-Фоминского Зиновьев получил сведения о происшедшем, на другой лошади Оськина немедленно бросился за конокрадами, настиг их в трех верстах от «Нары» и задержал. За проявленную сторожем Зиновьевым находчивость, быстроту и смелость действий объявляю ему благодарность и назначаю награду 10 рублей, выданы каковые будут по моей канцелярии». 19 мая 1909 г., объявляя «спасибо» за молодецество городовому Воскресенской команды Егорову, зарубившему шашкой появившуюся в городе бешеную собаку, губернатор предложил своей канцелярии выдать тому в награду 3 рубля. В этот же день тому же городовому за задержание преступника, похитившего корову в имении Пеговой, было объявлено «спасибо» с выдачей ему в возмещение расходов по розыску 10 руб.¹¹

Однако в том же 1909 г. сумма, предназначенная для выдачи наград и пособий наиболее нуждающимся и отличившимся по службе полицей-

ским чинам, была сокращена вдвое. Джунковский настаивал на том, что необходимо отпускать в распоряжение начальника губернии сумму, достаточную для выдачи наград и пособий хотя бы наиболее нуждающимся и достойнейшим из чинов полиции. Он особо подчеркивал, что «увеличение... даст ему возможность более строго относиться к незаконным вознаграждениям, от которых полиция не имеет возможности отказаться». Пока же ему оставалось лишь уповать на то, что «предстоящая реформа полиции, стремящаяся устранить указанные недостатки, явилась бы справедливым награждением полиции за ее непоколебимую верность Престолу, беззаветный патриотизм и кровь, пролитую многими в ее рядах в борьбе с врагами государства»¹².

В 1910 г. в очередной раз докладывая императору, что «бедственность положения некоторых чинов полиции принимает совершенно нетерпимые размеры», Джунковский привел в пример полицейского надзирателя одной из крупнейших фабрик в России – Богородско-Глуховской мануфактуры, который получал, согласно действующему штату, квартиру от фабрики и 650 руб. в год. Между тем на содержание одной канцелярии он вынужден был расходовать ежегодно не менее 1 300 руб. У занимавшего эту должность в течение 10 лет титулярного советника Даниловского была обнаружена крупная растрата вверенных ему по службе сумм. Чтобы избежать бесчестья ареста и суда, полицейский застрелился. Губернатор писал далее: «Дабы не ставить заместителя его в столь же безвыходное положение, я вошел в соглашение с фабрикой об уплате в пользу канцелярии Полицейского Надзирателя по 10 коп. за прописку каждого паспорта, хотя таковой сбор и не предусмотрен законом»¹³. Напротив этого абзаца Николай II написал: «Такое положение не подымает престижа власти»¹⁴.

Однако положение полиции Московской губернии от этого не изменилось. «Как и прежде, все чины ее самоотверженно и с отменным усердием несут сложные обязанности службы, ожидая лучшего времени, когда изменятся материальные условия их жизни и облегчен будет непомерный труд, выпадающий ныне на их долю», – писал Джунковский в отчете за 1911 г. «Я все же имею возможность путем экономии в соответствующем кредите изыскивать средства для выдачи наиболее нуждающимся чинам ее пособий. В значительно худшем положении находятся старшие чины уездной полиции... сознание, что расходы, связанные с переездом из одного уезда в другой, могут быть непосильны, заставляют меня отказаться от подобных перемещений, что весьма вредно отражается на состоянии полицейского дела в губернии»¹⁵.

Непрестижность полицейской службы, неуважение, пренебрежительность, а то и враждебность местного населения приводили к тому, что многие чины полиции стеснялись носить полицейскую форму и стремились сделать ее похожей на офицерскую. «Не может быть, по-видимому, сомнения в том, что полицейский чин, стремящийся подражать офицерскому обмундированию, обнаруживает этим недовольство не только присво-

енной его службе формой, но и самым характером этой службы и положением ее в обществе и государстве, – отмечал Джунковский в приказе от 20 октября 1909 г. «Ошибочность подобного взгляда совершенно очевидна. Роль, отведенная законами полиции, ответственна, серьезна и почетна, и полицейский чин, добросовестно и с энергией исполняющий свои обязанности, вызывает всегда общее к себе уважение. Необходимо, конечно, при этом, чтобы чины полиции держали себя во всех случаях независимо и с достоинством. Пренебрежение полицейской формой и желание подражать офицерскому обмундированию может быть объяснено только отсутствием личного достоинства»¹⁶.

На отчете за 1912 г. напротив замечания Джунковского, что «все чины полиции... исполняли обязанности своей службы, ожидая лучшего времени... когда реформа улучшит материальные условия их жизни, граничащие ныне с крайней бедностью», Николай II написал: «Надеюсь, очень скоро»¹⁷.

Джунковский должен был оставить свой пост в начале 1913 г. На протяжении всего его губернаторства, с 1905 по 1912 гг., в положении полицейских чинов ничего не изменилось. Обращаясь ко всем старшим и младшим чинам уездной полиции в своем последнем приказе от 27 января 1913 г., он писал: «Имена многих лиц, доблестно павших на своем посту, ярко свидетельствуют о том, чем мы обязаны все чинам уездной полиции. С благодарностью признает также население, что уездная полиция всегда самоотверженно исполняла свою первейшую обязанность – оказывать быструю и действенную помощь людям, застигнутым каким-либо несчастьем. Тот, кто видел действия Московской Губернской полиции в критические моменты (наводнение, пожары), не бросит ей тяжелого укора за отдельные проступки, тем более что виновными в них явились лица, а не учреждение, выполняющее доблестно поставленные ему законом задачи»¹⁸.

Конечно же, Джунковский выдавал желаемое за действительное: дело было именно в учреждении, а не в людях, которые продолжали, выполнять свои служебные обязанности часто вопреки здравому и естественному желанию жить и работать в условиях, достойных тяжести их «государевой службы». Ведь положение полицейских чинов московской губернии ничем не отличалось от положения их коллег в других губерниях империи.

Нельзя не согласиться с американским исследователем Р. Роббинсом, который утверждает, что полиция должна была отвечать за все, не получая взамен ничего. По его данным, в начале XX в. размеры оплаты, установленные еще 60-е гг. XIX в., были совершенно несопоставимы с прожиточным минимумом, составляя максимум 1 500 руб. в год. Условия, в которых приходилось работать, также были плачевны. Все это вело к тому, что на службу поступали люди, которые не были способны ни на что другое. В начале 1900-х гг. только 3 % всех полицейских начальников имели высшее образование и 21 % – среднее. Ситуация со станowymi приставами и урядниками была еще более плачевной: некоторые из них едва умели читать. Большинство полицейских были бывшими солдатами, не получившими

продвижения и уволенные из армии. Человек, который не мог командовать даже небольшим воинским подразделением, зачастую должен был отвечать за безопасность, а то и жизнь тысяч людей. Большая текучесть кадров, коррупция, некомпетентность – таковы были основные черты местной полиции. Даже самый решительный губернатор, в чьих руках находилась полиция, без сомнения, должен был понять безнадежность ситуации с коррупцией и злоупотреблением властью в полиции¹⁹.

В такой ситуации неизбежны были и забастовки самих полицейских. В 1905 г. объявили забастовку доведенные до отчаяния городские Екатеринбургские. Бастовали и нижние чины одесской полиции, пытаясь привлечь внимание все к тем же проблемам: переутомлению, вызванному слишком интенсивной службой, и нехватке жалованья. Наместник императора на Кавказе докладывал в Департамент полиции об обнаружении в Тифлисе печатных воззваний от имени «Союза городских» с профессионально-экономическими требованиями и угрозой забастовки в случае их неисполнения. В Киеве личный состав городского управления выступил с требованием освободить их от заданий, отнесенных к сфере деятельности политической полиции²⁰.

В столичной полиции в это же время началось движение за создание профессионального союза. Помимо экономических требований нижние чины считали необходимым «вести вежливое обращение начальства с околоточными и полицейскими надзирателями, городскими и смотрителями и отменить донныне существовавшее обидное, дерзкое, грубое, крикливое обращение, сопровождающееся разными угрозами»²¹.

Однако ни пометки Николая II на отчетах, передаваемые в соответствующие ведомства, ни работа Комиссии по реформе полиции в империи, ни Государственная дума не решили эту серьезную государственную и социальную проблему. А.А. Хвостов, занимавший пост министра внутренних дел с 7 июля по 16 сентября 1916 г., на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии после Февральской революции показал, что собирався провести закон о новых штатах полиции помимо Думы по 87-й статье Основных законов. «Штаты полиции лежали в Думе много лет, – рассказывал бывший министр, – они там застряли, и я застал министерство внутренних дел в таком положении, что полиции почти не существовало... чины полиции прямо убегали... Если не ошибаюсь, в Петрограде чуть ли не 60 % городских было в отлучке. Исходя из этого, я пришел к заключению, что вся полиция может разбежаться, т.к. оклады действительно ничтожны, и что нужно, в виду экстренной меры, ввести новые штаты полиции»²². Однако Хвостов так и не успел провести новый законопроект через Государственную думу. Последнему министру внутренних дел А.Д. Протопопову удалось провести его через Совет министров. 30 октября 1916 г. Николай II утвердил положение «Об усилении полиции в 50-ти губерниях империи и об улучшении служебного и материального положения полицейских чинов». Решающим фактором при принятии этого решения стала забастовка полицейских в Москве²³.

Пророческими в свете дальнейших событий оказались слова Джунковского, которыми он закончил свой отчет за 1910 г.: «Дерзая... занимать столь продолжительное время Всемилостивейшее Вашего Императорского Величества внимание, я черпаю надежду на Высочайшее снисхождение Ваше, Государь, единственно в том соображении, что вся государственная и общественная повседневная жизнь полна этих мелочей, неустранение коих является всегда причиной крупных осложнений в будущем»²⁴.

Г. Иоффе

Примечания

- ¹ ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 104. Д. 42. Л. 2.
- ² ГА РФ. Ф. 826. Д. 107. Л. 26.
- ³ Там же. Л. 25об.
- ⁴ Там же. Л. 26.
- ⁵ Там же. Л. 27.
- ⁶ Там же. Л. 28.
- ⁷ Там же. Л. 27.
- ⁸ Там же. Л. 11об.
- ⁹ ГА РФ. Ф. 826. Д. 45. Л. 237.
- ¹⁰ ГА РФ. Ф. 826. Д. 107. Л. 22об.
- ¹¹ ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 96. Д. 753. Л. 1об., 18–18об.
- ¹² ГА РФ. Ф. 826. Д. 107. Л. 61об.
- ¹³ Там же. Л. 87.
- ¹⁴ Там же. Л. 126.
- ¹⁵ Там же. Л. 118.
- ¹⁶ ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 96. Д. 753. Л. 39об.
- ¹⁷ Там же. Л. 145.
- ¹⁸ ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 101. Д. 283. Л. 3.
- ¹⁹ Robbins R. The Tsar's Viceroys: Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire. Ithaca (N.Y.). 1987. P. 184–186.
- ²⁰ Реент Ю.А. Полицейская система Российской империи начала XX в., 1900–1917 гг.: Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2002. С. 319.
- ²¹ Там же.
- ²² Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной комиссии Временного правительства. Т. 5. М., 1925. С. 463.
- ²³ Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917). М., 2000. С. 366.
- ²⁴ ГА РФ. Ф. 826. Д. 107. Л. 94.

РЕВОЛЮЦИОНЕР ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ БОРИСА САВИНКОВА

29 августа 1924 г. центральные газеты опубликовали правительственное сообщение: «На территории Советской России ОГПУ был задержан гражданин Савинков Борис Викторович – один из самых непримиримых и активных врагов рабоче-крестьянской России». Далее говорилось, что за все свои преступления он был предан суду Военного трибунала и приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. Однако, приняв во внимание признание Савинковым заблуждений и ошибочности своей деятельности, народный характер Советской власти и готовность загладить свою вину честным трудом на благо трудящихся, трибунал ходатайствовал перед ВЦИКом СССР о смягчении этого приговора, и ВЦИК заменил Савинкову расстрел 10-ю годами тюрьмы.

Сенсация! И это все о Савинкове, самом Савинкове?! Казалось, такого быть не могло, потому что не могло быть никогда. Возле здания суда на Гоголевском бульваре в толпе ходили разные слухи. Одни говорили, что судили никакого не Савинкова, а его двойника. Другие высказывали мнение, что хотя перед судом действительный Савинков, но «обработанный» так, что от него прежнего мало что осталось. Некоторые полага-

Б.В. Савинков

ли, что Савинков и в самом деле «попался» ГПУ, предал там всех и вся, спасая свою жизнь, а какой же это Савинков? Так, сломленная бывшая личность...

Но перед Военной коллегией Верховного суда СССР собственной персоной стоял он – сам Борис Викторович Савинков, внешне даже мало изменившийся. Невысокий, худощавый. Лысеющая голова. Большой нос и миндалевидные глаза. Гладко выбритое лицо – хмуровато. Взгляд внимательный, как бы протупывающий окружающее и окружающих. Но когда он вдруг улыбался, лицо его приобретало доброе, даже ласковое выражение. Сомнений у тех, кто встречался с Савинковым, не существовало: это был он, неуловимый, таинственный, грозный Сверхчеловек.

Вот как описывал Савинкова А. Куприн в 1924 г., когда Савинков уже «перешел на сторону большевиков», признал Советскую власть, столь ненавидимую Куприным. Но даже это не помешало ему написать: «Я видел Савинкова впервые в 1912 г. в Ницце. Тогда я залюбовался этим великолепным экземпляром совершенного человеческого животного! Я чувствовал, что каждая его мысль ловится послушно его нервами и каждый мускул мгновенно подчиняется малейшему намеку нервов. Такой чудесной машины в образе холодно-красивого, гибкого, спокойного и легкого человека я больше не встречал в жизни, и он неизгладимо ярко оттиснулся в моей памяти»¹. Но таким был Савинков 1912 года. Через 12 лет перед советским трибуналом стоял уже иной Савинков...

Террор

Борис Савинков родился в 1879 г. в Харькове. С самого начала судьба поставила его на революционный путь. Отец – мировой судья в Варшаве – был устранен от должности за либеральные (по другим данным – революционные) взгляды. Мать – София Александровна (литературный псевдоним – С. Шавиль) – писательница. Все братья Савинковы ушли в революцию. Старший брат Николай был сослан в якутскую каторгу и там покончил с собой. Младший, Виктор, действовал совместно с Борисом как его ближайший помощник. Сам же Борис фактически возглавлял террористический аппарат партии эсеров. Только сестры, кажется, оказались в стороне от революции. Впрочем, одна из них, по показаниям Савинкова в ОГПУ, была расстреляна большевиками вместе с мужем-офицером.

Еще студентом Борис Савинков примкнул к социал-демократам. Одно время он даже руководил рабочим кружком «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Но социал-демократизм Савинкова был непродолжительным. Вскоре его выслали в Вологду, откуда летом 1903 г. он бежал за границу и объявился в Женеве.

Между тем, на Россию накатывала новая волна революционного терроризма, поднятая еще «Народной волей». В конце 1901–начале 1902 гг. образовалась партия эсеров (социалистов-революционеров), признавшая необходимость в борьбе с царизмом индивидуальный террор. Еще во

время пребывания Савинкова в Вологде туда приехала народоволка Е. Брешко-Брешковская, оказавшая на него большое влияние, и в эмиграции Савинков примкнул к одной из эсеровских групп. Это не было случайным. Натуре Савинкова мало соответствовал социал-демократизм с его теоретизированием, пропагандой и организационной работой. Ему в большей степени были свойственны активная деятельность (не без авантюризма), романтика революционной борьбы. Многим эсерам, которым это было присуще, шли в террор. Они считали, что власти в своей политике подавления и угнетения трудовых масс практикуют страх (полиция, суды, тюрьма, каторга и т.п.). Поэтому и им, властям, надо противопоставить страх. Всякий момент представители власти, преимущественно в «верхах», должны чувствовать за собой дуло пистолета или угрозу быть разорванным брошенной бомбой.

Эсеры создали Боевую террористическую организацию, которую до своего ареста в 1903 г. возглавлял Г. Гершуни, а после него – одесский выходец Евно Азеф. Этот человек оказался полицейским агентом-provocатором, но выяснилась его деятельность позднее. Савинков стал правой рукой сначала Гершуни, а потом Азефа.

Азеф был крупным, полным мужчиной с грубым, «каменным» лицом биндюжника с Пересыпи. Но его внешность не соответствовала хитрому, коварному и изворотливому уму. В течении нескольких лет он, можно сказать, блестяще играл роль твердого руководителя Боевой организации и даже, когда его разоблачили как provocатора, многие, близко связанные с ним члены партии и Боевой организации, не склонны были этому поверить.

При знакомстве с Савинковым Азеф «строго» спросил, почему он хочет «работать в терроре». Тот ответил, что придает террору решающее значение. Но пройдет несколько лет, отмеченные кровавыми террористическими актами, и такого мнения Савинков уже не высказывал. Но тогда он ступил на стезю, где на каждом шагу его ждала петля виселицы.

Из всех многочисленных терактов, совершенных эсерами-боевиками Боевой организации (всего более 250) в разных городах в начале XX в. два, пожалуй, нанесли наиболее серьезный урон российской государственности: убийство министра внутренних дел В. Плеве и убийство московского губернатора, вел. кн. Сергея Александровича.

* * *

С приходом к власти «сильного министра» внутренних дел Плеве Николай II связывал успех в борьбе с либерализмом и особенно революционным движением. Сергей же Александрович представлял семью Романовых и являлся одним из столпов режима.

Некоторые современники с этими терактами связывали даже фактическое начало первой русской революции. Руководивший политической полицией генерал А. Герасимов считал, что именно убийство Плеве стало «переломным пунктом» в событиях начала века. Лидер кадетов П. Миллю-

ков, со своей стороны, тоже полагал, что «смерть Плеве сдвинула ход событий с мертвой точки».

Плеве находился буквально в огненном террористическом кольце. П. Струве, издававший в Штутгарте либерально-оппозиционный журнал «Освобождение» писал, что жизнь Плеве «застрахована лишь в меру технических трудностей его умерщвления». Плеве знал это. Каждое свое обещание он сопровождал фразой, полной черного юмора: «Если буду жив». Почти наверняка его должны были убить 18 марта 1904 г. Но из-за некоторой несогласованности между членами Боевой организации – метальщиками бомб – покушение не удалось.

Новое покушение на Плеве назначили на 15 июля 1904 г. Метальщиками стали Е. Созонов, И. Каляев, Боришанский и Сикорский, а «наводящими» – Дулебов и Мациевский. Руководил всей подготовкой Савинков. Впоследствии он описал картину убийства: «Когда Созонов взошел на мост через Обводный канал, Каляев увидел, как он вдруг ускорил шаги. Каляев понял, что он заметил карету. Когда Плеве поравнялся с Созоновым, Каляев был уже на мосту и с вершины видел взрыв, видел, как разорвалась карета... Мимо него промчались, волоча обломки колес, окровавленные лошади. Побежали толпы народа». К месту взрыва подошел и Савинков. Дым уже рассеялся, пахло гарью. В нескольких шагах от тротуара Савинков увидел Созонова: «Он полулежал на земле, опираясь левой рукой о камни и склонив голову на правый бок... Лицо было бледно, кое-где по лбу и щекам текли струйки крови... Ниже у живота начиналось темное кровавое пятно, которое, расплзаясь, образовало большую багряную лужу у его ног»². Кроме Плеве, погиб его кучер. Еще семь человек – сопровождающие и прохожие – были тяжело ранены.

В ноябре Созонова и судившегося с ним Сикорского приговорили к каторге. Созонова – пожизненно, Сикорского – на 20 лет. Из каторжной Акатуйской тюрьмы Созонов писал: «Я считаю, что мы – социалисты – продолжили дело Христа, который проповедовал братскую любовь между людьми и умер, как политический преступник, за людей. Не слава прельщала нас. После страшной борьбы и мучений только под гнетом печальной необходимости, мы брались за меч». До конца дней Созонова терзало видение: в момент, когда он уже бросал бомбу, перед ним вдруг мелькнули полные ужаса глаза Плеве... Позже Созонов покончил с собой.

Политическая роль Плеве неоднозначна и даже противоречива, как неоднозначно и противоречиво само его время. В анонимном письме, подписанном «Русский человек», автор писал: «Вы, Вячеслав Константинович, – один из типичнейших представителей той системы, на ответственности которой лежит гибель целых поколений... А что делает система, которую Вы представляете? Она прилагает все усилия, чтобы закрепить народ в том невежестве и духовном убожестве, которые необходимы, чтобы народ являлся покорным, стригомым стадом»³.

У правых был иной взгляд. В одном из некрологов говорилось: «Пал от руки убийцы один из наиболее даровитых русских государственных де-

ятелей В.К. Плеве... жизнь которого была не только полезна, но, быть может, даже необходима в настоящее время для России... Горячий патриот и русский до глубины души, Вячеслав Константинович мечтал мирным путем вывести Россию на путь прогресса»⁴.

Если на деятельность Плеве еще можно смотреть по-разному (в зависимости от политических взглядов), то вел. кн. Сергей Александрович, пожалуй, почти ни у кого не вызывал симпатий. Пост, который он занимал, – Московский генерал-губернатор, – кажется, подходил ему меньше всего. Великий князь не был хорошо образован, отличался упрямством, страдал некоторыми пороками. На нем лежала в немалой степени ответственность за гибель сотен людей на Ходынском поле во время коронации Николая II. По своим политическим взглядам он являл собой «крутого» реакционера, к тому же, как считали, небольшого ума.

Как и в деле Плеве, руководящую роль в убийстве великого князя играл Савинков. Ему помогли Дора Бриллиант, И. Каляев и Б. Моисеенко. Бриллиант готовила бомбы, Каляев и Моисеенко стали «извозчиками» и часами вели наблюдение за маршрутами генерал-губернатора. Метальщиками бомб были назначены Каляев и Куликовский. Оба, одетые в простонародную одежду, должны были стоять с бомбами – Куликовский у Александровского сада, Каляев на Воскресенской площади. Задумано было так, чтобы карета с великим князем не могла «проскочить» мимо одного из двух метальщиков. Когда карета поравнялась с Каляевым, и ему нужно было бросить в нее сверток с бомбой, он вдруг заметил в карете жену генерал-губернатора – вел. кн. Елизавету Федоровну (сестру императрицы) с детьми. И бомба осталась в опущенной руке Каляева.

Второго такого счастливого случая для Сергея Александровича, увы, не повторилось. В другой раз он выехал из Кремлевского дворца один, хотя, как впоследствии утверждали, его предупреждали об опасности. Куликовский не выдержал нервного напряжения и прямо заявил об этом Савинкову. Таким образом, великий князь должен был стать жертвой Каляева. Все произошло в Кремле. Когда великокняжеская карета находилась примерно в четырех шагах от Каляева, он бросил в нее бомбу. Раздался взрыв такой силы, что, казалось, в Кремле произошло землетрясение. Когда дым рассеялся, перед сбежавшимися предстала ужасающая картина: карета превратилась в груды щепок, великий князь был просто разорван на куски. Выбравшая из дворца вел. кн. Елизавета Федоровна ползала по земле, собирая то, что осталось от еще несколько минут назад живого мужа...

Каляева схватили сразу. Он не сопротивлялся, только истерически кричал: «Долой царя! Долой самодержавие!»

В Бутырской тюрьме, куда он был посажен, его посетила Елизавета Федоровна. Она передала ему иконку, и он, атеист, принял ее. Говорили, что Елизавета Федоровна просила императора помиловать Каляева, но в этом было отказано. Перед казнью Каляев написал матери, своим товарищам: «Я хотел бы только, чтобы никто не подумал обо мне дурно, чтобы

верили в искренность моих чувств и твердость моих убеждений»⁵. За несколько дней до смерти он много писал, потом рвал написанное, писал снова. В конце концов остались только слова Петра Великого: «А о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, была бы Россия счастлива...»

* * *

В Боевой организации некоторые ее члены считали, что убийства Плеве и великого князя открыли перед ней новые, еще большие возможности. Заходила речь о подготовке покушения на самого царя. Предполагалось взорвать яхту, на которую тот прибудет, но обстоятельства сорвали план.

Теракты Боевой организации в это время «ложались» в общий подъем революционного движения в стране. Большевистские и некоторые меньшевистские организации готовились к вооруженному восстанию. Эсеры и эсеровские боевики одобрительно относились к этой идее, но Савинков считал ее утопической. Он по-прежнему твердо верил в силу и влияние индивидуального террора и считал массовое восстание вряд ли возможным, а если все-таки возможным, то обреченным на разгром.

Боевая организация продолжала готовить и совершать террористические акты. Тем не менее, государственные деятели ранга Плеве или Сергея Александровича уже не становились жертвами террора. Постепенно он шел на спад. Главная причина заключалась в меняющейся политической ситуации. Эсеры смотрели на террор как на крайнюю и вынужденную меру борьбы с царским режимом. Созонов писал с каторги: «Только под гнетом необходимости мы брались за меч». Таким образом, террор мотивировался отсутствием в России легальных способов политической борьбы. Но в октябре 1905 г., как известно, последовал царский манифест, по которому в России учреждалась Государственная дума и вводились гражданские права. Наступила своего рода разрядка в политическом противостоянии, с одной стороны, властей и либералов, а также революционных партий – с другой.

Перед эсерами встал вопрос о продолжении террора. Наметился раскол: часть продолжала считать, что царский манифест не снимает необходимости продолжения борьбы с царизмом в самых крайних формах. Но большинство полагало, что с манифестом Россия встает на путь конституционной монархии, дающей легальные методы политической борьбы: террор должен быть прекращен, а Боевая организация распущена. Существовал и компромиссный вариант. Савинков выступал против прекращения террора, но подчинился большинству, постановившему временно прекратить террор. Полностью Боевая организация была распущена в ноябре 1906 г.

Однако еще весной 1906 г. было совершено покушение на московского генерал-губернатора Ф. Дубасова, которое фактически закончилось неудачей: был убит адъютант Дубасова и сам метальщик бомбы Б. Вноровский, а сам Дубасов был ранен. Покушение, которое эсеры готовили против министра внутренних дел П. Дурново, вообще не удалось осуществить.

Весной же 1906 г. Боевая организация вынесла решение об убийстве командующего Черноморским флотом адмирала Г. Чухнина. Теракт должен был возглавить лично Савинков, но так случилось, что ему еще не было известно, что ЦК эсеров постановило временно прекратить террор. В группе Савинкова должны были войти местные, севастопольские, боевики, в частности совсем юный гимназист Макаров и матрос Федоров, которых Савинков не знал достаточно хорошо. Убить Чухнина решено было у Владимирского собора, куда он должен был прийти. Но вышло так, что сначала там появился комендант Северной крепости генерал В. Неплюев. Участники террористической группы Макаров и другие решили, что это Чухнин, бросили бомбу, но она не взорвалась. Тогда бомбу приготовился бросать Фролов, но не успел этого сделать: она взорвалась у него в руках. Вместе с ним было убито и ранено 37 человек из толпы.

Власти поставили на ноги всю полицию. Группу террористов арестовали: Двойникова, Назарова, Калашникова, Лурье. Находившийся в гостинице Савинков тоже был схвачен. Как впоследствии предполагали, в том числе и сам Савинков, выдал их Азеф.

На их вырчку в Севастополь прибыли члены Боевой организации К. Зильберберг и другие, жена и мать Савинкова. Решено было всеми имеющимися средствами организовать бегство арестованных или, в любом случае, одного Савинкова.

Зильберберг действовал извне, а внутри тюрьмы – солдат 6-й роты 57-го Литовского полка В. Сулятицкий, с которым удалось наладить связь. 16 июля Сулятицкий провел Савинкова в умывальную комнату, где тот сбрил усы, переделался в заранее приготовленную солдатскую форму. На его выход из ворот в сопровождении Сулятицкого никто внимания не обратил...

Десять дней Савинков, Сулятицкий, матрос Боченко и проводник Степан прожили на отдаленном хуторе под Балаклавой. Удалось договориться с владельцем одноэтажного ботика. Разместившись в нем, беглецы 26 июля 1906 г. из устья реки Качи ушли в открытое море. Полиции так и не удалось схватить одного из самых опасных руководителей террора. Вскоре Савинков был уже в Румынии, затем в Венгрии, Швейцарии и Германии...

Переосмысление

После 1906–1907 гг. революция пошла на спад. Естественно, отразилось это и на терроризме. Но тяжелейший удар ему был нанесен, пожалуй, не столько правительственными силами, судившими террористов военнопольскими судами, сколько сенсационными разоблачением главы Боевой организации Евно Азефа. Собственно, некоторые боевики уже давно подозревали Азефа в провокаторстве, но им не верили: Азеф считался чуть ли не террористом № 1, организатором самых громких убийств. Однако он, по-видимому, все же чувствовал, что над ним мало-помалу сгущаются тучи и подумывал о побеге. В конце 1907 г. он решил на бегство вместе с

«дамой сердца» Хедди де Хэрро. Примерно в этот момент и грянул гром: старый народоволец, а теперь близкий к эсерам В. Бурцев сумел получить от бывшего директора Департамента полиции А. Лопухина неопровержимые данные о провокаторстве и предательстве Азефа.

Азеф и его пассия уже бежали в Германию, в Берлин. Там Азеф снял квартиру, устроился на работу в фондовую биржу. Хотя он и Хедди выехали по подложным паспортам, выданным им в полиции, для боевиков во главе с Савинковым вряд ли составляло большую трудность выследить предателя и вынести ему справедливый приговор. Но этого не было сделано ни по горячим следам, ни позже. Скорее всего, посчитали, что подтверждение разоблачения Азефа, наделав политического шума, принесет только дополнительный, практически непоправимый вред эсерам вообще и террору в частности, и потому лучше по возможности «забыть» о нем. Впрочем, существовали, вероятно, и другие обстоятельства.

Но тем не менее азефовщина в сильнейшей степени скомпрометировала политический террор. Лично Савинков был потрясен. Можно предположить, что он, еще недавно один из ближайших соратников Азефа, в это время и принял за мемуары («Воспоминания террориста», опубликованы в 1909 г.), которые, помимо прочего, должны были реабилитировать Боевую организацию. Не без блеска написанные, они тем не менее, на наш взгляд, не лишены идеализации товарищей Савинкова по «работе в терроре»: Е. Сазонова, И. Каляева, Б. Вноровского, Д. Бриллиант и других.

* * *

В том же 1909 г. Савинков (под псевдонимом Ропшин) издал еще одну книгу о терроре – «Конь бледный», написанную в жанре дневника. В ней рассказывается о террористической группе некоего Жоржа, от имени которого и ведется повествование. Если в «Воспоминаниях террориста» чувствуется налет идеализма, симпатия и любовь к реальным героям, то образы, созданные Савинковым в «Коне бледном», выглядят иначе. Жорж – во главе группы, которая готовит покушение на губернатора. За ним идет настоящая охота.

Почему Жорж «работает в терроре», что привело его в это кровавое дело? «Мне скучно жить, – говорит Жорж. – Сегодня, как и завтра, и вчера, как сегодня. Тот же молочный туман, те же будни. Та же любовь, та же смерть...» Жизнь представляется Жоржу театром марионеток: «Взвился занавес: мы на сцене... Хлопает игрушечный пистолет, появляется кровь – красный клюквенный сок».

Жорж не верит в рай на земле, не верит в рай и на небе. «Вся моя жизнь, – утверждает он, – борьба. Я не могу не бороться. Но во имя чего я борюсь – не знаю». Впрочем, нет, он знает: «Я так хочу. Пью вино цельное».

Жорж холодно думает об убийстве: «Я захотел и убил. Кто судья? Кто оправдает? Мне смешны мои судьи, смешны их строгие приговоры. Кто

придет ко мне и с верою скажет: убить нельзя, не убий, кто осмелится бросить в меня камень?»

Группа Жоржа: Ваня, Федор, Генрих, Эрн. На них Жорж смотрит расчетливо; они для него – исполнители, орудия. А что же они сами? Что привело их в террор?

Ваня верит в живого Иисуса Христа, в заповедь «не убий». Но идет убивать. Жорж спрашивает его:

«– Ваня, а «не убий»?»

– Нет, Жоржик, нет...

– Это ты говоришь?

– Да, я говорю. Чтобы не убивали. Чтобы люди потом по-Божьи жили, чтобы любовь освещала мир.

– Это кощунство, Ваня.

– Знаю. А «не убий»?»

Генрих ничего не говорит о Христе. Ему всего 22 года, он бывший студент, «ораторствовал на сходках», и революция привела его в террор. Может быть, этого и не случилось бы или, может быть, Генрих ушел бы из террора, но страстно влюбился в Эрну и не в силах ее оставить. А Эрн – специалист-химик, – изготавливающая для группы взрывные устройства, давно и безнадежно любит Жоржа. Она просит его любви, «как нищенка», однако Жорж холоден к ней. Расстаться с Жоржем Эрн не в силах. Единственное, о чем она его умоляет, – это позволить ей умереть вместе с ним.

Пожалуй, только рабочего Федора привел в террор социальный протест. Сидя с Жоржем в трактире, он показывает ему на двух шикарных дам и их кавалеров:

«– Слышь, сколько по-твоему за этот костюм?..»

– Не знаю. Рублей, наверное, двести

Молчание.

– Слышь...

– Что?

– А я вот рабочий, – целковый в день получал... Что думаешь, если к примеру, этих...

– Что этих?

– Ну, известно.

– Зачем?

– Чтоб знали?

– Что знали?

– Что рабочие люди, как мухи, мрут».

Они убили губернатора. Но при этом погибли Ваня, Федор, Эрн. А Жорж размышляет: «Я не хочу ничего теперь. Зачем? Для сцены? Для марионеток?.. Никнут ели. Пахнет смолой. Когда звезды зажгутся, упадет осенняя ночь, я скажу свое последнее слово. Мой револьвер всегда со мной».

В «Коне бледном» Савинков показывает совершенно неоднозначную – напротив, очень сложную природу террора, те внутренние силы,

которые толкают, втягивают в него людей. В этой природе перемешаны социальная ненависть, эмоциональность, доведенные до экзальтированности религиозные чувства, не лишённые фанатизма, пустота души, замешанная на тщеславии, склонность к авантюризму, ложно понятая романтика и многое другое. Самому Савинкову некоторые из этих чувств, видимо, тоже не были чужды.

В общем, в «Коне бледном» Савинков (Ропшин) приоткрыл кулисы террора, значительно «опустив» образы некоторых его участников. Понятно, что эсеры, которые рассматривали террор как проявление самого высокого революционного подвига, довольно сумрачно встретили «Коня бледного». Савинков позднее писал, что после выхода этой книги эсеры фактически перестали смотреть на него как на своего. Он превратился в своего рода «независимого эсера», «независимого социалиста».

Однако писательская среда давала книгам Савинкова высокую оценку. Толстой отмечал, что у Ропшина – несомненный литературный дар. З. Гиппиус писала, что для характеристики Савинкова как прозаика и поэта (он писал и стихи) одного слова «талант» мало.

* * *

Через три года после «Коня бледного» Савинков (Ропшин) выпустил в свет свою самую большую и, пожалуй, лучшую книгу – «То, чего не было». Название, надо думать, ироническое. Больше ей подошел бы ее иной заголовок: «То, что было». Но то, что было с большим мастерством описано Савинковым, совершенно не могло быть приемлемо для революции вообще, эсеровской партии и эсеровского терроризма в частности. Александр Куприн, ненавидевший Савинкова как революционера, признавал его писательское мастерство. «Бог, – писал он, – дал ему много даров, из них самый малоценный в его глазах был его несомненный большой литературный талант. Стиль его – хотя и не везде собственный – благороден, точен, богат и ясен». И как можно думать, имея в виду прежде всего «То, чего не было», Куприн отмечает, что в своих произведениях Савинков «не щадил своих прежних пестунов и их символ веры...»

В центре внимания «То, чего не было» – три сына заслуженного генерала Болотова: Андрей, Александр и младший, гимназист Михаил. Андрей первым уходит в революцию (1905–1907 гг.). Он храбро сражается на баррикадах Московского вооруженного восстания, а после его подавления становится членом «Комитета» – ЦК партии – присутствует на его собраниях, заседаниях. И... глубоко разочаровывается руководящими партийными бонзами. Они пребывали в самолюбивой и непоколебимой уверенности, что от их разговоров, решений и резолюций зависит ход революционных событий, во всяком случае начало, что это они движут народными массами. Постепенно Андрей осознает, что все это – «игрушки», что «Комитет» нужен его членам для них самих: он придает им значимость истори-

ческих деятелей, деятелей вообще. Кто они без «Комитета»? Андрей уходит в террор, хотя в душе своей сознает, что и это – «чирканье спичек во время дождя». Он убивает прокурора и приговорен военно-полевым судом к расстрелу. Ему предлагают помилование во имя прежних заслуг отца-генерала. Андрей отказывается, ибо считает, что «если можно и должно убить, то нельзя и не надо искать оправданий», так как «горе тому, кто убил».

По стопам казненного старшего брата пошел Александр – военный моряк, герой несчастной Цусимы. Но в партии, в которую он вступил, вернувшись из японского плена, ему довелось испытать разочарования многократно более тяжелые, чем Андрею. Будучи главой революционной террористической группы, он узнает, что в ней – провокаторы и предатели. Более того, провокатор находится даже в самом «Комитете». Одного из них Александр убивает, и когда полиция уже ломится в номер гостиницы, где он находится, пускает себе пулю в лоб.

А младший Михаил, фактически еще ребенок, восторженный юнец, идет на баррикады, свято веруя, что там и будет добыта долгожданная для народа земля и воля. Случайная солдатская пуля кончает с этой верой. Так в ходе революции погибают все три брата Болотовы – замечательные молодые люди, способные принести огромную пользу своей стране.

Горестную весть старикам-родителям несет Ваня, член группы застрелившегося Александра. До усадьбы Болотовых ему оставалось несколько верст. Он шел пешком и вспоминал свою жизнь: детство, прошедшее почти в нищете, тяжелую работу на заводе, бои на баррикадах, друзей и товарищей по борьбе из боевой дружины Александра. Все они погибли. И если оставалась вера, то не в различные «Комитеты», а в простой рабочий народ...

Если «Конь бледный» отдалил Савинкова от эсеров, то роман «То, чего не было» фактически ставил Савинкова вне эсеровских рядов. Позднее, уже в 1924 г., Савинков писал сестре Вере Мягковой: «После «То, чего не было» я уже был отверженный и оглашенный. Когда я приехал в 1917 г. в Россию, меня бойкотировали и на фронт послали, чтобы я не мозолил глаза. В эсерах... я разочаровался давно...»

Савинков после «То, чего не было» формально не был исключен из партии, но, в сущности, ушел «в свободное плавание». З. Гиппиус, хорошо знавшая Савинкова, записала в дневнике: «Борис Савинков – сильный, властный индивидуалист. Личник»⁶.

Как знать: не случись в Европе события, перевернувшие жизнь огромных масс людей, быть бы Савинкову большим писателем, все дальше и дальше уходившим от своего было прошлого – революционного терроризма и революции вообще. Но над миром уже сгущались тучи всеобщей войны, террора, которой принесет не отдельные жертвы, а жертвы миллионов ни в чем неповинных людей...

Когда грянула мировая война, Савинков находился во Франции. Он вступил во французскую армию и стал корреспондентом российской газеты «День». Статьи свои он писал со строго оборонческих позиций. Бывший

непримиримый борец с царизмом, он теперь проповедовал объединение всех сил ради победы над общим врагом – Германией и ее союзниками.⁷

Примечания

¹ *Кутрин А.* Хроника событий глазами белого офицера, писателя, журналиста. М., 2006. С. 368.

² *Савинков Б.* Воспоминания террориста. М., 2006. С. 65.

³ ГА РФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 381. Л. 1–2.

⁴ ГА РФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–1об.

⁵ *Савинков Б.* Указ. соч. С. 112.

⁶ *Гиппиус З.* Петербургские дневники, 1914–1919. Н-Й; М., 1990. С. 183.

⁷ Продолжение в следующем номере.

С.В. Карпенко

«БРАТЬ СЕЙЧАС ВЗЯТКУ – ЗНАЧИТ ТОРГОВАТЬ РОССИЕЙ!»: ГОСАППАРАТ И ЧИНОВНИЧЕСТВО ВРАНГЕЛЕВСКОЙ ДИКТАТУРЫ*

Вступая в главное командование Вооруженными силами на юге России, когда их остатки отступили в Крым, Врангель едва ли не главную причину поражений 1919 г. видел в том, что Колчаку и Деникину «связывали руки» «полустатские» правительства – Временное всероссийское и Особое совещание. Сам он являлся убежденным сторонником широко распространенной тогда идеи: в условиях войны и хозяйственной разрухи действительной формой правления может быть только военная диктатура – нечто сродни власти командующего армией.

После его назначения главкомом сенаторы, заблаговременно эвакуированные в Ялту, совместно с представителями правых крымских организаций подали ему докладную записку о форме правления. Они предложили установить военную диктатуру: «другого устройства власти, кроме военной диктатуры, при настоящих условиях мы не можем признать». И «упростить» аппарат управления – образовать при главкоме Совет из назначенных им начальников центральных управлений, а «высшее наблюдение за законностью» возложить на Сенат.

29 марта Врангель ввел новое «Положение об управлении областями, занимаемыми Вооруженными силами на юге России»: «Правитель и

* Настоящий очерк – отрывок из книги С.В. Карпенко «Белые генералы и красная смута», опубликованной издательством «Вече» в 2008 г.

главнокомандующий... обнимает всю полноту военной и гражданской власти без всяких ограничений». Казачьи войска ставились в подчинение главкому ВСЮР, а «земли казачьих войск» объявлялись «независимыми в отношении самоуправления». Непосредственно подчиненные главкому его помощник, начальник его штаба и начальники управлений – Военного, Морского, Гражданского, Хозяйственного, Иностранных сношений, – а также Государственный контролер составили Совет при главкоме, «имеющий характер органа совещательного».

Не оставшись в долгу перед сенаторами, Врангель и их пристроил к своей военно-диктаторской власти: Сенат был сохранен как «высший орган административной юстиции и надзора в порядке верховного управления».

* * *

Одержимый идеей «упрощения административного аппарата», Врангель 29 марта свел остатки всех министерств в четыре управления: Гражданское (внутренние дела, земледелие и землеустройство, юстиция и народное просвещение), Хозяйственное (финансы, продовольствие, торговля и промышленность, пути сообщения), Иностранных сношений и Государственный контроль. По сути, чисто механически соединил более или менее близкие отрасли управления под властью одного начальника. Поэтому уже спустя три дня начался обратный процесс.

Хозяйственное управление было разделено на два – Управление снабжений и Управление финансов.

Ввиду крайней скудости хозяйственных ресурсов Крыма, Управление снабжений должно было предельно централизовать закупки, как на полуострове, так и за границей, топлива, продовольствия, промтоваров, военных материалов и поставку их армии, флоту и населению. В него вошли отделы, ведавшие торговлей, промышленностью, топливом и продовольствием. Начальником его Врангель назначил генерала П.Э. Вильчевского, бывшего начальника снабжений Кавказской армии.

* * *

Весь апрель Врангель сколачивал правительство из своих приверженцев и советников. Газеты разносили по Крыму его слова: «Значительно упрощенный аппарат управления строится мною не из людей какой-либо партии, а из людей дела. Для меня нет ни монархистов, ни республиканцев, а есть лишь люди знания и труда». На деле же новый главком руководствовался иными критериями: дофевральский бюрократический стаж и принадлежность к монархическому Совету государственного объединения России (СГОР), но при этом осознание необходимости лавирования и уступок «низам» ради конечной цели – свержения большевиков.

Врангель, его ближайшие помощники и советники были твердо убеждены: Львов, Милоков, «деникинские кадеты» и прочие левые «общественные деятели» (эти слова они произносили с неизменной иронией) не могут быть более допущены к кормилу правления, ибо они провалились и в 1917 г. в масштабах всей страны, и в 1919-м на юге. Провалились из-за «дилетантизма в административных делах», «нерешительности» и «предрассудков парламентаризма и демократии». Поэтому среди извлеченных ими, как сами они говорили, «уроков из деникинского опыта» был и такой: если уж необходимо ради победы над большевиками делать «левую политику», то с этим могут справиться только «правые руки» – прежде всего те, кто управлял Россией до революции¹.

На должность своего помощника по гражданской части Врангель пригласил из Парижа А.В. Кривошеина, выехавшего туда еще до смены главкома. Выбор был столь же символичен, сколь и практичен.

63-летний статс-секретарь, уроженец Варшавы, сын воронежского крестьянина, дослужившегося в армии до полковника артиллерии, и обедневшей польской дворянки, он закончил Юридический факультет С.-Петербургского университета. Свое восхождение к бюрократическому Олимпу начал с должности юрисконсульта при частной Северо-Донецкой железной дороге. Последующая служба в архивном отделе Московского окружного суда дала ему возможность обзавестись обширными связями в кругах московских промышленников и выгодно жениться на племяннице Саввы Морозова. В 1887 г. он был принят в Земский отдел МВД, затем служил комиссаром по крестьянским делам в Царстве Польском, в 1896 г. был назначен помощником начальника Переселенческого управления, а в 1902 г. – его начальником. После революции 1905 г. он стал правой рукой Столыпина в проведении аграрной реформы: в 1906 г. возглавил Крестьянский банк, с мая 1908 по октябрь 1915 гг. занимал высокий пост главноуправляющего землеустройством и земледелием. Бюрократ-делец, тесно связанный с предпринимательской элитой, он хорошо понимал и глубину, и необратимость происходящих в России изменений. Ясно представлял себе, что возврата к прошлому нет, и именно в продолжении дела Столыпина видел единственную возможность «излечить» Россию от большевизма.

Врангель высоко ценил в Кривошеине это сочетание политической чуткости, гибкого ума и бюрократического опыта, а недоверие к нему со стороны Деникина считал самой хорошей рекомендацией. Потому и говорил не раз, что Кривошеину он «целиком доверяет дела внутреннего управления».

Во главе Гражданского управления Врангель поставил С.Д. Тверского, бывшего Воронежского губернатора и главноначальствующего Харьковской губернии в 1919 г.

Начальником Управления земледелия и землеустройства, по рекомендации Кривошеина, он назначил сенатора Г.В. Глинку, бывшего начальника Переселенческого управления, сподвижника Столыпина. Человек стойких монархических взглядов, Глинка после печального опыта деникинской

аграрной политики также пришел к твердому убеждению: без аграрной реформы Россию от большевизма не спасти.

По оценке выходящей в Грузии социалистической газеты «Вольный горец», вокруг Врангеля «сплотилось все самое талантливое в русской реакции, дельцы реакции, а не ее краснобаи, как у Деникина».

* * *

6 августа, в момент наибольшего успеха высадившейся на Кубани группы генерала С.Г. Улагая, Врангель поспешил издать приказ, которым «ввиду расширения занимаемой территории и в связи с соглашением с казачьими атаманами и правительствами», переименовал себя в «Правителя юга России» и главнокомандующего Русской армией, а Совет при главкоме – в «Правительство юга России». В него, возглавляемое председателем, включил начальников центральных управлений и представителей казачьих государственных образований.

Проведенные этим приказом переименования, не меняя ни сути военно-диктаторской власти Врангеля, ни положения правительства как совещательного органа при главкоме, важны были для обоснования распространения власти главкома на казачьи области. А еще – для придания этой власти более гражданского и общероссийского облика.

Совет при главкоме и Правительства юга России провели 54 заседания (в среднем – дважды в неделю). На них, как правило, рассматривались и утверждались внесенные начальниками управлений штаты учреждений, ходатайства об отпуске кредитов и проекты казенных внешнеторговых договоров. Вел их помощник главкома генерал П.Н. Шатилов, а с июня – прибывший из Парижа Кривошеин, назначенный помощником главкома по гражданской части. Сам Врангель председательствовал всего несколько раз: когда нужно было одобрить проект особенно важного закона или дать общие принципиальные указания начальникам управлений.

Текущие вопросы часто решались простым согласованием между Врангелем и Кривошеиным. А самые серьезные, политические, обсуждались на совещаниях у Врангеля, в которых принимали участие Шатилов, несколько старших начальников армии и флота, Кривошеин, а также специально приглашенные лица, сведущие в этих вопросах. Решения как этих совещаний, так и правительства обретали силу закона приказами «правителя и главнокомандующего».

Через свой штаб Врангель не только командовал вооруженными силами, но и управлял теми гражданскими ведомствами, которые отчасти занимались снабжением и обслуживанием армии и флота. Начальник штаба главкома генерал Махров обнаружил изрядную левизну взглядов. И 6 июня Врангель заменил его Шатиловым: они были в приятельских отношениях, и в 1919 г. тот служил начальником его штаба в Кавказской и Добровольческой армиях.

Штаб главкома состоял из 1-го и 2-го генерал-квартирмейстерств. В 1-е, возглавляемое генералом Г.И. Коноваловым, входили отделы общих, оперативный, организационный, разведывательный, агентурный, связи, а также управления генерал-инспекторов пехоты, кавалерии, артиллерии и авиации. Эти управления помимо прочего ведали артиллерийским и инженерно-техническим снабжением подведомственных родов войск. Во 2-е, возглавляемое генералом А.П. Архангельским, входили отделы общих, политический (ведал агитацией и пропагандой на фронте, в тылу и на территории «Совдепии»), иностранных сношений, военно-цензурный, особый (контрразведка) и управление дежурного генерала.

Комплектованием, снабжением и тыловым обеспечением Русской армии и Черноморского флота занимались Военное управление (начальник – генерал В.Е. Вязьмитинов), Морское управление (начальник – адмирал А.М. Герасимов, командующий Черноморским флотом), Управление снабжений, Главное интендантство, Главное военно-инженерное управление, Главное военно-санитарное управление и Управление начальника военных сообщений, ведавшее транспортом и средствами связи.

* * *

«Упрощение административного аппарата» скоро обернулось быстрым возвращением к старой системе центральных управлений.

Среди хозяйственных ключевое место осталось за Управлением финансов. Оно занималось своим прежним делом: эмиссией, пополнением бюджета, регулированием денежного обращения, стабилизацией курса рубля. В него входили отделы: кредитный, акцизно-монопольный, счетно-казначейский, таможенных сборов. Кредитному отделу подчинялись местные отделения Госбанка, через которые проходило финансирование из бюджета государственных учреждений, армии и флота. Акцизно-монопольный ведал сборами косвенных налогов и фискальными монополиями, разрабатывал проекты по их введению. Отделу таможенных сборов, ведавшему сбором таможенных пошлин, подчинялись тринадцать таможенных застав в портах Крыма и Северной Таврии.

Управление снабжений до июня представляло собой конгломерат мало связанных друг с другом гражданских и военных отделов и управлений. В него входили, с одной стороны, Артиллерийское, Интендантское и Ветеринарное управления, Инженерно-технический отдел, Отделение ремонта (пополнения конского состава), с другой – отделы торговли, промышленности, продовольствия, горный и топлива, торговых портов и мореплавания. Все это громоздкое сооружение, части которого были вдобавок разбросаны по всему Севастополю, объединялось лишь сверху – властью начальника управления. Дабы расширить возможности генерала Вильчевского в плане привлечения частных фирм к поставкам на армию, ему в помощники по гражданской части был назначен инженер С.С. Демосфе-

нов. Однако этот предприниматель-хлеботорговец, приобретший на Белом юге скандальную известность, вскоре был снят за участие в грандиозных спекулятивных махинациях².

Кривошеин, стремясь избавиться предпринимательскую деятельность от вмешательства военных, добился от Врангеля выделения из Управления снабжений тех отделов, которые прежде входили в ведомство торговли и промышленности, в самостоятельное управление. И 15 июня было воссоздано Управление торговли и промышленности в составе тех же отделов: торговли, промышленности, продовольствия, горного и топлива, торговых портов и мореплавания.

Отдел горный и топлива занимался и организацией добычи топлива в Крыму, и закупкой горюче-смазочных материалов на внешнем рынке. Отдел промышленности вел учет предприятий и должен был способствовать восстановлению производства путем кредитования. Отдел продовольствия производил через конторы своих уездных и городских уполномоченных по продовольствию (уполпродов) закупки хлеба, скота и продуктов.

Почти половина чиновников управления работали в Отделе торговли, занимавшем в нем центральное место. Входящее в него Отделение внутренней торговли, на которое была возложена задача разработки и координации мер по борьбе со спекуляцией, состояло из одного лишь начальника, который только тем и занимался, что безучастно регистрировал стремительный рост цен на рынках. Зато бурную деятельность, как и в 1919 г., развило многолюдное Отделение внешней торговли, дававшее заключения на ходатайства о вывозе сырья и составлявшее договора с экспортёрами. Все отделы управления имели своих уполномоченных губернского, уездного и городского ранга, руководивших конторами, а само управление – представительства (Торговые агентства) в некоторых крупных иностранных портах. Численность чиновников местного и заграничного аппаратов превышала численность их в центральном аппарате ведомства.

Управление государственного контролера (Государственный контроль) осуществляло контроль за финансовой деятельностью ведомств, то есть расходами отпускаемых им бюджетных средств. До июня должность Государственного контролера занимал А.А. Васильев, затем был назначен прибывший из Парижа Н.В. Савич. Работа этого управления в значительной степени была бесполезной, поскольку расходы проверялись по факту и ведомства часто присылали отчетность с большим опозданием, да еще не прикладывая необходимых документов. Когда же контроль не утверждал присланные ему проекты, поскольку они требовали больших затрат, начальники ведомств часто игнорировали его мнение и получали все необходимые разрешения у Кривошеина и Врангеля в обход Госконтроля³.

Отдел путей сообщения при расформировании Хозяйственного управления был сначала передан в Гражданское управление, а затем выделен в самостоятельное управление, которому были подчинены Южные железные дороги и строительство железной дороги Джанкой – Перекоп. Но уже

через несколько дней управление было упразднено, и Отдел путей сообщения передан в Управление начальника военных сообщений, в результате чего железные дороги попали в полное распоряжение штаба главкома. В октябре в связи с усилением разрухи на транспорте Врангель восстановил Управление путей сообщения, пригласив на должность его начальника инженера Э.Б. Кригер-Войновского, бывшего управляющего Владикавказской железной дороги, уже живущего за границей. Однако очередная реорганизация никакого результата дать не успела.

Наконец, 27 апреля по указанию Врангеля Совет при главкоме выделил Отдел юстиции из Гражданского управления и преобразовал его в Управление юстиции. В качестве местных учреждений ему подчинялись Харьковская судебная палата, организованная в 1919 г. для Харьковской области и обосновавшаяся теперь в Крыму, и Симферопольский окружной суд. За этой реорганизацией несомненно стояло желание главкома отделить гражданское правосудие от ведомства внутренних дел (политического и уголовного розыска) и тем придать ему хотя бы видимость независимости. Начальником Управления был назначен сенатор Н.Н. Таганцев, который по решению Совета при главкоме был наделен «правами министра юстиции», то есть одновременно являлся и генерал-прокурором.

В большинстве же реорганизаций центрального государственного аппарата, перетасовках отраслевых отделов между управлениями логики и смысла было немного. Прежде всего в них проявились заинтересованность Кривошеина и начальников управлений, их представления о своих задачах и путях их решения и, наконец, их возможность влиять на главкома. Общим итогом всех реорганизаций было одно – разбухание штатов.

В центральном аппарате работали не менее 5 тыс. чиновников, и на его содержание с апреля по ноябрь было потрачено 10–12 млрд руб.⁴

Центральный аппарат, сосредоточенный в Севастополе, этой, по выражению Михайловского, «новой “передвижной столице” антибольшевистской России», был воздвигнут Кривошеиным над губернским аппаратом, который находился в Симферополе. Аппарат Таврической губернии, управлявший ею, сохранился в дореволюционном виде и насчитывал также около 5 тыс. чиновников. И поскольку деятельность центральных управлений не выходила за пределы этой губернии, работа их состояла в переписке с подчиненными губернскими учреждениями.

* * *

Как и при Деникине, при Врангеле военное ведомство упорно подминало под себя все гражданские.

Окружавшие Врангеля генералы – Шатилов, Коновалов, Архангельский, Вязьмитинов, В.П. Никольский и другие, – слабо разбирались в экономике и «внутренних делах». Однако считали себя выше начальников гражданских управлений и полагали возможным вмешиваться не только в решение об-

щего государственных вопросов, но и в конкретные дела хозяйственных ведомств. Кривошеин использовал весь свой авторитет, чтобы противостоять такому бесцеремонному вмешательству, однако удавалось это не всегда. И генералы со свойственными военным натиском и скоропалительностью часто навязывали начальникам центральных управлений свои решения или просто отдавали тем приказы.

Не находя в себе твердости противостоять им, но неся ответственность за последствия выполнения некомпетентных, а то и невежественных решений и приказов генералов, высшие гражданские чиновники оказывались перед выбором: или выполнять их во вред делу, или саботировать с риском для служебного положения. И все заканчивалось в лучшем случае курьезом, а в худшем – впустую растраченными деньгами и иным ущербом.

В свою очередь местные военные власти – начальники гарнизонов и коменданты – совершенно не считались с законными требованиями гражданских ведомств. И еще грубее вмешивались в деятельность губернских и уездных учреждений и органов городского и земского самоуправления, разворачивая ее, часто под угрозой применения силы, в направлении «удовлетворения нужд фронта». Командиры частей и коменданты не раз отбирали дрова у железных дорог, государственных учреждений и городских управ. Случалось, и запасные пути разбирали, чтобы распилить шпалы на дрова. Технические части для пополнения своих парков или забирали материалы, оборудование и инструменты частных заводов и мастерских, или превращали их в собственные ремонтные базы. В том и в другом случае они совершенно игнорировали как протесты владельцев, так и увещевания местных органов Отдела промышленности.

Канцелярии глав ведомств были завалены жалобами своих чиновников с мест на грубый произвол военных. Но попытки центральных гражданских управлений пресечь эту порочную практику, которая вела в том числе и к дезорганизации местного аппарата гражданского управления, успеха не имели. Ибо вмешательство военных в работу местных государственных учреждений и органов городского и земского самоуправления, а также полное игнорирование их законных требований и протестов питалось как действительными нуждами армии, так и враждебностью фронтового офицерства к «тыловым» и «статским». Осенью 1920 г., когда неверие в победный исход всей кампании распространялось все шире, эта враждебность нарастала.

* * *

Врангель, по наблюдению Оболенского, «по основным чертам психологии все-таки оставался ротмистром» гвардейской кавалерии, а потому пребывал в непоколебимом убеждении: аппарат управления можно упростить и устроить на манер полевого штаба – стоит только приказать.

За апрель–май он отдал приказы о расформировании более пятисот тыловых военных и гражданских учреждений, намереваясь сократить рас-

ходы, вернуть на фронт тысячи «откомандированных» и пополнить части «новобранцами». Однако эта кавалерийская атака на бюрократию и «шкурничество» успеха не имела. Ибо офицеры, отправленные из упраздненных тыловых учреждений на фронт, не веря в победу и не желая рисковать жизнью, добивались откомандирования в другие, вновь создаваемые тыловые учреждения и в итоге все-таки возвращались в тыл. Чиновники также перекомандировывали из упраздненных учреждений во вновь открывавшиеся. Сделать это было не так трудно, поскольку новые учреждения являлись продолжением старых – под новой вывеской, но под руководством тех же начальников.

В апреле Врангель распорядился сократить штаты учреждений и отправить на фронт весь боеспособный элемент. Совет при главкоме сразу же организовал междуведомственную комиссию по пересмотру штатов «с целью их возможного сокращения», которую возглавил Шатилов. В течение апреля–июня Совет утвердил разработанные комиссией штаты всех центральных управлений. Однако число «ртов», на довольствие которых учреждения подавали требования, уменьшилось незначительно.

В начале июля главком прислал с фронта телеграмму Кривошеину, в которой выговорил «премьеру»: сокращение штатов учреждений и отправка на фронт всего боеспособного «не проводится с должной энергией». И потребовал, чтобы Госконтроль учредил комиссию по проверке штатов, а заодно проверил правильность требований войсковых частей и учреждений на все виды довольствия с целью упразднить «что не нужно» и «сократить количество ртов». И эта мера к уменьшению «тыловой армии» чиновников не привела.

Главы ведомств и руководители учреждений стремились не сокращать, а расширять подчиненные им аппараты, поскольку это увеличивало бюджетное финансирование и делало службу «доходнее». Поэтому вместо упраздненных скоро возникали новые учреждения, множилось число управлений, отделов и канцелярий. И, по сути, весь процесс упразднения и сокращения учреждений свелся к «калейдоскопической перемене фамилий и вывесок, а зачастую даже только последних».

Разбуханию аппарата способствовал и стиль работы Кривошеина, который по психологии своей, по наблюдению того же Оболенского, как был, так и остался «тайным советником и министром большой самодержавной России». Для решения всех накопившихся и возникающих проблем он видел одно универсальное, чисто бюрократическое средство: реорганизация старых учреждений и создание новых. С другой стороны, он, как и многие главы ведомств, стремился решать все вопросы «во всероссийском масштабе» – «выковать» в Таврии «прообраз будущей России». Поэтому и происходили постоянные перестройки, переподчинения, слияния и разделения. Отсутствие скорого эффекта от одной реорганизации порождало другую. Все это в итоге и вело к росту штатов. Результатом стал выстроенный руками опытных бюрократов крайне дорогой и «показной фасад государственности», который только прикрыл прогрессирующий развал тыла.

* * *

Каждое ведомство отстаивало сохранение за собой наиболее «доходных» сфер и дел, стремилось добиться увеличения собственного финансирования за счет других, выставить свою деятельность как самую нужную и единственно правильную. И вместе с тем – опорочить «конкурентов», отеснить их, спихнуть на них наиболее сложные вопросы.

Управление торговли и промышленности и Управление финансов прочно увязли в противоборстве по поводу регулирования экспортно-импортных операций и контроля за деятельностью частных банков. А Управление торговли и промышленности и Главное интендантство жестко конкурировали между собой за бюджетные деньги, отпускавшие на закупку хлеба и т.д.

В результате такого противоборства законодательные предположения ведомств, вносившиеся в Совет при главкоме и Правительство юга России, противоречили друг другу. Распоряжения, отдававшиеся управлениями и их отделами своим местным учреждениям, часто противоречили не только распоряжениям других ведомств, но и другим отделам того же управления.

Между учреждениями различных ведомств, которым приходилось взаимодействовать при решении одного вопроса, шла бесконечная переписка о «согласовании», в ходе которой каждый стремился оградить свои интересы и спихнуть на другого самую тяжелую и «недоходную» работу. Шли многочисленные выяснения, уточнения и переделки распорядительных документов, в ходе которых учреждения, как выразился один чиновник, «запутывались в формальностях», а дело тем временем стояло.

Руководители учреждений в конкурентной борьбе за бюджетные деньги и «доходные» сферы управления нередко превышали свою власть, хохорились друг перед другом. Когда же сталкивались с очень серьезными или «недоходными» вопросами – кивали на других, стремились спихнуть им дела, проявляли полное бездействие.

Старая бюрократическая практика создания междуведомственных комиссий для выработки согласованных решений, к которой по своей петербургской привычке широко прибегал Кривошеин, не меняла ситуацию к лучшему. Начальники часто вообще игнорировали заседания комиссий, отчего работа их затягивалась, а решения не выполнялись.

* * *

В государственном аппарате врангелевской Таврии служили примерно 10–12 тыс. чиновников. Члены их семей насчитывали 20–25 тыс.

Месячное жалованье чиновников XVI–VII–IV классов составляло в мае 7 000–16 000–27 000 руб. и вместе со всеми прибавками покрывало от 5 до 25 % семейного прожиточного минимума. В сентябре оклады были

удвоены, но уже за октябрь инфляция «съела» прибавку, и жалование стало покрывать всего 5–10 % прожиточного минимума. Положение чиновничьих семей усугублялось еще и тем, что за зиму и весну, голодая, многие продали последнее «лишнее» имущество и этот источник повышения реальных доходов иссяк.

Поэтому чиновникам, испытывавшим непосильную нужду, ничего не оставалось, как брать и вымогать взятки, присваивать казенные суммы. Почти все уже на занимаемую должность смотрели исключительно как на источник доходов⁵.

Князь Оболенский вспоминал о своем житье-бытье в Симферополе в 1920 г.: «Мне лично и моей семье, жившей на мое «огромное» по сравнению с другими жалование, приходилось отказывать себе в самых основных потребностях жизни сколько-нибудь культурного человека: занимали мы маленькую сырую квартиру на заднем дворе, о прислуге, конечно, и не мечтали, вместо чая пили настой из нами собранных в горах трав, сахара и масла мы не потребляли совсем, мясо ели не больше раза в неделю. Словом, жили так, чтобы только не голодать. Одежда и обувь изнашивались, и подновлять их не было никакой возможности, ибо стоимость пары ботинок почти равнялась месячному окладу моего содержания.

Так жили люди, не воровавшие, не бравшие взятку, но получавшие максимальные оклады. А как же жилось тем, кто получал в два, три и четыре раза меньше меня! Честные – в буквальном смысле слова голодали».

Склонный к широким обобщениям, он заметил: «Конечно, голод не поощряет человека держаться на стезе добродетели, и люди, которые когда-то были честными, постепенно начинали, в лучшем случае, заниматься спекуляцией, а в худшем – воровать и брать взятки... В России, где честность никогда не являлась основной добродетелью, во время Гражданской войны в тылу белых войск бесчестность стала бытовым явлением»⁶.

На казнокрадство и взяточничество чиновников подталкивало и тягостное ощущение недолговечности своего «правлящего» положения. О «малиновом звоне московских сорока сороков» больше не мечталось, положением на фронте уже не интересовались, газеты, полные победных сводок, читать перестали, ибо в победу армии Врангеля не верили. И в этом неверии были единодушны. Мнения расходились лишь относительно сроков занятия Крыма красными.

То и дело издававшиеся приказы Врангеля грозили взяточникам и казнокрадам, «подрывающим устои разрушенной русской государственности», каторгой и смертной казнью, введенной в октябре. Официозные газеты то и дело взывали к патриотическим чувствам чиновников: «Брать сейчас взятку – значит торговать Россией!» Все это подкреплялось морализаторством иных журналистов по поводу того, что «ничтожное жалование, дороговизна, семьи – все это не оправдание» для мздоимства⁷. Однако «торговцы Россией» в чиновничьих мундирах ни угроз не испугались, ни «гласа вопиющего» не услышали. Тем не менее приказы главкома и газетные

статьи создавали благоприятное для правительства впечатление, что при Врангеле ведется «более упорная борьба со всякого рода злоупотреблениями, взятками и т.п.», чем при Деникине.

Переписка между учреждениями превратилась в механическую канцелярскую работу «вне времени и пространства», в создание видимости деятельности. При этом традиционный для России бюрократический педантизм в бумаготворчестве несколько не ослаб, а, напротив, усилился, причудливо сочетаясь с попранием каких угодно законов.

Резко упала служебная дисциплина чиновников. Опоздания на работу и бездельничанье приняли настолько массовый характер, что даже формальный документооборот зачастую оказывался разрушенным. Если, конечно, он не запутывался намеренно: с целью скрыть следы должностных преступлений. Чиновники в основном «пили чай и курили». Обычное высокомерие и равнодушие к просителям и жалобщикам из мещан и «простонародья» превратились в презрение и грубость.

Результатом всего этого стала необычайная волокита. Она останавливала все дела и превратилось в орудие вымогательства: всякое дело, грустно пошутила газета «Великая Россия», отстаивается «точно баржа, путешествующая по шлюзам», пока взятка не открывает эти «шлюзы».

«Крымский вестник» так живописал выполнение гражданскими ведомствами приказов правителя: «Бумажная машина совершила положенный ей круг, поставила точку и подвела итог: исполнено. Но в жизни остались лишь груды исписанной бумаги с номерами и подписями». И тут же приходил к неутешительному выводу: «Волокита организовала у нас свое государство в государстве, и до тех пор, пока не будут привлечены другие люди, до тех пор и обыватель, и общество, и государство будут изнывать под ярмом изнурительной и очень дорого населению стоящей всесильной волокиты».

На пятом месяце своего диктаторства Врангель обреченно констатировал в приказе: «Канцелярская волокита и междуведомственные трения сводят на нет все мои начинания»⁸.

Наставить чиновную братию на «честное и самоотверженное служение нуждам армии не за страх, а за совесть» обязан был Сенат. Однако сенаторы, люди пожилые и правых убеждений, полагали, вероятно, что и так достаточно потрудились, когда в проталкивали Врангеля на место главкома ВСЮР и придали его власти полную легитимность, а потому продолжали бездельничать в Ялте, получая вполне приличное содержание. Да и сам Врангель серьезные ревизии в разных ведомствах доверял не сенаторам, а своим генералам для поручений. Сенаторские же ревизии вообще перестали проводиться.

Но по мере того как все больше процветали волокита, казнокрадство и взяточничество, крымская печать все чаще критиковала и изобличала высокопоставленных чиновников и целые учреждения в «преступных действиях» и неисполнении приказов правителя. И чем правее были взгляды издателя и редактора, тем патристичнее был тон статей и тем резче были

критика и изобличения. А у цензоров рука не поднималась снять статьи, в которых указывалось, что «долг честных русских людей» – «вырывать язвы» взяточничества, волокиты, произвола и т.д. и тем помогать правителю в его трудном деле.

Врангель и Кривошеин подобные публикации воспринимали очень болезненно. Жалобы на волокиту и вымогательство чиновников шли к ним со всех сторон, а надежды на бездействующий Сенат не было никакой. Поэтому 12 сентября Врангель учредил Высшую комиссию правительственного надзора в составе начальников военного и гражданского судебных ведомств и нескольких ревизирующих сенаторов. Возглавляемая престарелым генералом Э.В. Экком, она должна была рассматривать жалобы и заявления об «особо важных преступных деяниях по службе» и «серьезных беспорядках в отдельных отраслях управления».

28 сентября Врангель объявил об учреждении этой комиссии и заверил: «Каждый обыватель имеет право внести жалобу на любого представителя власти с полной уверенностью, что жалоба дойдет до меня и не останется нерассмотренной». И далее с прямотой, не часто ему свойственной, сформулировал свой взгляд на критику государственной власти со стороны обывателей и прессы: «Этим путем и надлежит пользоваться честным людям, желающим действительно помочь общему делу. Огульную критику в печати, а равно тенденциозный подбор отдельных проступков того или другого агента власти объясняю не стремлением мне помочь, а желанием дискредитировать власть в глазах населения, и за такие статьи буду взыскивать как с цензоров, пропустивших их, так и с редакторов газет».

Высшая комиссия правительственного надзора формально свела на нет смысл существования Сената. По сути же – стала могилой для жалоб на злоупотребления чиновников⁹.

В целом эффективность работы чиновников Белого юга в 1920 г. была ниже, чем в 1919-м. Чувство долга, годом раньше еще питавшееся расчетами на чины, награды и продвижение по службе «после Москвы», быстро сходило на нет. Главным мотивом занятия должности стало использование служебного положения в корыстных целях, и с каждым новым днем этот мотив усиливали ощущение непрочности положения и катастрофический рост цен. Только для кого-то корысть сводилась к желанию спасти себя и свои семьи от голода, а для кого-то – к «благоприобретению» капитала для безбедной жизни за границей после неминуемого падения Крыма.

* * *

Для «ограждения населения от насилий» Врангель в середине апреля учредил должности военных комендантов селений. Назначаемые, как правило, из офицеров, они фактически вставали во главе сельской администрации. И уже месяц спустя главком констатировал в своем приказе: коменданты «сами нарушают порядок».

В Северной Таврии уездная, волостная и сельская администрация после краткого советского правления была совершенно парализована. Едва восстановившись в прежнем виде после прихода Русской армии, она оказалась подмятой под себя военными комендантами и начальниками войсковых частей, проходящих через населенный пункт или стоящих в нем. Их самоуправству она совершенно не могла противостоять.

В мае для восстановления местной администрации и налаживания ее работы Совет при главкоме одобрил проект создания при командирах корпусов должности заместителя по гражданской части. Этот проект предложил и горячо отстаивал Слещов, убежденный в том, что иначе не освободить командиров от гражданских дел, а местные власти – от пагубного вмешательства военных в их деятельность. Согласно утвержденному главкомом 11 мая Положению о начальниках гражданской части при командирах корпусов, «начграчи», как их стали именовать, наделялись правами губернатора и подчинялись начальнику Гражданского управления. В состав гражданских частей вводились представители всех гражданских ведомств. Их главной задачей было формирование местного административного аппарата на только что занятой войсками территории (управлений начальников уездов, городской и сельской стражи), чтобы как можно скорее передавать ее под управление гражданских ведомств и тем положить предел произволу военного начальства, которое рассматривало ближайший тыл как свою вотчину.

Однако уже в середине июля гражданские части были расформированы, ибо создавали «двойственность властей», проще говоря – вносили путаницу в управление. А главное – вызывали сильнейшее недовольство военачальников, поскольку пытались упорядочить реквизиции, препятствовали «самоснабжению» войск.

Чтобы пресечь практику «самоснабжения», поднять в войсках дисциплину и тем переломить враждебное отношение крестьян к армии, Врангель в мае приказал образовать военно-судные комиссии при начальниках гарнизонов, штабах корпусов, дивизий и отдельных бригад. В их компетенцию входило расследование и вынесение приговоров по делам о грабежах, разбоях и самовольных реквизициях, совершаемых чинами армии. А в июле были образованы уездные военно-судные комиссии.

Учреждение их сразу породило неразбериху в судебном ведомстве: пока дела лежали без движения, между Военной прокуратурой, Управлением юстиции, окружной судебной палатой и окружным судом шли бесконечные споры о том, кто должен их рассматривать, поскольку все старались спихнуть их вновь образованным комиссиям. Но военно-судные комиссии, которые крестьяне Таврии осаждали с жалобами на грабежи, оказались совершенно недееспособны. Прежде всего потому, что состояли не из опытных юристов, а из бывших строевых офицеров, которые не желали «цацкаться с мужиком» и строго наказывать своих однополчан. К тому же командиры частей всячески третировали комиссии, не отвечая на их запросы и укрывая привлеченных к ответственности офицеров, каза-

ков и солдат. Наконец, большинство осужденных были помилованы самим же Врангелем ввиду их «боевых заслуг».

К осени военно-судные комиссии превратились либо в бюрократические учреждения, безуспешно «штурмующие» штабы и командование с целью вытребовать на допрос обвиняемых, либо в хозяйственные органы, которые расплачивались с крестьянами за уведённых лошадей, отобранный хлеб и прочее имущество, и на этой почве сами погрязли в вымогательстве и казнокрадстве¹⁰.

И несмотря на все грозные приказы Врангеля, тыловая жизнь таврического села шла своим чередом. «Надзиратели, стражники пьянствуют, дебоширят, бьют морду крестьянам, берут взятки, обещая за это освобождение от мобилизации и освобождение от ареста, — писал полковник С.К. Бородин в рапорте командиру Донского корпуса генералу Абрамову. — Под арест же сажаются крестьяне не только без достаточных к тому поводов, но и с целью вымогательств. Пристава смотрят сквозь пальцы на преступные деяния низших органов административной власти, сами участвуя и в их попойках, и в сокрытии преступлений. Пристава, надзиратели, стражники, волостные старшины и старосты бездействуют и пристрастно относятся к зажиточным крестьянам, от которых можно кое-что получить «детискама на молочишко». Это вызывает у крестьян в лучшем случае безразличие, в худшем — ярко враждебное отношение вообще к власти генерала Врангеля»¹¹. Вдобавок, избивая крестьян шомполами за неповиновение, надзиратели и стражники ссылались на «секретные приказы Врангеля», чем возбуждали еще большую враждебность к диктатору и его властям¹².

Такой дорогостоящий, но при этом погрязший в мздоимстве и волоките госаппарат в принципе не был способен ни эффективно проводить задуманные Врангелем и Кривошеиным реформы, ни вызвать у населения Таврии доверие к диктаторской власти нового главкома.

Примечания

¹ Оболенский В. Крым при Врангеле. М.; Л., 1928. С. 7; Михайловский Г.Н. Записки: Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920 гг. Кн. 2. М., 1993. С. 534–535.

² ГА РФ. Ф. 356. Оп. 1. Д. 3. Л. 70; Д. 5. Л. 9–10; Врангель П.Н. Записки. Ч. 2 // Белое дело. Кн. VI. Берлин, 1928. С. 20.

³ ГА РФ. Ф. 356. Оп. 1. Д. 22. Л. 13.

⁴ РГВА. Ф. 109. Оп. 3. Д. 279. Л. 12; Д. 296. Д. 9; Оболенский В. Указ. соч. С. 36.

⁵ РГВА. Ф. 109. Оп. 3. Д. 291. Л. 9об.; Вечернее слово. 1920. 7 июля.

⁶ Оболенский В. Указ. соч. С. 63–64.

⁷ РГВА. Ф. 109. Оп. 3. Д. 296. Л. 16об.–17; Заря России. 1920. 26 сент.

⁸ Великая Россия. 1920. 13 авг.

⁹ РГВА. Ф. 101. Оп. 1. Д. 177. Л. 275; Ф. 109. Оп. 3. Д. 296. Л. 7.

¹⁰ Калинин И. Под знаменем Врангеля. Л., 1925. С. 7, 96–101.

¹¹ Раковский Г. Конец белых: От Днепра до Босфора (Вырождение, агония и ликвидация). Прага, 1921. С. 84–85.

¹² Крестьянский путь. 1920. 2 сент.

КРОВАВАЯ ПАСХА: ДЕЛО КАЗАКА СЕНИНА

Следственное дело на Александра Степановича Сенина, № 104413, хранится в архиве Управления ФСБ по Ростовской области. Состоит оно из 6-ти томов, в которые подшито огромное количество протоколов допросов, актов, справок и т.д.

В основе своей дело это — о событиях 1930 г., когда Дон уже основательно был разорен коллективизацией. Судя по документам, в это время на севере области была предпринята попытка создать «контрреволюционную» организацию, чтобы весной того же года поднять восстание против Советской власти. Попытка эта с самого начала была обречена на неудачу, ибо к тому времени уже многие тысячи казаков были выселены с Дона, а для оставшихся наступила эпоха великого голода.

В начале лета 1930 г. по этому делу были арестованы более 60-ти человек. 13 ноября руководитель этой организации, донской казак Александр Степанович Сенин был приговорен к расстрелу «за создание контрреволюционной организации, ставившей своей главной целью свержение Советской власти».

Так записано в протоколе заседания коллегии ОГПУ.

Приговор обвиняемому удивления не вызывает: иного тогда и ожидать было невозможно. Удивляет другое: как Сенину вообще удалось дожить до 1930 г., каким непостижимым образом ему удалось скрыть свое участие в казни подхорунжего Ф.Г. Подтелкова, председателя Совнаркома Донской советской республики, и его товарищей 28 апреля (11 мая по новому стилю) 1918 г.?! Ведь это никак не могло быть ему прощено сразу после Гражданской войны, когда карательные органы проводили поголовную проверку казачьего населения!

Водоворот революции поставил донского казака Александра Степановича Сенина у самого начала раскола Дона. Ведь то, что произошло в хуторе Пономареве в пасхальные дни 1918 г., было одним из первых судилищ своих над своими. Казаки судили казаков. После этой казни были отпущены все тормоза, и началась братоубийственная бойня.

Кто же он — Александр Степанович Сенин? К сожалению, в следственном деле отсутствует его фотография. В абсолютном большинстве дел нет изображений уничтоженных людей, но биографические данные представлены довольно подробно.

Александр Степанович Сенин, казак станицы Боковской, родился в июне 1891 г. В 1909 г. поступил в Усть-Медведицкое училище, которое закончил в 1910 г. В своих показаниях он пишет, что в том же году поступил в Новочеркасский политехнический институт, где проучился до 1914 г. То есть у него было по тем временам довольно приличное образование,

которое к тому же позволило ему, простому казаку, получить чин хорунжего.

Тут подоспела и мировая война, на которой он к 1917 г. дослужился до чина подъесаула. Воевал храбро. Об этом говорят полученные ордена: три ордена Св. Анны и два ордена Св. Станислава.

В декабре 1917 г. он по болезни приехал домой. А так как донские казачьи части уже возвращались с фронта домой и самораспускались, то в армию не вернулся. Типичная история многих тысяч казаков, не желавших воевать ни с немцами, ни с новой, большевистской, властью.

Но в переломные моменты истории трудно остаться в стороне. В 1918 г. это было сделать, наверное, еще труднее: именно тогда события на Дону начали развиваться настолько стремительно, что многие его участники стали жертвами этого бешеного и страшного потока.

События конца зимы–весны 1918 г. на Дону, от самоубийства войскового атамана А.М. Каледина до гибели преддонсовнаркома Подтелкова. Всего три месяца – миг для истории. Но сколько же трагических событий вместил этот миг...

Меньше, чем через две недели после самоубийства Каледина, 24 и 25 февраля (по новому стилю), красные взяли сначала Ростов, а затем и Новочеркасск. Атамана А.М. Назарова, который сменил Каледина, расстреляли.

23 марта декретом Донского областного Военно-революционного комитета была провозглашена Донская Советская республика.

В самом конце марта грабежи и насилия Тираспольского отряда 2-й Социалистической армии привели к восстанию десятков хуторов и станиц, все закончилось гибелью отряда. Антибольшевистское движение на Дону получило в результате мощную поддержку.

Но, тем не менее, 9 апреля в Ростове открылся 1-й съезд Советов рабочих и казачьих депутатов Донской советской республики. Председателем Совнаркома и народным комиссаром по военным делам был избран Федор Подтелков, возглавлявший Донской ВРК.

Почти в те же дни, после неудачи штурма Екатеринодара и гибели генерала Л.Г. Корнилова, обратно на Дон двинулась Добровольческая армия.

В конце апреля, нарушив условия Брестского мира, на территорию Донской области вошли немецкие войска. 8 мая они захватили Ростов.

А неделей раньше, 1 мая, для мобилизации в Красную армию казаков с целью борьбы против белоказаков и немцев, на Верхний Дон, в северные округа области, из Ростова выехала комиссия Донсовнаркома с отрядом в 120 человек. Во главе экспедиции стоял Подтелков. В состав ее входил и прапорщик М.В. Кривошлыков, бывший секретарь Донского ВРК, а теперь член Чрезвычайного штаба обороны Донсовреспублики.

А что же Александр Сенин? Где был он в это время?

По его собственному рассказу, до апреля 1918 г. он находился дома, занимался хлебопашеством. А затем, когда запыхал Верхний Дон, был мобилизован в белую Донскую армию, которая только-только начала форми-

роваться, – и теперь судьба вела его к трагической встрече с отрядом Подтелкова, который все дальше и дальше уходил от Ростова.

Вообще, поход этого отряда на север Дона был сплошным безумием. На что надеялся Подтелков, понять нельзя. Возможно, поскольку он был родом из станицы Усть-Хоперской, он надеялся на свой авторитет и дружеские связи на родине. Кто знает... Но так или иначе, в пасхальные дни 1918 г. пути Подтелкова и Сенина пересеклись.

Среди документов дела № 104413 – несколько листов, где карандашом записан рассказ Сенина о том, как совершался суд над подтелковцами, как их казнили. Судя по всему, запись сделана самим Сениным. Ценность этого документа необычайна: это подлинное свидетельство одного из главных участников трагедии.

В романе М. Шолохова «Тихий Дон» подробно описано все, что произошло в хуторе Пономарева. В основу легли не только рассказы очевидцев, с которыми встречался писатель, но и протоколы казачьего суда. И до сих пор не известно, как они попали в его руки.

Вот как рассказывает о суде Сенин:

«...Вечером состоялись выборы членов суда от каждой части, причем так, чтобы от каждого хутора было не меньше одного представителя или двух...

...Суд состоялся ночью. Судили заочно. Из членов суда был выдвинут президиум. Председателем суда был есаул Попов Василий Степанович. Члены: сотник Попов Афанасий Степанович, второй, кажется, Кумов Иван Яковлевич, но точно не знаю. Секретарем был выбран я. Но фактически должность секретаря исполнял Попов. Он составлял и писал своей рукой приговор, а нам все дал подписать им составленное.

Перед тем как вынести приговор, сотник Попов Афанасий Степанович выступил с длинной громкой речью, всячески обвиняя подсудимых. Эта его речь и сыграла роль в вынесении столь сурового приговора. Было вынесено: из 82 человек, двух, как главных руководителей – Подтелкова и Кривошлыкова – повесить, 79 человек – расстрелять и одного освободить. В этом же приговоре я был назначен начальником караула...»

Эти показания почти буквально совпадают с тем, что написал Шолохов. Но есть одно-единственное несовпадение. Писатель назвал секретарем суда Попова, а не избранного на эту должность Сенина. Карандашная запись Сенина подтверждает фактическую правоту Шолохова. Ведь Александр Степанович явно уклонился от порученных ему обязанностей.

Но как – через столько лет – представить атмосферу того суда и поведение людей, его вершивших? Одним из тех, кто казнил, был Спиридонов, однобатареец Подтелкова, бок о бок воевавший с ним несколько лет. Сама казнь пришлось на субботу Светлой седмицы. В России традиционно в этот всех «праздников праздник» казни не производились, напротив – император даровал амнистию заключенным. Для православных, какими были казаки, убийство на Светлой седмице должно было казаться святотатством. По

некоторым свидетельствам, узнавшие об аресте Подтелкова казаки спешили в хутор Пономарев, боясь, что «подтелковцы» и «спиридоновцы» разобьют, по случаю примирения ради Светлого праздника, весь самогон.

Но примирения быть уже не могло, и 28 апреля (11 мая) 1918 г. произошло братоубийство.

О самой казни и Шолохов, и Сенин говорят практически одно и то же. За исключением одной, но очень яркой детали, знать о которой мог только непосредственный участник. Вот что написал Сенин о последних минутах жизни Подтелкова:

«...Из всех погибших наиболее стойко и героически себя держал это товарищ Подтелков. Накануне смерти он попросил кое-что сказать. Ему разрешили. Он говорил про революцию, ее значение, что она все же, в конце концов, должна победить, и умирал со словами о революции».

А далее то, о чем не знал, вероятно, Шолохов:

«...Одно было непонятно. Он перед смертью попросил попа к себе. Он попросил благословить его, поцеловал крест, сказав при этом: “Я был верующий человек”».

Как много перемешалось в революцию в людских головах, если могли рядом присутствовать призыв к всеразрушающей революции и вера в Бога!

И еще один впечатляющий момент казни сохранился в памяти Сенина:

«...Когда их вывели, то из присутствующего народа вышел фотограф и попросил у есаула Попова разрешения их снять. Попов разрешил, и фотограф снял».

Каким-то чудом сохранилась и теперь всем известна эта уникальная фотография: Подтелков и Кривошлыков за несколько минут до смерти.

Так завершилась эта кровавая Пасха 1918 г., во многом повлиявшая на последующие трагические события на Дону. Почти ни о ком из участвовавших в том казачьем суде не осталось практически никаких сведений. Но Александр Степанович Сенин через 12 лет попал в сети ОГПУ.

А как он прожил все эти годы?

После суда над подтелковцами воевал в белой Донской армии. Даже командовал полком. Правда, недолго. Переболел тифом. Потом вместе с армией отступал до Новороссийска, где остался и был взят в плен красными. В плену скрыл чин и изменил фамилию на Володин. В Красной армии служил рядовым в 16-й кавдивизии, потом в команде реввоен трибунала той же дивизии. (Интересно, чем он там занимался? Неужели расстреливал?..) Потом попал на должность переписчика, а затем и делопроизводителя.

В 1921 г. Сенин был арестован особым отделом – за то, что скрывал фамилию и чин. Реввоен трибуналом дивизии был приговорен к высшей мере наказания, но этот приговор Верховный Суд отменил по кассации. Сенин получил пять лет, из которых отсидел в Новочеркасской тюрьме только четыре года. Ему удалось скрыть свое участие в суде над подтелковцами и в их казни, иначе бы расстрела ему не миновать. Но как ему это удалось, не покидая Дона, где всем про всех все было известно, – загадка.

После освобождения занимался хлебопашеством, давал уроки ученикам, даже некоторое время работал преподавателем в 7-летней школе станицы Боковской.

А в начале января 1930 г. он ушел в подполье и приступил к созданию «контрреволюционной» организации.

Во время допросов Сенин подробно и ясно изложил свои политические взгляды. Интересны они и сегодня. Вот несколько выдержек из его показаний:

«...Я считаю своим долгом остановиться на политических разногласиях с партией и Советской властью по крестьянскому вопросу. Я не согласен с принудительной коллективизацией крестьянских хозяйств, особенно с перепрыгиванием от артели непосредственно к коммуне, как это имело место в целом ряде случаев при проведении сплошной коллективизации. Я являюсь сторонником развития индивидуального хозяйства, предоставления полной инициативы в хозяйственной деятельности и свободы хлебороба. А отсюда, совершенно естественно, я не согласен с целым рядом практических мероприятий, связанных с проведением сплошной коллективизации. Я не являюсь монархистом, я являюсь сторонником демократического правления государством.

...Вполне понятно, что я не был ни в коей мере согласен с ликвидацией кулака как класса, считая, что кулака нужно ограничить, но ликвидировать кулака как класс не следует, ибо это приведет к абсолютному упадку сельского хозяйства и разорит, в конце концов, хлебороба. По моему мнению, кулак приносил пользу, продавая государству свой хлеб. После ликвидации кулака как класса кулацкое имущество, с моей точки зрения, на тот момент расхищалось, разбазаривалось. В результате оно не могло иметь эффекта в пользу государства».

Под многими мыслями, высказанными этим донским казаком, подписались бы сегодняшние экономисты. Но в 1930 г. Александр Степанович Сенин этими рассуждениями подписал себе смертный приговор.

И последнее. Том 6-й, лист 514-й:

«Выписка из протокола заседания коллегии ОГПУ (судебное) от 13 ноября 1930 года.

Дело № 104413 по обвинению гражданина Сенина Александра Степановича и других по статьям 58/11, 58/2 ст. УК. Дело рассмотрено в порядке постановления Президиума ВЦИК СССР от 9/6-27 г.

Постановили: Сенина Александра Степановича РАССТРЕЛЯТЬ».

Так закончил свою жизнь человек, которому дано было судьбой много и который в другие времена и при других обстоятельствах так же много мог бы сделать для своего Отечества. Но волей той же судьбы он оказался и одним из судей членов экспедиции Подтелкова. Он был и одним из исполнителей приговора. И хотя на допросах он говорил, что сам не стрелял, да ведь – командовал. А палач остается палачом и несет на себе этот тяжкий груз. Недаром те, кто вешал Подтелкова и Кривошлыкова, надели на себя черные мешки, чтобы не было видно их лиц.

Убить врага в бою и казнить его, взятого в плен, – никогда между этими действиями не было знака равенства, их всегда разделяла грань милосердия и великодушия. Русская революция и Гражданская война стерли эту грань.

А.П. Новиков

В.М. ЧЕРНОВ И ЭСЕРОВСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В НАЧАЛЕ 1920-х гг.

В 1920 г., когда ВЧК развернула настоящую охоту на видных деятелей партии социалистов-революционеров, В.М. Чернову пришлось покинуть пределы России. В конце августа он эмигрировал в Эстонию, получив специальное задание ЦК партии: наладить выпуск печатного органа за рубежом и сплотить эсеровскую эмиграцию на основе левоцентристской партийной платформы, разработанной IV съездом ПСР и IX Советом партии.

К тому времени за границей уже находилось значительное количество видных деятелей ПСР, эмигрировавших в 1917–1920 гг. Главным местом, где первоначально сосредоточилась эсеровская эмиграция, стал Париж. Здесь осели многие партийные деятели, бежавшие в основном из Сибири, а позже – с юга России: А.А. Аргунов, Н.Д. Авксентьев, И.И. Бунаков-Фондаминский, М.В. Вишняк, А.И. Гуковский, Е.Ф. Роговский, В.В. Руднев и другие. Весной 1920 г. из Лондона в Париж перебрался А.Ф. Керенский, сплотив вокруг себя главным образом центристские силы эсеровской эмиграции. Были здесь и те, кто поддерживал идейно-политическую платформу, разработанную IX Советом партии: М.Л. Слоним, В.И. Лебедев, Н.А. Лазаревич, Л.В. Россель. И все же в парижской колонии эмигрантов преобладали представители правого крыла партии, которые с IV съезда ПСР (конец 1917 г.) находились, по сути, в оппозиции к руководящим партийным органам и в своих действиях постоянно дистанцировались от них. Вопреки партийным решениям они продолжали выступать за коалицию с кадетами и считали приемлемой иностранную интервенцию в Россию для помощи «антибольшевистскому фронту», не отказывались от тактики «обволакивания», то есть по-прежнему надеялись на возможность демократизации белых правительств «под давлением русской демократии и союзников».

В июле 1920 г. под руководством А.Ф. Керенского – без согласования с ЦК – была сформирована эмигрантская политическая организация Внепартийное объединение¹, состоявшая главным образом из правых и пра-

воцентристских сил эсеровской эмиграции. Ее целью провозглашалось «организация и сплочение демократических сил внутри России для 1) низвержения тирании большевиков; 2) восстановления единой федеративной республиканской России, построенной на реализации, укреплении и развитии политических и социальных принципов мартовской революции 1917 года»².

За все время существования «беспартийной» организации наиболее эффективной была ее информационно-издательская деятельность. При финансовой поддержке Внепартийного объединения в Праге выходили газета «Воля России» и серия агитационно-пропагандистских брошюр, в Ревеле издавались газета «Народное дело» («За народное дело») и журнал «За Народ!», в Париже – журнал «Современные записки» и информационный бюллетень «Pour la Russie», в Риме – газета «La Russia del Lavoro». Вокруг них постепенно складывались основные идейно-политические центры эсеровской эмиграции, шло размежевание и формирование главных течений в ее среде: правого (Париж), правоцентристского (Париж и Прага) и левоцентристского (Прага и Ревель).

Чернов, оказавшись в Эстонии, первым делом развил активную деятельность с целью объединить эсеровские силы за границей. Он писал Керенскому: «Сведения, правда отрывочные, которые доходят до меня, заставляют меня почему-то думать, что теперь нам с Вами будет гораздо легче понять друг друга, чем раньше. Мне по некоторым признакам думается, что вряд ли мы особенно разойдемся как в оценке положения, так и в постановке вех для пути, которым должна идти наша партия»³.

Керенский выразил готовность полностью поддержать предложение Чернова⁴. Но уже 1921 г. принес первые взаимные раздоры.

В январе в Париже состоялась Совецание бывших членов Всероссийского Учредительного собрания. Идея его проведения возникла в среде левых кадетов, группировавшихся в Париже вокруг П.Н. Милукова и М.М. Винавера и стремившихся к созданию за рубежом некоего представительного органа, который бы имел полномочия выступать от имени демократической России перед международным сообществом. Эта идея не была чужда и правым эсерам. Еще в декабре 1920 г. в эсеровской печати появилось «Обращение к членам Всероссийского Учредительного собрания»⁵, в котором главная цель проектируемого Совецания была сформулирована так: создание за границей легитимной организации или органа, которые бы представляли перед зарубежным общественным мнением и влиятельными политическими кругами Запады интересы демократической России.

Подготовка к совещанию велась без каких-либо санкций или консультаций с ЦК ПСР и членами его Заграничной делегации (ЗД), фактическим руководителем которой стал Чернов. Он, по сути, оказался поставлен перед свершившимся фактом. Первой его реакцией на сепаратные действия парижских эсеров было решение бойкотировать планируемое совещание. Но через некоторое время он передумал и в конце декабря отправился

через Берлин и Прагу в Париж. Это было его первое турне по европейским столицам, и ему не хотелось лишать себя возможности посетить главные центры русской эмиграции и встретиться с видными ее представителями.

В Берлине Чернов имел обстоятельные беседы с Ю.О. Мартовым. Его настроение в отношении совещания Мартов описывал так: «Он рвал и метал по поводу затеи Керенского, не имеющей другого смысла, как повторить Уфимскую историю, объяснял ее воздействием Авксентьева и К⁰, которые давно с социалистами порвали, и говорит, что в этом вопросе у них произойдет раскол, который он считает необходимым»⁶, и тогда «люди, для нас ценные, как Минор, Зензинов и даже Керенский, откажутся от всего предприятия, а Авксентьева, Бунакова и К⁰... мы получим возможность официально исключить»⁷. Столь же радикально были настроены и другие члены Заграничной делегации. Так, В.В. Сухомлин писал Чернову: «Я думаю, что дело идет к расколу и надо действовать обдуманно и согласованно... Я думаю, что надо выступить резко против»⁸.

Однако никакого раскола не произошло. Более того, Чернов встал на защиту центристов и некоторых решений совещания перед ЦК партии, резко осудившего как саму идею совещания, так и принятые резолюции. И дело здесь вовсе не в беспринципности Чернова, что пытались приписать ему даже его ближайшие зарубежные соратники. Политическим принципам он никогда не изменял и никогда ими не торговал. Как раз наоборот: в сложившихся условиях Чернов проявил себя как умелый тактик, еще раз продемонстрировав такое завидное для политического деятеля свойство, как толерантность. Сделано это было в первую очередь по принципиальным соображениям: ради сплочения большей части эсеровской эмиграции на партийной платформе. Говоря о своей миссии в Париже, он отмечал: «Считаю, что свой долг выполнил... Буду делать все, чтобы сознание долга, партийной дисциплины здесь одержало победу над центральными тенденциями»⁹.

Что же произошло?

Встретившись в Праге с В.М. Зензиновым и другими сотрудниками «Воли России», Чернов впервые получил подробные сведения о ситуации в эмигрантской среде. От них узнал он детальную информацию о деятельности Внепартийного объединения, о сложившихся течениях и реальном соотношении сил среди эсеров-эмигрантов. Парижские же встречи с членами Заграничной делегации, а также с Минором, Керенским и другими довершили картину: за рубежом сложился довольно сильный правоцентристский эсеровский блок, а позиции левых были весьма шаткими, многие из них оказались психологически плененными правоцентристами, полностью контролировавшими Внепартийное объединение с его солидными финансовыми средствами. Такие видные деятели партии, как Зензинов, Минор и Керенский, по словам Чернова, были полностью ангажированы во всем предстоявшем предприятии и заметно поправили.

И Чернов пришел к выводу, что задуманные им демарши привели бы к уходу из организации и так немногочисленных представителей левых и тем самым к еще большему усилению позиции правых. И тогда бы «денежные средства, организация, словом, все осталось бы в руках правых и центра, причем центр сделался бы пленником правых»¹⁰.

Он избрал другую линию поведения: усилить за границей позиции левых, привлечь на свою сторону центристов и создать сильный левоцентристский блок, дабы нейтрализовать и изолировать правых, давно переставших, по его словам, быть не только социалистами, но и демократами. С таким настроением он и явился на совещание.

Совещание бывших членов Всероссийского Учредительного собрания работало в Париже с 8 по 21 января 1921 г. Им был принят ряд резолюций, среди них – об отношении иностранных держав к Советской власти, об отношении к возможным торговым сношениям с Советской Россией, об отношении к отторжению иностранными державами отдельных частей российской государственной территории и другие. В них намечалась программа действий, призванная сплотить все демократические силы во имя возрождения России и привлечь внимание западного общественного мнения и иностранных правительств к российским проблемам.

Для подготовки и созыва второго совещания и для проведения на практике принятых решений был создан рабочий орган – Исполнительная комиссия. В нее вошли 5 эсеров (Н.Д. Авксентьев, В.М. Зензинов, А.Ф. Керенский, Н.В. Макеев и О.С. Минор), 3 кадеты (М.М. Винавер, А.И. Коновалов и П.Н. Милоков) и представитель от национальных групп С.Н. Максудов. Как впоследствии отмечал Чернов, «коалиционная» Исполнительная комиссия рассматривалась организаторами совещания как орган, «который мог бы претендовать на представительство за границей «подлинной России», в отличие от России советской, de jure в те времена еще никем не признанной»¹¹.

Официального участия в работе совещания Чернов не принимал. Правда, он выступил на первом заседании, но лишь для того, чтобы заявить, что как председатель Учредительного собрания 1917 г. не считает себя вправе участвовать в собрании частной группы, каковой является данное совещание. В работе же эсеровской фракции, где шло предварительное обсуждение всех вопросов и где вырабатывались позиции и резолюции эсеров, Чернов принял самое активное участие, стремясь таким образом повлиять на ход и результаты работы совещания.

Без демаршей с его стороны все же не обошлось. Он предпринял попытку психологического давления на своих соратников сразу по нескольким линиям: «указал на основную неправильность во всем мероприятии», так как оно было затеяно без предварительного сношения с ЦК ПСР; заявил о своем отказе от официального участия в собравшейся конференции, ибо как член ЦК не может предпринять подобного шага без одобрения ЦК; отметил, что Париж как место проведения совещания был выбран доволь-

но неудачно, поскольку для многих это послужит «указанием на то, по чьему «заказу» предпринято дело»¹².

Чтобы помочь заграничным эсерам «с наивозможно меньшим политическим ущербом выбраться из всего этого предприятия»¹³, он участвовал в разработке и редактировании эсеровских резолюций. Не без его влияния на совещании в духе партийных решений подверглись осуждению иностранная интервенция и установление любых форм военной диктатуры на российской территории, было принято решение о нецелесообразности и недопустимости экономической блокады России.

Сам Чернов весьма критически оценивал свое участие в заседаниях эсеровской фракции совещания. Он признавал, что его работа не совсем принесла необходимые плоды, и указывал на два главных вопроса, которые оказались, с его точки зрения, решенными неудовлетворительно: о непризнании советского правительства иностранными державами и об исполнительном органе Совещания. В этих вопросах правоцентристское большинство эсеровской фракции не поддержало Чернова.

В ходе дискуссий по первому вопросу Чернов решительно возражал против той формы, в которой была принята резолюция о непризнании Советской власти. В частности, он указывал, что призыв непосредственно к западным правительствам отказаться от установления дипломатических отношений с Советской Россией формально противоречит постановлению совещания о необходимости прекращения экономической изоляции России. Такая нечеткость и неопределенность позиции, предупреждал он, неизбежно приведет к конфликту с ЦК ПСР.

По второму вопросу он прямо заявлял, что состав исполнительного органа совещания следует формировать по мажоритарному, а не по коалиционно-партийному принципу, ибо «Россия не сможет принять органа, носящего вид коалиции с цензовиками»¹⁴. Максимум, что может быть принято ЦК, говорил Чернов, так это дополнение мажоритарного представительства деловыми культурными работниками от земско-городского объединения. Однако и это его предложение не прошло. Правда, оно не осталось без внимания: было решено официально не избирать никакого специального органа до следующего совещания, а всю текущую работу возложить на Исполнительную комиссию, составленную все же по коалиционному принципу. Такой подход, как полагал Чернов, не решал проблемы и давал основание обвинять заграничных эсеров в возрождении коалиционной политики, решительно осужденной партийными форумами.

Спустя некоторое время он отмечал: «Я жалею, что в особенности в двух указанных пунктах (в вопросе о мажоритарных выборах представительства, как и в вопросе о нашем безразличии к тому, как выкрутятся иностранные буржуазные правительства из невозможности для них формального полного признания советской власти и необходимости торговать с нею) не был еще более настойчив, хотя, судя по настроению большинства фракции, помогло бы это?»¹⁵.

Этими словами Чернов, по сути, признавал свою ошибку и невольно солидаризовался с теми, кто позже обвинял его в якобы нерешительном поведении во время работы совещания. Но было ли его поведение ошибочным? Вряд ли. Приведенные слова – скорее, искреннее сожаление о политическом расхождении с давними партийными соратниками, чьи действия теперь никак не укрепляли авторитет партии, и столь же искренняя надежда, что они еще могут с честью послужить чистоте партийного знамени.

После окончания работы совещания Чернов более месяца оставался в Париже и Праге: там происходили многочисленные встречи, обсуждения и консультации, касавшиеся партийных дел. С Керенским ему удалось договориться о финансировании за счет Внепартийного объединения выходящих и планировавшихся партийных изданий в Эстонии, а также о переброске части его материальных и людских ресурсов в Ревель и Финляндию, где предполагалось создать его филиалы. С членами Заграничной делегации и редакции «Воли России» он вел речь о необходимости приступить к строительству партийных организаций и более активному отстаиванию партийных позиций. Настоящую борьбу он повел за привлечение к левому флангу Зензинова, который, по его мнению, более, чем кто-либо из центристов, был «привязан к партии неразрывной духовной связью».

В Ревель Чернов вернулся в первых числах марта и нашел у себя целую гору корреспонденции. Значительная ее часть касалась парижского совещания.

Особенно его встревожили два письма ЦК ПСР от 28 января и 4 февраля: в них содержалась острая критика деятельности эсеров за рубежом и осуждался сам замысел проведения совещания, указывалось на недопустимость каких бы то ни было совместных действий с кадетами, содержалось требование ко всем эсерам, вошедшим в Исполнительную комиссию, немедленно выйти из нее.

Он сразу же информировал об этих посланиях парижских и пражских эсеров. Он подчеркивал, что подобная реакция ЦК на парижское совещание вполне закономерна и предвидеть ее было нетрудно, о чем он и предупреждал участников совещания¹⁶. Отметив, что столь болезненное отношение ЦК к совещанию было продиктовано прежде всего ситуацией в России, где нарастало народное антибольшевистское движение, крайне подозрительно относившееся к разного рода реставрационным и несоциалистическим силам, ко всякого рода союзам и коалициям с ними, он рекомендовал не идти на обострение отношений с ЦК. Предложил свои посреднические услуги по урегулированию конфликта. Обещал написать специальное письмо, в котором он подробно и объективно покажет «психологию и логику всего положения вещей *здесь*, чтобы *там* поняли общую затруднительность ситуации». Наконец, высказал организаторам совещания пожелание написать в ЦК обстоятельное письмо с разъяснением их позиции.

Вскоре Чернов, как и обещал, отправил в ЦК пространный отчет о своей деятельности в Париже. Он дал подробную информацию о положе-

нии дел в эмигрантской эсеровской среде и собственные оценки сложившейся ситуации, излагал свои выводы и предложения, просил российских партийных деятелей не спешить с преждевременными, чрезмерно резкими и окончательными приговорами¹⁷. Еще он просил повременить с резкими нападками на Внепартийную организацию: «Сейчас разрушать беспартийную организацию было бы ударом по работе»¹⁸. А ее членам советовал конфликт с ЦК по поводу совещания не делать внутренним вопросом организации, ибо этот конфликт формально затрагивал лишь эсеровскую фракцию совещания, в особенности же тех, кто вошел в состав Исполнительной комиссии. «Ваша же организация, – писал он в Прагу, – есть организация непартийная, и обсуждение решения ЦК даже не может быть пунктом ее порядка дня. Поэтому она должна работать, как раньше, какое бы развитие не получил дальше конфликт и какие бы последствия не имело это для партийного положения отдельных членов организации»¹⁹.

Столь «трепетное» его отношение к Внепартийному объединению определялось, в первую очередь, тактическими соображениями. Наиболее полно и откровенно свой подход к «беспартийной» организации он изложил в письме Сухомлину: «Теперь же приходится считаться, что средств у нас нет, а у беспартийной организации есть, и что приходится изобретаться, чтобы при всей тенденции беспартийной организации к самодовлению, хоть частично использовать эти средства для России... Как бы то ни было, сейчас от беспартийной организации я имею средства на издание два раза в месяц «Революционной России», и на ее же средства сейчас содержится налаживаемый в очень широких размерах транспорт... Отсюда ясно видно, что беспартийная организация, как ни плоха, а все же ее уничтожение сейчас преждевременно. Некому и нечем ее заменить. Чисто-партийная организация за границей пока еще в самом зародыше. А если так, то сохраним пока заграничную организацию...»²⁰

Тем временем критика заграничных эсеров, инициировавших созыв совещания, продолжала нарастать. Чернову как представителю ЦК ПСР за границей приходили протестные письма, резолюции и постановления и от организаций, и от отдельных членов партии. В них содержалось требование последовательно и четко следовать партийному курсу на недопустимость любых форм коалиции с представителями кадетов и других несоциалистических сил, партий и течений, крепить связи с международным социализмом и строжайше соблюдать партийную дисциплину во имя сплочения, авторитета и могущества партии. В ряде писем и резолюций содержались острые критические высказывания и в адрес самого Чернова²¹.

Но тут разразились Кронштадтские события. Они стали первым серьезным испытанием для зарубежных эсеров на прочность и боеспособность. Однако ни прочности, ни боеспособности у эсеровской эмиграции как политической силы не оказалось. В то время как ее левоцентристская часть во главе с Черновым предпринимала отчаянные попытки установить связь с кронштадтцами, правые и правоцентристы в лице Внепартийного

объединения почти ничего не сделали, чтобы превратить Кронштадт, как предлагал Чернов, в застрельщика и оплот народной антибольшевистской борьбы. Все попытки Чернова мобилизовать эсеровскую эмиграцию на действенную поддержку восставших матросов и рабочих натолкнулись на непреодолимые препятствия: идейно-политические расхождения в эсеровской среде, отсутствие у левоцентристов значительных материальных средств, непомерные личные амбиции лидеров правых и правоцентристов²².

Поражение Кронштадта и бессилие заграничных эсеров что-либо предпринять, дабы оказать реальную, в том числе и военную, поддержку восставшим, внутренние противоречия в эсеровской эмиграции и отчаянное положение партии в России – все это заметно пошатнуло позиции Внепартийного объединения в глазах его союзников и покровителей. Уже с середины 1921 г. оно стало испытывать серьезные финансовые затруднения, которые осенью привели к фактическому свертыванию его деятельности, хотя формальный роспуск организации состоялся в апреле 1922 г. Правда, у правоцентристского блока оставалась еще Исполнительная комиссия Совещания бывших членов Всероссийского Учредительного собрания.

В конце лета 1921 г. страсти вокруг нее стали разгораться с новой силой. Состоявшийся в августе X Совет партии уделил особое внимание ситуации, создавшейся в среде заграничных эсеров. Дабы укрепить партийную дисциплину, покончить с идейно-политическими и организационными шатаниями и разбродом, он предписал всем членам партии, находящимся за границей, немедленно сорганизоваться в партийные группы, а на Заграничную делегацию возложил руководство всей партийной зарубежной работой, тем самым в очередной раз подтвердив ее статус официального представительного органа ЦК ПСР за границей. И резко осудив «парижское предприятие», потребовал от заграничных эсеров под угрозой исключения из партии выйти из состава Исполнительной комиссии²³.

Однако уже осенью стало очевидно, что эсеры и во Внепартийном объединении, и в Исполнительной комиссии не намерены следовать директивам ЦК и Центральное бюро ПСР: они по-прежнему продолжали игнорировать их и упорствовали в отстаивании своих позиций. Исполнительную комиссию покинул один лишь Зензинов, который сразу же был включен в состав левоцентристской Заграничной делегации. Но вскоре он выступил с предложениями, которые, по сути, были направлены на защиту и даже на усиление позиций правых и правоцентристов. Он направил в ЦБ ПСР письмо, в котором предложил не настаивать на немедленном выполнении партийного решения о выходе эсеров из состава Исполнительной комиссии. Он стал настоятельно требовать ввести в состав Заграничной делегации Керенского несмотря на его членство в Исполнительной комиссии. Штаб-квартиру Заграничной делегации он рекомендовал разместить в Париже, то есть там, где находились главные центры Внепартийного объединения и Исполнительной комиссии. В этом случае ядро Заграничной

делегации состояло бы из Керенского, И.А. Рубановича и Н.С. Русанова, остальные же члены – Чернов, Сухомлин и сам Зензинов – пребывали бы в «рассеянии», что с неизбежностью обернулось бы снижением их роли, прежде всего Чернова, в деятельности Заграничной делегации.

Эти предложения встретили полное неприятие Чернова. К тому времени его прежние компромиссное отношение к Внепартийному объединению и Исполнительной комиссии изменилось: теперь он считал, что с окончательным оформлением Заграничной делегации существование других эсеровских органов за рубежом стало излишним и лишь препятствует процессу консолидации эсеровской эмиграции на партийной платформе. Настало время, считал он, решительно приступить к переводу всей заграничной работы эсеров «с беспартийных рельсов на партийные» и начать распутовывать «заграничный клубок»²⁴.

Не поддержал он и кандидатуру Керенского как одного из возможных членов Заграничной делегации, хотя идея ввести Керенского в ее состав высказывалась ЦБ ПСР задолго до предложения Зензинова и одно время не вызывала у Чернова особых сомнений. Теперь он так обосновывал свою позицию: «Я большой сторонник того, чтобы А.Ф. был возвращен партии и втянут в самую гущу партийной работы. Но у него есть слабость к персональной политике и к якшанью с высокими сферами Антанты. И сам А.Ф. не в качестве члена Делегации и социалиста-революционера, а в качестве хотя бы члена Административного центра «беспартийной» организации или просто в качестве бывшего члена Временного правительства будет продолжать эту линию поведения – все значение Делегации будет извращено»²⁵.

Эти аргументы Чернова ЦБ ПСР сочло убедительными и не стало настаивать на введении Керенского в состав Заграничной делегации. Вместе с тем оно дало понять, что ее двери для бывшего премьера остаются открытыми – при условии выхода из Исполнительной комиссии парижского совещания²⁶. Относительно же местопребывания Заграничной делегации ЦБ сочло нужным предоставить возможность самим ее членам решить этот вопрос на предстоящем пленуме.

Первый пленум Заграничной делегации состоялся в Праге с 26 декабря 1921 г. по 8 января 1922 г. В нем приняли участие Чернов, Зензинов, Рубанович, Русанов, Сухомлин, а также С.П. Постников с правом совещательного голоса как член редакции «Революционной России». Всего состоялось девять заседаний, было заслушано и обсуждено около четырех десятков вопросов²⁷.

Были определены главные принципы формирования и функционирования заграничных партийных групп и групп содействия, которые должны были лечь в основу их устава. Ведущая роль при этом отводилась принципу централизма. Местопребыванием ядра Заграничной делегации (Чернов, Зензинов и Сухомлин) временно определялась Прага, а с налаживанием партийного издательства в Берлине планировалось переместить туда же и «деловое бюро» Заграничной делегации²⁸. На двух заседаниях участники

пленума рассматривали вопрос о Внепартийном объединении и Исполнительной комиссии. С докладом о состоянии дел в «беспартийной» организации выступал один из руководящих работников Административного центра Роговский, заявивший о начале ликвидационного процесса организации. Сложнее обстояло дело с Исполнительной комиссией. Учитывая неоднозначность сложившейся здесь ситуации, пленум ограничился заслушиванием информации ее представителя, а окончательное решение самого вопроса постановил передать на усмотрение ЦБ ПСР.

Итак, сам факт проведения пленума и принятые им, при активном участии Чернова, решения давали основания надеяться на консолидацию сил эсеровской эмиграции, расширение их международных связей, приобретение новых союзников из числа близких им эмигрантских организаций и групп.

Примечания

¹ См.: Кукушкина И.А. Путь социалистов-революционеров в эмиграцию // Русский исход. СПб., 2004. С. 87–97.

² ГАРФ. Ф. Р-5893. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

³ Hoover Institution Archives. Nicolaevsky (Boris I.). Collection (HIA NC). Box 27. Fold. 5.

⁴ HIA NC. Box 10. Fold. 11.

⁵ Воля России. 1920. 15 дек.

⁶ Большевики в большевистской России, 1918–1924. М., 2002. С. 77.

⁷ Там же. С. 89.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-5847. Оп. 2. Д. 81. Л. 6–6об.

⁹ Цит. по: Гусев К.В. В.М. Чернов: Штрихи к политическому портрету. М., 1999. С. 163.

¹⁰ Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. М., 2000. С. 736.

¹¹ Партия социалистов-революционеров после октябрьского переворота 1917 года: Документы из архива П.С.-Р. Амстердам, 1989. С. 733.

¹² Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 2. С. 737.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-5893. Оп. 1. Д. 130. Л. 7об.

¹⁶ Там же. Л. 6об.

¹⁷ Гусев К.В. Указ. соч. С. 153–164.

¹⁸ Там же. С. 158.

¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-5893. Оп. 1. Д. 130. Л. 8 об.

²⁰ Партия социалистов-революционеров после октябрьского переворота 1917 года. С. 682, 683.

²¹ Партия социалистов-революционеров после октябрьского переворота 1917 года. С. 664, 668–669; HIA NC. Box 9. Fold. 10, 18.

²² См.: Новиков А.П. Эсеровские лидеры и Кронштадтский мятеж 1921 г. // Отечественная история. 2007. № 4. С. 57–64.

²³ Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 2. С. 784; HIA NC. Box 9. Fold. 3.

²⁴ HIA NC. Box 9. Fold. 3.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ HIA NC. Box 9. Fold. 9; Революционная Россия. 1922. № 16–18. С. 49–51.

²⁸ HIA NC. Box 9. Fold. 3.

ИСТОРИК М.И. РОСТОВЦЕВ: НАУЧНЫЙ УСПЕХ ЭМИГРАНТА

Михаил Иванович Ростовцев – без сомнения, наиболее известный за пределами России отечественным антиковедом. Его творчество оказало огромное влияние на развитие западной исторической науки: именно ему принадлежит первенство в создании монументальных трудов по социально-экономической истории древнего Рима и эллинистического мира¹. Крупнейший современный историограф, родоначальник лингвистического поворота в истории Х. Уайт считает Ростовцева «одним из наиболее влиятельных историков античности двадцатого столетия»².

Однако мировую славу он вряд ли приобрел бы, если бы в его жизни не произошел в одночасье коренной поворот: в России к власти пришли большевики, и ему, члену кадетской партии, профессору С.-Петербургского университета, пришлось буквально в одну ночь оставить все – квартиру, работу, личный архив – и спешно выехать в Швецию, а затем в Англию, чтобы уже больше никогда не вернуться на родину. Для многих русских людей, оказавшихся в то время в подобном положении, эмиграция оказалась крушением всех надежд, они не смогли найти в себе силы, чтобы оказаться выше внешних обстоятельств жизни. А Ростовцеву удалось, пережив глубокий душевный кризис, не просто сохранить свой авторитет в научной среде, но и занять положение одного из лидеров мировой исторической науки, так что эмиграция поистине стала для него, по метафорично-му замечанию Г.М. Бонгард-Левина, «изгнанием в вечность»³.

Первые пятьдесят лет жизни Ростовцева при всей своей насыщенности представляли собой типичную карьеру университетского профессора. Сын филолога-классика, он родился в 1870 г. Пошел по стопам своего отца. Окончив в 1888 г. киевскую 1-ю гимназию, которую в разное время возглавляли его дед и отец, он поступил в Киевский университет, а через два года перевелся в С.-Петербургский, по окончании которого был оставлен для подготовки к профессорскому званию. В 1892–1899 гг. много путешествовал по Европе и странам Средиземноморья с образовательными и научными целями. Именно тогда он познакомился с крупными учеными, которые впоследствии окажутся столь необходимыми ему в трудных жизненных обстоятельствах. К тому же за время своих длительных командировок он смог воочию увидеть массу археологических памятников, тех вещественных остатков античной цивилизации, без которых, как он вскоре сам докажет, невозможно адекватно представить историю древних цивилизаций. Вернувшись в Россию, он работал над завершением своей магистерской диссертации, которую успешно защитил 21 апреля 1899 г.

Этот труд – «История государственного откупа в Римской империи (от Августа до Диоклетиана)»⁴ – стал первым его крупным сочинением.

Всего лишь четыре года спустя он вынес на суд коллег-историков результаты нового исследования – «Римские свинцовые тессеры»⁵. Создавая один научный труд за другим, ученый с одинаковым успехом исследовал социально-экономическую историю древнего Рима и эллинизма, а также занимался историей и археологией юга России⁶. Пиком карьеры российского антиковеда на родине стало избрание его в апреле 1917 г. академиком Академии наук. К этому времени он обрел заслуженное признание не только в своем Отечестве, но и за его пределами: в 1914 г. был избран членом-корреспондентом Берлинской Академии наук, в зарубежных изданиях вышло множество его статей, причем некоторые из них и даже целая монография⁷ на русском языке не публиковались вовсе.

30 июня 1918 г. Ростовцев с супругой отбыли на пароходе, идущем из Петрограда в Швецию. Еще в 1905 г. он вступил в кадетскую партию, и в первые годы эмиграции, когда он попросту не имел возможности активно заниматься научной деятельностью, он активно занялся публицистикой. В 1918–1922 гг. одна за другой выходили его яркие, талантливые статьи, бичующие недостатки большевистского режима⁸. Аналитический ум петербургского профессора, как скальпель хирурга, вскрывал все изъяны в политике новой власти в сфере науки и культуры. Он писал только о том, в чем был компетентен, и эта его черта как нельзя лучше характеризует его как истинного ученого. Однако Оксфордский университет, где он обосновался после нескольких месяцев работы в Швеции и Норвегии, не смог обеспечить ему возможность заниматься любимым делом – изучать античность. Даже полностью признавая высокий научный авторитет Ростовцева и уже в начале 1919 г. присудив ему почетную степень доктора), руководство университета не пожелало принять русского профессора в штат. Возможно, виноват был его сильный акцент. Так или иначе, все, что ему предоставили, – несколько курсов лекций по экономической истории древности.

Если в Европе талант Ростовцева оказался практически не востребованным, то в США он смог раскрыться в полную силу. Получив приглашение от американского исследователя У.Л. Вестерманна, с которым он познакомился во время работы Парижской мирной конференции, перебраться в Америку, российский антиковед, хотя и не без колебаний, все же согласился. В сентябре 1920 г. он прибыл в Мэдисон и приступил к преподаванию в Висконсинском университете. С 1925 г. и до конца своих дней он оставался профессором Йельского университета.

Годы работы в США стали наиболее важными в его жизни. Именно здесь им были написаны труды, принесшие ему мировую известность: «Социально-экономическая история Римской империи»⁹ и «Социально-экономическая история эллинистического мира»¹⁰. В течение многих лет он участвовал, а затем и возглавлял археологическую экспедицию в Дурра-Европос (1928–1937 гг.). Исследование находок и публикация его результатов стали третьим направлением научной деятельности Ростовцева, во многом заменившим навсегда потерянную для него возможность заниматься

древней историей юга России. Вершиной признания русского ученого научным сообществом США стало избрание его президентом Американской исторической ассоциации в 1935 г.

Умер Ростовцев в 1952 г. в Нью-Хейвене в 1952 г. после тяжелой болезни, из-за которой он в последние годы своей жизни уже не мог заниматься наукой¹¹.

Идеи Ростовцева получили общемировую известность только после его эмиграции из России. Крупный итальянский специалист по историографии античной истории А. Момильяно в связи с этим даже заявил, что «изгнание сделало Ростовцева тем великим человеком, каковым он являлся»¹². Однако вряд ли можно согласиться с этим утверждением. Изучение работ ученого, написанных им на родине, дает основание утверждать, что его научная концепция складывалась постепенно. С течением времени она детализировалась, конкретизировалась, наполнялась богатейшим фактическим содержанием. Но она отнюдь не была им рождена в Америке.

Надо учитывать, что русский язык никогда не являлся языком антиковедов. Ростовцев, прекрасно отдавая себе в этом отчет, до 1917 г. в качестве языка международного общения использовал немецкий: в различных европейских изданиях той поры регулярно появлялись его статьи и монографии именно на этом языке (напомним, что германская научная школа антиковедения являлась в ту пору ведущей). Однако основная масса его работ публиковалась на русском. Эмиграция в США попросту вынудила его сделать главным языком своих исследований английский¹³. Соответственно, современные западные историографы, в большинстве своем не владеющие русским языком, подвергают пристальному анализу только те работы, которые написаны им на доступных для них языках, оставляя за рамками своих исследований опыт, накопленный Ростовцевым до его отъезда за границу.

Такое положение дел с неизбежностью ведет к рождению отдельных историографических мифов. Об одном мы уже рассказали: Ростовцев достиг своей интеллектуальной зрелости только в период эмиграции. Второй содержится в работах некоторых исследователей, утверждающих, будто бы решающее влияние на формирование его концепции оказали трагические события в России 1917–1918 гг., свидетелем и жертвой которых он являлся. Согласно их предположениям, Ростовцев изобразил крушение экономической системы античности и упадок античной цивилизации в целом идентично падению Российской империи, тем самым крайне модернизировав древнюю историю человечества¹⁴.

Рассмотрение же трудов российского антиковеда в их комплексе позволяет выстроить взгляды Ростовцева в единую, удивительно стройную систему. С другой стороны – развеять стереотипы, сложившиеся в западной историографии (в советской историографии никаких стереотипов вообще сложиться не могло, так как об историке-белоэмигранте распространяться нельзя было в принципе).

Вопросы социально-экономической истории древнего мира интересовали Ростовцева с самого начала его научного пути. Еще до защиты своей магистерской диссертации он со всей страстью молодого ученого включился в бушевавший тогда спор двух крупнейших германских специалистов в области экономической истории античности – К. Бюхера и Эд. Мейера. Первый полагал, что человечество развивалось поступательно, постепенно проходя стадии домового (натурального) хозяйства без обмена, городского хозяйства (период прямого обмена), государственного хозяйства и, наконец, хозяйства мирового (или народного), то есть развитой экономики с использованием меновых знаков. При этом всю эпоху древности он относил к фазе домового хозяйства. А Эд. Мейер считал, что уже в ту пору капитал играл чрезвычайно важную роль в экономике, а само экономическое развитие древности шло не по восходящей линии, а циклически¹⁵. В статье «Капитализм и народное хозяйство в древнем мире» Ростовцев предпринял попытку анализа разнообразных экономических тенденций, имевших место в греко-римском мире, и пришел к выводу о наличии развитого капитализма в эллинистический период и в эпоху ранней Римской империи, «бесплодного, спекулятивного капитализма» в эпоху Римской республики и о трансформации капитализма снова в домовое хозяйство к концу поздней Римской империи¹⁶. То есть совершенно очевидно, что он встал на позиции мейеровской циклической теории экономического развития человечества, а античность в его интеллектуальной конструкции представлялась единым завершенным этапом.

Особый вопрос – правомерность использования Ростовцевым термина «капитализм», вообще понятийный аппарат его трудов. Русский ученый, во-первых, шел в ногу со временем и был далеко не единственным, кто использовал подобного рода терминологию применительно к периоду древности. А во-вторых, как полагает омский исследователь С.Б. Крих, скорее всего он употреблял это и сходные этому понятия как «средство оживления повествования и пояснения отдельных аспектов через сравнение с современностью»¹⁷.

Так, уже в молодости став горячим сторонником теории циклов, Ростовцев разработал схему развития античности, естественным образом включавшую в себя как период восходящего развития цивилизации, так и эпоху ее кризиса и последующего упадка. Дальше он только выбирал в качестве объекта исследования то одну, то другую составляющую цикла.

Приступив в 1899 г. к преподаванию одновременно в двух высших учебных заведениях – Петербургском университете и на Высших женских курсах – Ростовцев прочитал курс лекций по истории древнего Рима. Он поставил своей целью рассмотрение ее сразу с трех точек зрения: всемирно-исторической, всемирно-культурной и экономической. Последняя подразумевала выяснение того, как в древнем мире шло превращение домового хозяйства в хозяйство народное, а затем деградация последнего снова до уровня домового хозяйства. Однако замысел этот ему осуществ-

ствить не удалось: лекции были им доведены лишь до времени начала борьбы Юлия Цезаря за власть, а потому эпоха экономического упадка древнего Рима осталась за рамками курса.

Ранее Ростовцев признавался: «Явление этого падения экономической жизни Римской империи столь сложно, что разбирать его здесь завело бы нас слишком далеко, да и современная наука не уразумела его еще вполне; может быть... понимание это суждено лишь нашим потомкам»¹⁸. И действительно, к изучению нисходящего сегмента цикла античной истории он до отъезда из России так и не подошел.

За решение этой проблемы Ростовцев взялся, уже будучи за границей. В 20-е гг. он опубликовал серию статей, а затем и капитальную монографию «Социально-экономическая история Римской империи», где изложил свое видение причин кризиса и последующего упадка экономической жизни в этом древнем государстве. Концепция Ростовцева сразу же вызвала дискуссию, диапазон отзывов на его книгу колебался от хвалебных до разгромных. Споры вокруг этого сочинения не затихали в течение нескольких десятилетий. Фактологическая база работы и выводы, к которым он пришел, были для того этапа развития антиковедческой мысли поистине ошеломляющими. Впервые в истории науки органично вплета археологические данные в исторические построения, Ростовцев представил упадок Рима как результат борьбы городской буржуазии и крестьянства, составлявшего основную силу римской армии. Оставаясь, по сути, вне высокой культуры, но, имея поддержку императоров, они восстали против ненавистных им городов, бывших основой экономической мощи державы, и тем уничтожили эту основу, подписав смертный приговор величайшей цивилизации древности¹⁹.

Впоследствии Ростовцев под влиянием критики смягчил свою позицию, но в истории антиковедения он вошел именно с этой теорией.

Таким образом, эта концепция Ростовцева родилась не в одночасье. Историк вынашивал и разрабатывал ее всю жизнь. И если восходящую часть античного цикла истории он смог продумать еще до 1917 г., в России, то для понимания его нисходящей части ему нужен был внешний импульс. В этом смысле революция в России 1917 г. и последующая эмиграция послужили для Ростовцева именно таким импульсом. Не даром он писал: «Думаю, что всякому мыслящему человеку интересно и нужно, психологически важно, переживая настоящее, углубиться и в прошлое... Политических рецептов прошлое не дает, но сознательно переживает настоящее только тот, кто научился понимать прошлое»²⁰.

Примечания

¹ *Андро Ж.* Влияние М.И. Ростовцева на развитие западноевропейской и североамериканской науки // *Вестник древней истории.* 1991. № 3. С. 166–176; *Dow S.* The Social and Economic History of the Roman Empire: Rostovtzeff's Classic After Thirty-Three Years // *The American Historical Review.* 1960. Vol. LXV. № 3. P. 546.

² *Крих С.Б.* Упадок древнего мира в творчестве М.И. Ростовцева. Омск, 2006. С. 139–140.

³ *Бонгард-Левин Г.М.* Изгнание в вечность: Великий русский историк М.И. Ростовцев в США. Нью-Йорк, 1999.

⁴ *Ростовцев М.И.* История государственного откупа в Римской империи (от Августа до Диоклетиана). СПб., 1899.

⁵ *Ростовцев М.И.* Римские свинцовые тессеры. СПб., 1903.

⁶ *Фрлов Э.Д.* Русская наука об античности: Историографические очерки. 2-е изд. СПб., 2006. С. 407.

⁷ *Rostovtzeff M.* Studien zur Geschichte des römischen Kolonates. Leipzig, 1910.

⁸ Ныне они изданы отдельными сборниками: *Ростовцев М.И.* Избранные публицистические статьи, 1906–1923. М., 2002; *Он же.* Политические статьи. СПб., 2002.

⁹ *Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford, 1926; *Ростовцев М.И.* Общество и хозяйство в Римской империи. Т. I–II. СПб., 2000–2001.

¹⁰ *Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of the Hellenistic World. Oxford, 1941.

¹¹ Подробнее см.: *Зуев В.Ю.* М.И. Ростовцев. Годы в России. Биографическая хроника // *Скифский роман.* М., 1997. С. 50–83; *Бонгард-Левин Г.М.* Скифский роман, или Жизнь Михаила Ивановича Ростовцева // *Российская научная эмиграция: Двадцать портретов.* М., 2001. С. 293–313.

¹² *Momigliano A.D.* M.I. Rostovtzeff // *Momigliano A.D.* Studies in Historiography. L., 1966. P. 92.

¹³ См.: *Shaw B.D.* Under Russian Eyes // *The Journal of Roman Studies.* 1992. Vol. LXXXII. P. 217–218.

¹⁴ *Momigliano A.D.* M.I. Rostovtzeff... P. 100; *Dow S.* The Social and Economic History... P. 549–550; *Wes M.A.* Michael Rostovtzeff, Historian in Exile: Russian Roots in an American Context. Stuttgart, 1990. P. VIII, 26.

¹⁵ *Немировский А.И.* Историография античности конца XIX–начала XX века (1890–1917): Начало кризиса буржуазной исторической мысли // *Историография античной истории.* М., 1980. С. 144–145.

¹⁶ *Ростовцев М.И.* Капитализм и народное хозяйство в древнем мире // *Русская мысль.* 1900. Кн. III. С. 217.

¹⁷ *Крих С.Б.* Упадок древнего мира... С. 46–47.

¹⁸ *Ростовцев М.И.* Капитализм и народное хозяйство... С. 216.

¹⁹ *Momigliano A.D.* M.I. Rostovtzeff... P. 100.

²⁰ *Ростовцев М.И.* Рождение Римской империи. М., 2003. С. 7.

СОБЫТИЯ И СУДЬБЫ

Л.Ю. Таймасова

«ДЕЛО БОМЕЛИУСА»

Историю англо-русских торговых отношений принято отсчитывать от 24 августа 1553 г., когда корабль «Эдвард–Благое предприятие» бросил якорь у монастыря св. Николая в устье Северной Двины. Экспедиция была организована лондонской компанией купцов-путешественников, получившей название «Московской».

«Московская» компания стоит особняком в ряду подобных купеческих гильдий XVI в. Список ее учредителей возглавляли члены британского правительства. Она стала первой коммерческой организацией, устав которой был утвержден Парламентом. Финансовые документы демонстрируют сложную систему бухгалтерских счетов, не свойственную обычной торговой корпорации. Согласно отчетам, торговля с Россией носила убыточный характер: дивиденды не выплачивались инвесторам на протяжении 30-ти лет, при этом компания имела основной капитал, источник пополнения которого остался неизвестен¹. Скорее всего, учредители «Московской» компании преследовали в первую очередь не коммерческие, а политические выгоды.

Английские корабли доставляли в Россию оружие и предметы роскоши. По просьбе царя приезжали различного рода специалисты, в том числе врачи. Близость врача к венценосному пациенту означала высокий уровень осведомленности как о личной жизни царя, так и о государственных делах. Не вызывает сомнения, что русское правительство было заинтересовано в том, чтобы секретные сведения не выходили за стены Кремля. Англичане, напротив, стремились получить ценную информацию из первых рук. Таким информатором в годы царствования Ивана IV стал врач Элезиус Бомелиус.

Появлению Бомелиуса в Москве предшествовали визиты двух других врачей: Ральфа Стендиша и Ричарда Рейнольдса. Все трое были вынуждены уехать за границу, не имея легальной возможности работать в Англии. В судьбе каждого из них принимал участие государственный секретарь и член Тайного королевского совета сэр У. Сесил, имя которого стоит 18-м в списке из двухсот учредителей «Московской» компании².

Ральф Стендиш (около 1522–1559), молодой и талантливый выпускник Кембриджа, первым из английских врачей отважился совершить опасное путешествие в Россию. Поступив в университет в 1542 г., он через год успешно сдал экзамены на степень бакалавра, что говорит о его незауряд-

ных способностях, а в 1547 г. – на степень магистра. В следующем году он женился и получил должность в канцелярии управляющего университета. В 1553 г. был аттестован на степень доктора медицины. 5 ноября 1556 г. он на «отлично» выдержал экзамен в Королевской медицинской коллегии и получил лицензию, которая давала право открыть частную практику. Однако лицензия была выдана сроком всего на один год³.

В феврале 1557 г., пережив жестокое кораблекрушение у берегов Шотландии, в Лондон прибыл русский посол Осип Непея. По донесениям венецианцев, он намеревался достичь договоренности о поставках артиллерии и боеприпасов⁴, а также о найме различных специалистов, в том числе врача. После секретных совещаний в правительстве⁵ было решено удовлетворить все просьбы и пожелания посла⁶.

«Московская» компания снарядила четыре корабля и обеспечила найм мастеров. Для Стендиша предложение Непеи выглядело заманчиво: за прошедшие полгода ему не удалось открыть практику, срок действия лицензии истек, а в России не было нужды беспокоиться о его продлении. Разрешение на выезд врач получил не позднее 23 апреля 1557 г., когда Непея удостоился прощальной аудиенции в королевском дворце.

Выход в море был назначен на начало мая, а 29 апреля 1557 г. купцы «Московской» компании устроили роскошный банкет в честь русского посла. Подняв тост за здоровье гостя, главные учредители объявили об оплате за счет компании издержек Непеи, связанных с кораблекрушением и пребыванием в Шотландии и Англии⁷. В тот же день Стендиш написал завещание⁸.

В середине лета корабли благополучно прибыли в устье Двины. Среди грузов находился сундук с лекарственными принадлежностями, которые сопровождал аптекарь Ричард Элмес. Стендиш был принят с большим почетом: он получил в подарок 70 руб., коня и шубу, подбитую соболями. Вместе с другими англичанами он несколько раз принимал участие в царских пирах⁹. На этом сведения о нем обрываются. Не ясно, использовал ли он свои знания на практике, но в июне 1558 г. умерла царевна Евдокия, а в ноябре 1559 г. опасно занемогла царица Анастасия. Той же зимой о смерти врача Стендиша узнали в Англии: его завещание вступило в силу 24 декабря 1559 г.¹⁰

Прошло восемь лет, прежде чем царь пожелал доверить свое здоровье другому английскому врачу. Зимой 1566/67 гг. английский посол А. Дженкинсон привез в Лондон срочную грамоту царя с просьбой о доставке вооружения и найме специалистов¹¹. Несмотря на обещание «великих милостей» и гарантии свободного выезда на родину¹², желающих среди профессиональных врачей не нашлось. Приглашение Ивана Грозного принял недоучившийся студент.

Это был Ричард Рейнольдс (около 1529–1606) – одаренный юноша из очень бедной семьи. В 1546 г. он поступил в Кембридж на правах стипендиата. В следующем году Рейнольдс получил стипендию из фонда леди Маргарет, финансировавшего расходы кафедры богословия. В 1550 г. ему была

присвоена степень бакалавра¹³. Несмотря на успехи, он оставил теологию и, возможно, по совету сэра Сесила, занялся медициной. В своем письме от 6 ноября 1552 г. Рейнольдс выразил государственному секретарю сердечную признательность за оплату его обучения¹⁴. На следующий год Рейнольдс выдержал экзамен на степень магистра, однако возможность пройти аттестацию на степень доктора у него появилась лишь 14 лет спустя.

Очевидно, не без помощи высоких покровителей, 14 марта 1567 г. Рейнольдс получил разрешение на соискание степени доктора медицины, но, вместо того чтобы сдать экзамены, он оформил рекомендательные письма¹⁵ и в мае того же года отправился в Россию. Груз лекарственных товаров сопровождал аптекарь Томас Карвер.

Где находился Рейнольдс и чем он занимался в России целый год, неизвестно. Грамота, позволявшая английскому врачу свободный выезд на родину, составлена в Москве 1 апреля 1568 г.¹⁶ Однако, как сообщил сэру Сесилу один из сотрудников компании, лекарь появился в столице в конце мая 1568 г. и получил от царя вознаграждение в размере 200 руб.¹⁷

Рейнольдс вернулся в Англию с твердым намерением принять сан священника. По королевскому указу от 7 августа 1568 г. он получил приход в городе Стеллфорд-Эббот, а через год в дополнение к первому ему был дарован приход в городе Ламборн¹⁸. Вскоре выяснилось, что пастор Рейнольдс врачует не только души, но и тела прихожан. 14 января 1571 г. члены Королевской медицинской коллегии провели аттестацию Рейнольдса и нашли его знания в области медицины неудовлетворительными. Согласно протоколу, Рейнольдс «по собственной инициативе сознался, что два года самовольно занимался врачебной практикой». Коллегия признала его виновным, ему был назначен штраф в размере 20 ф. ст. и тюремное заключение до выплаты штрафа¹⁹.

Вторично Рейнольдс был привлечен к суду за лечение без лицензии в августе 1579 г. На заседании коллегии он вел себя вызывающе. За оскорбление должностного лица его отправили в тюрьму, но вскоре освободили по ходатайству Тайного королевского совета. До конца жизни Рейнольдс управлял двумя приходами. Он умер в декабре 1606 г.²⁰

Короткий визит Рейнольдса в Россию оставил много вопросов. За какие заслуги он получил пожизненное покровительство Тайного королевского совета? Чем англичанин услужил Ивану Грозному? Несомненно, из рекомендательных писем русское правительство знало о незаконченном медицинском образовании студента. Тем не менее, царь остался им доволен и в том же году пригласил третьего по счету лекаря.

Элезиус Бомелиус родился в Голландии около 1530 г. Вырос он в вестфальском городе Везеле, куда его родители переехали в поисках убежища от религиозных преследований. Его отец, известный в протестантских кругах теолог Генри Бомелиус, в 1540 г. получил приход в церкви св. Виллиброрда²¹.

Весной 1555 г. в доме неподалеку от церкви поселились беглецы из Англии – протестанты Катерина и Ричард Бертъе, искавшие спасения от

агентов «кровавой» королевы Марии Тюдор. Соседи Бомелиусов принадлежали к высшей английской аристократии. Катерина Бертъе, урожденная баронесса Виллоуби де Эресби, по первому мужу носила титул герцогини Брандон и входила в круг королевской семьи. Второй брак герцогини, овдовевшей в 25 лет, наделал много шума в Лондоне: Ричард Бертъе, выпускник Оксфорда, служил в ее доме²².

Супруги Бертъе нашли в лице Бомелиусов добрых друзей. 12 октября 1555 г. Катерина родила мальчика. Его назвали Перегрин. Обряд крещения совершил пастор Генри Бомелиус, а Элезиус принял ребенка от купели²³. Вскоре тревожные известия о розыске Бертъе королевскими агентами заставили англичан покинуть Везель и перебраться сначала в Германию, а затем, по приглашению польского короля, – в местечко Крозе в Самогитии²⁴. Не ясно, сопровождал ли Элезиус Бомелиус своего крестника в Германии и Польше, но в Англию они прибыли одновременно.

В начале 1559 г., узнав о восшествии на престол Елизаветы I, исповедовавшей протестантство, Бертъе вернулись на родину. Едва ступив на английскую землю, Катерина Бертъе обратилась к старинному другу семьи сэру Сесилу с просьбой стать наставником юного Перегрин²⁵. Вероятно, благодаря содействию всесильного государственного секретаря, Бомелиуса приняли в Кембридж в порядке исключения, не оформив соответствующим образом документы. Через несколько лет это принесло ему большие неприятности.

Летом 1564 г. королева Елизавета I посетила Кембридж, в ее свите находился сэра Сесил. По некоторым данным, госсекретарь консультировался с Бомелиусом о возрасте королевы²⁶. Очевидно, ответ студента понравился сэру Сесилу. В том же году карьера Бомелиуса круто пошла вверх: он переехал в Лондон, женился на Джейн Рикардс, снял дом в центре торгового района Чипсайд и открыл медицинскую практику. Свободное время он посвятил изучению истории Англии. Свою теорию о пятисотлетних циклах великих потрясений он изложил в рукописи, озаглавленной «Полезная астрология». Согласно его прогнозу, серьезная опасность грозила королеве и государству в 1570 г., который отделяли от норманского завоевания ровно 502 года²⁷.

Вскоре Бомелиус стал одним из самых известных врачей Лондона. Среди его пациентов находились многие аристократы, но он не отказывал в помощи и беднякам. Он консультировал королеву, из-за чего приобрел врага в лице ее личного врача Томаса Френсиса, президента Королевской медицинской коллегии.

Весной 1567 г., когда Ричард Рейнольдс оформлял рекомендательные письма для поездки в Россию, в узких кругах лондонских врачей стало известно, что Бомелиус был привлечен к суду и приговорен к тюремному заключению за врачевание без свидетельства об окончании университета. Бомелиус обратился к сэру Сесилу с просьбой о материальной помощи. А получив свободу, подал 3 мая 1568 г. прошение в Оксфорд о включении

его в гильдию как агтестованного в Кембридже доктора медицинских наук²⁸.

Летом 1568 г. в Лондон прибыл русский посол Андрей Григорьевич Совин. Его официальное поручение состояло в подписании русско-английского союзнического договора, который включал пункт об отпуске специалистов (в том числе врача), добровольно изъявивших желание выехать в Россию. А также тайный наказ: заключить соглашение о предоставлении взаимного убежища царю – в Англии, а королеве – России. Английскую сторону на переговорах возглавлял сэр Сесил.

Окончательные изменения в текст союзнического договора были внесены к декабрю 1569 г. Пункты 5-й и 6-й о выезде специалистов получили королевское одобрение с небольшой поправкой²⁹. Кандидатура на должность царского лекаря уже была у сэра Сесила на примете: Бомелиус. Но хотел ли тот добровольно покинуть Англию?

В начале декабря 1569 г. Бомелиус вторично был привлечен к суду по обвинению во врачевании без образования и лицензии. Его жена бросилась за помощью к сэру Сесилу: 12 декабря руководство Королевской медицинской коллегии получило письмо, написанное госсекретарем от имени и по поручению Джейн Рикардс. Сэр Сесил выражал просьбу освободить врача, так как тот «предъявил королеве доказательства своей невиновности». Однако коллегия потребовала от Бомелиуса уплатить штраф в размере 35 ф.ст., а также запретила ему в дальнейшем заниматься врачебной практикой.

Бомелиус обратился к сэру Сесилу, умоляя восстановить справедливость. В письме от 13 января 1570 г. государственный секретарь предложил президенту коллегии обсудить вопрос при личной встрече, отметив, что «у него не было желания нанести обиду членам коллегии и что он был бы счастлив, если бы Бомелиус покинул Англию и уехал как можно дальше». Неизвестно, чем завершилась встреча, но «дело» врача переместилось в Церковный суд. Прогноз великих потрясений, изложенный в рукописи «Полезная астрология», послужил основанием для того, чтобы обвинить его в чародействе.

Как ни старались святые отцы, они не смогли доказать вину Бомелиуса, и 27 марта архиепископ Паркер распорядился досрочно освободить того из тюрьмы с условием, что тот больше не будет практиковать в Англии и покинет округ. Бомелиус с нетерпением ждал освобождения, но и по истечении недели распоряжение архиепископа не было исполнено.

Напрасно Бомелиус обращался к сэру Сесилу, напрасно передал ему часть рукописи «Полезная астрология»: тот не отвечал. Хуже того, «дело» вернулось в Королевскую медицинскую коллегию. В конце апреля он написал госсекретарю отчаянное письмо: он «не дождался ответа на свое предложение служить Королеве», за это время получил несколько предложений от русского посла отправиться в Россию, но без совета и разрешения сэра Сесила не может дать согласия. Он обещал передавать «информацию политического характера и присылать ежегодно небольшие подарки». И про-

сил решить его вопрос до ближайшего воскресенья с тем, чтобы Совин мог представить королеве его нижайшую просьбу, объяснить причину его пребывания в темнице и выхлопотать разрешение отправиться в Россию³⁰.

Снаряженные корабли уже ожидали отплытия. В начале мая губернатор «Московской» компании в записке, посланной через Дженкинсона, просил сэра Сесила отложить ратификацию союзнического договора на год и вместе с тем скорее завершить дела, поскольку «время года уже позднее». Русский посол также с нетерпением ожидал отъезда: 6 мая он обратился к государственному секретарю с пожеланием ускорить составление ответа на тайную грамоту, так как «время уходит». В документе подчеркивалось, что для ратификации секретного соглашения царь ожидает от английской стороны Дженкинсона. Совин получил королевский «отпуск» 18 мая³¹, однако выход в море все еще задерживался: ждали Дженкинсона и врача.

Бомелиуса продержали в тюрьме до 2 июня. Он был официально предупрежден коллегией, что «в случае повторного ареста в Лондоне или где-либо еще на территории Англии, он будет оштрафован на сумму в 100 фунтов». Врач с женой едва успели вскочить на борт отходящего корабля. В спешке Совин, должно быть, не заметил, что среди последних пассажиров не оказалось Дженкинсона. Вместо него на корабль сел англичанин со схожим по звучанию именем – Джон Стоу, историк и собиратель древностей. Покинуть Англию его заставили серьезные неприятности: ему грозило тюремное заключение по обвинению в неблагонадежности и симпатиях к иудаизму, в его доме дважды проводился обыск, были изъяты запрещенные книги³². Предложение уехать в Россию на должность «проктора» (управляющего) московской фактории оказалось как нельзя более кстати.

Корабли вошли в устье Двины в середине июля, а три месяца спустя выяснилось, что Дженкинсона нет среди прибывших англичан. В грамоте от 24 октября 1570 г. Иван Грозный разразился бранью в адрес королевы, обвинив в нарушении договора «мужиков торговых», которые отныне «верити не пригожи». Он лишил купцов всех привилегий, конфисковал товары и пригрозил свернуть торговую деятельность компании и выслать англичан. Среди виновных оказался и Бомелиус. Милость остаться в России он мог заслужить только личной преданностью царю.

В начале мая 1571 г. «Московская» компания получила заем из королевской казны в 3 тыс. талеров, чтобы предупредить Данию и Швецию о готовящемся походе через Зунд в Нарву 14 английских кораблей³³. Груз, который с нетерпением ожидали русские, отступая под натиском превосходящих сил хана Девлет-Гирея, вторгшегося на русские земли в апреле, представлял собой оружие и боеприпасы. В это же время в Лондоне были снаряжены еще два судна, следовавших северным путем. На одном из них находился Дженкинсон³⁴.

Слух о вот-вот готовом вступить в действие русско-английском союзническом договоре быстро распространился по Европе. Полученное «от пленных» известие о подходе на помощь русским 15 тыс. наемников герцо-

га Магнуса заставило 120-тысячное войско хана Девлет-Гирея отступить от Москвы. Иван Грозный «свой гнев отложил» от английских купцов³⁵. Им были возвращены все привилегии и даны новые. Из-за скандала с Джоном Стоу, спровоцированного англичанами, ратификация оборонительно-наступательного договора на условиях, предложенных Москвой, была отложена на год. Вторжение крымских татар заставило Ивана Грозного пойти на уступки английскому правительству, отказаться от заключения союзнического договора и подписать договор торговый³⁶.

Вина за понесенные компанией убытки была возложена на «мастера проктора», и его выслали на родину. Джон Стоу воспринял свою участь как «Промысел Божий»: он покинул Москву утром того дня, когда столица превратилась в пепелище на глазах у хана Девлет-Гирея. Вернувшись в Англию, Стоу купил дом в зажиточном районе Лондона и обеспечил приданым трех дочерей. Помимо этого, он получил доступ к городским архивам и создал свой главный труд – «Статистическое описание Лондона». Его пребывание в Москве держалось в секрете.

А Бомелиус был счастлив, что заслужил милость царя: тот приблизил его к своей особе. По его приказанию, английский врач начал составлять яды замедленного действия и испытывать на подданных государя. 26 июня 1571 г. он проводил медицинский осмотр царских невест, включавший визуальный анализ урины³⁷. Такой способ выявления токсических веществ по изменению цвета, предложенный Парацельсом, был хорошо известен врачам в XVI в. Очевидно, Бомелиус искал источник отравления государя и членов его семьи.

У царя имелись основания для подозрений. Как показали исследования останков Ивана Грозного и царевича Ивана Ивановича, проводившиеся сотрудниками НИИ Судебной медицины под руководством М.М. Герасимова в 1964 г., содержание в тканях ртути, мышьяка и меди многократно превышало норму³⁸. Смерть третьей жены, Марфы Собакиной, скончавшейся через три недели после свадьбы, подтвердила опасения государя, обвинившего в злодействе ее родных.

Видимо, Бомелиусу удалось улучшить состояние здоровья Ивана Грозного. В течение четырех последующих лет врач пользовался полным доверием своего пациента. К несчастью, осенью 1575 г. запас редких лекарственных трав иссяк «в казне»³⁹. С завершением навигации в Северном море, лекарство можно было доставить из Англии только через Балтику.

Согласно «Таможенной регистрации», с 1575 по 1577 гг. английские корабли швартовались в Риге, находившейся во владении польского короля. В октябре 1575 г., оставив жену и детей в Москве, Бомелиус сам отправился за лекарством в Ригу. Заподозрив в измене, его схватили в Пскове и вернули в столицу⁴⁰, где в это время шли казни по делу новгородского архиепископа Леонида. После страшных пыток он скончался.

Подробности допросов Бомелиуса и обстоятельства его смерти перedal в своих записках купец «Московской» компании Джером Горсей.

По его словам, Бомелиус был «порочным человеком», он пересылал в Везель «через Англию большие богатства, скопленные в России»⁴¹. Купец сообщил неточные сведения: к тому времени у Бомелиуса в Везеле никого не осталось. Его отец еще в 1559 г. перебрался Дисбург, где и умер в 1570 г.⁴² Очевидно, фраза Горсея означала, что Бомелиус, как и обещал сэру Сесилу, отправлял в Лондон политические сведения под видом переписки со своим крестником – Пегрином Бертье, единственным человеком, который связывал его с Везелем. Горсей назвал Бомелиуса «врагом англичан». Не хотел ли он этим сказать, что информация, которую тот передавал в Лондон, являлась ложной? Если это так, то русские все же переиграли англичан.

Не только в Англии, но и в России Бомелиус оставил по себе дурную славу «вохва лютого». Однако был ли он злодеем на самом деле? Не досталась ли ему, так же как и двум его предшественникам, судьба легкой фигуры в «шахматной партии», которую разыгрывали два могущественных противника?

Примечания

¹ *Гамель И.Х.* Англичане в России в XVI и XVII столетиях. СПб., 1865; *Anderson M.S.* Britain's Discovery of Russia, 1553–1815. N.Y., 1958; *Bisson, D. R.* The Merchant Adventurers of England: the Company and the Crown, 1474–1564. L., 1993; и др.

² *Gerson A.J.* The Organization and Early History of the Muscovy Company // *Studies in the History of English Commerce in the Tudor Period.* N.Y., 1912. P. 117–120.

³ *Munk W.* Lives of the Fellows of the Royal College of Physicians, 1518–1800. L., 1878. Vol. I. P. 56.

⁴ *Calendar of State Papers and Manuscripts Relating to English Affairs Existing in the Archives and Collections of Venice.* L., 1884. Vol. VI, pt. I. P. 143; Pt. II. P. 1005.

⁵ *Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation.* Glasgow, 1903. Vol. II. P. 357.

⁶ *Толстой Ю.* Первые сорок лет сношений между Россией и Англией, 1553–1593. СПб., 1875. С. 16–17.

⁷ *Principal Navigations...* P. 358.

⁸ *Munk W.* Op. cit. P. 56.

⁹ *Principal Navigations...* P. 429–436.

¹⁰ *Munk W.* Op. cit. P. 56.

¹¹ *Гамель И.Х.* Указ. соч. С. 77.

¹² *Толстой Ю.* Указ. соч. С. 35–36.

¹³ *Bishop W.J.* English Physicians in Russia in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // *Proceedings of the Royal Society of Medicine.* Vol. 23 (2). L., 1929. P. 145.

¹⁴ A gratulatory epistle of Richard Reynolds to Sir W.Cecil, being a scholar maintained by him. Nov. 6, 1552 // *Britain Library. Manuscripts, Lansdowne.* Vol. 3. F. 12.

¹⁵ *Bishop W.J.* Op. cit. P. 145.

¹⁶ *Толстой Ю.* Указ. соч. С. 66.

¹⁷ *Calendar of State Papers Foreign, Elizabeth: 1566–1568.* L., 1871. Vol. 8. P. 492.

¹⁸ *Smith C.F.* Reynolds, Richard // *The Dictionary of National Biography.* L., 1896. Vol. 48. P. 68.

¹⁹ *Bishop W.J.* Op. cit. P. 145.

²⁰ *Smith C.F.* Op. cit. P. 68.

²¹ *Lee S.* Eliseus Bomelius // *The Dictionary of National Biography.* N.Y., 1908. Vol. II. P. 796.

- ²² *Cooper T. Bertie*, Richard // The Dictionary of National Biography. N.Y., 1885. Vol. IV. P. 407–408.
- ²³ *Lee S.* Op. cit. P. 796.
- ²⁴ *Cooper C.H., Cooper T.* Athenae Cantabrigienses. Cambridge, 1858. Vol. I. P. 454.
- ²⁵ *Lee S.L. Bertie Peregrine* // The Dictionary of National Biography. N.Y., 1885. Vol. IV. P. 404.
- ²⁶ *Bishop W.J.* Op. cit. P. 146.
- ²⁷ *Strype J.* The life and acts of Matthew Parker, first archbishop of Canterbury in the reign of Queen Elizabeth. L., 1711. B. IV. P. 294.
- ²⁸ *Lee S.* Op. cit. P. 796.
- ²⁹ *Толстой Ю.* Указ. соч. С. 80.
- ³⁰ *Hamel J.* England and Russia: Comprising the Voyages of John Tradescant the Elder, Sir Hugh Willoughby, Richard Chancellor, Nelson and Others, to the White Sea. L., 1854. P. 203–205.
- ³¹ *Толстой Ю.* Указ. соч. С. 84, 87, 99–101.
- ³² *Hiatt A. Stow, Grafton, and Fifteen-century Historiography* // John Stow (1525–1605) and the Making of the English Past. L., 2004. P. 51–54.
- ³³ *Толстой Ю.* Указ. соч. С. 118.
- ³⁴ *Дженкинсон А.* Путешествия м. Антона Дженкинсона // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. № 4. М., 1884. С. 74.
- ³⁵ *Толстой Ю.* Указ. соч. С. 123.
- ³⁶ *Дженкинсон А.* Указ. соч. С. 86–90.
- ³⁷ Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе // Русский исторический журнал. 1922. № 8. С. 55–56.
- ³⁸ *Алисиевич В.И.* Череп Ивана Грозного: Судебно-медицинское исследование останков Царя Ивана Грозного, его сыновей и князя Скопина-Шуйского // Записки криминалистов. Вып. 1. М., 1993. С. 166.
- ³⁹ *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного: Записки немца-опричника. М., 1925. С. 124. Там же. С. 124.
- ⁴⁰ Там же. С. 124.
- ⁴¹ *Горсей Дж.* Записки о России, XVI–начало XVII. М., 1991. С. 75.
- ⁴² *Lee S.* Op. cit. P. 796.

Кониченко Ж.Д., Юрченков В.А. На пороге реформ: Общественно-политическая жизнь Мордовии в первой половине 1990-х годов. Саранск, 2006. – 368 с.

НОВЫЙ ЭТАП В ИЗУЧЕНИИ ОРГАНОВ ВЛАСТИ МОРДОВИИ В ПЕРИОД ПОСТСОВЕТСКОГО «СУВЕРЕНИТЕТА»

До издания монографии Ж.Д. Кониченко и В.А. Юрченков развитие политической системы Мордовии в первой половине 1990-х гг. не становилось предметом комплексного изучения. Исследовались лишь отдельные аспекты развития общественно-политической жизни, часто давалась лишь описательная или краткая справочная информация. Авторами чаще всего были юристы, социологи, а не историками, что не могло не накладываться отпечаток на содержание и направление исследований. Лишь в немногих изданиях присутствовал исторический подход, рассматривалось становление республиканских институтов власти в динамике, учитывая внешние и внутренние факторы, влияющие на этот процесс, но и они не свободны от недостатков, обусловленных как политической конъюнктурой, так и узостью источниковой базы.

Таким образом, монография Ж.Д. Кониченко и В.А. Юрченкова представляет собой первое целостное научное исследование, в котором авторы попытались представить объективную картину общественно-политического развития Мордовии в первой половине 1990-х гг. – времени оформления в регионе политической системы современного типа.

По мнению авторов монографии, в процессе политической трансформации республика прошла несколько этапов, различающихся содержанием общественно-политической жизни и основными движущими силами.

В 1990–1991 гг. основными участниками политической борьбы были действующие республиканские органы власти, с одной стороны, и оппозиционное им демократическое движение – с другой. Этот этап завершился победой лидера местного отделения движения «Демократическая Россия» В.Д. Гуслияникова на выборах президента республики в декабре 1991 г.

В 1992–1993 гг. главной движущей силой политической жизни стала борьба между президентом и Верховным Советом Мордовии, которая завершилась победой последнего и упразднением поста президента. Роль демократического движения на этом этапе резко снизилась и постепенно

сошла на нет. Республику в это время возглавлял председатель Верховного Совета Мордовии Н.В. Бирюков (выходец из советской номенклатуры).

В 1993–1995 гг. основная борьба шла внутри политической элиты, сформировавшейся в советский период. Этот этап закончился победой Н.И. Меркушкина и принятием новой Конституции Республики Мордовия в сентябре 1995 г. После этого произошли консолидация и упрочение региональной политической власти.

Авторская концепция периодизации развития политической системы Мордовии заслуживает особого внимания. По сути, по мнению Ж.Д. Кониченко и В.А. Юрченкова, республика прошла следующие этапы: советская республика (до конца 1991 г.), президентская (1992–1993 гг.), советско-парламентская (1993–1994 гг.) и современная (с 1995 гг.). Данная периодизация вполне выдерживает критический подход и, как показывает анализ, проведенный авторами, наиболее адекватно отражает ход трансформации политической системы Мордовии. Кроме этого, по мнению авторов, важной особенностью политического развития Мордовии в первой половине 1990-х гг. было то, что она не принимала участие в «параде суверенитетов», трансформировав свой государственно-правовой статус без провозглашения и конституционного оформления суверенитета (Декларация о государственно-правовом статусе МССР, принятая в декабре 1990 г., была вполне «умеренной»).

Достоинством монографии является то, что, давая свою оценку различным событиям, происходившим в это время в Мордовии, авторы оставляют читателю возможность самостоятельно, на основании приведенных в тексте документов, сделать собственные выводы. Монография насыщена документами; там, где это возможно, они приводятся полностью. Внешне это выглядит как излишне обильное цитирование. Но, по всей видимости, это оправданно, так как позволяет наиболее полно и без искажений передать позицию того или иного политика или автора, почувствовать «дух» времени, ощутить накал политической борьбы начала 1990-х гг.

Другое дело, что книге явно не хватает компаративистского подхода: неплохо было бы сравнить процессы, происходившие в Мордовии в начале 1990-х гг., с процессами в других регионах (и прежде всего – в национальных республиках), но данное сравнение, по-видимому, и не входило в задачи авторов монографии. В тоже время бесспорным достоинством является применение междисциплинарного подхода, с привлечением, помимо исторических, также и методов юридической науки, а также политологии и социологии, что вполне оправданно, учитывая специфику проблематики монографии.

Вообще, эта книга ярко выделяется на фоне остальных исследований мордовских ученых, посвященных новейшей истории республики. К достоинствам ее относится и системный подход авторов к раскрытию темы. Он выражается, во-первых, в том, что в монографии рассматриваются, по возможности, все стороны общественной жизни Мордовии, при этом их

исследование проводится в контексте общероссийских процессов, происходивших в это же время. Во-вторых, системный подход проявляется и в том, что авторы рассматривают точки зрения всех сторон, участвовавших в политической борьбе в Мордовии в эти годы, привлекая для этого как опубликованные источники, так и архивные материалы, свидетельства участников событий, происходивших в республике. Еще раз повторим, что особенностью и достоинством монографии является широкая документальная база, привлечение правовых актов и стенографических отчетов заседаний различных органов власти Мордовии, цитирование которых позволяет автору наглядно и убедительно аргументировать те или иные свои положения и выводы.

В этой связи необходимо отметить, что исторический подход к изучению «транзитного» периода истории Мордовии позволил авторам монографии избежать выводов о случайности тех или иных событий, происходивших в это время. На основе изученных документов и свидетельств очевидцев событий авторами утверждается тезис о единственно возможном варианте развития политической ситуации в Мордовии в начале 1990-х гг., предопределенным как экономическим потенциалом республики, так и национальным и социальным составом населения.

Отдельная глава монографии посвящена изучению общественно-политических движений, возникших и активно действовавших в Мордовии в то время. Эти движения справедливо называются авторами показателями политической трансформации в республике, и их подробное изучение оправданно той ролью, которую они играли в общественно-политической жизни Мордовии в начале 1990-х гг. Кроме того отдельно рассматриваются различные течения в мордовском национальном движении, также испытывавшем в это время мощный подъем. Его представители (прежде всего, члены самого мощного и политически активного движения «Масторава») принимали активное участие в событиях политической жизни республики, сначала на стороне демократической оппозиции, от союза с которой вследствие серьезных противоречий по вопросу «суверенитета» Мордовии им постепенно пришлось отказаться, а затем самостоятельно. Впоследствии, в силу объективных факторов, влияние мордовского национального движения в политике Мордовии сошло на нет. Причины этого процесса, его ход также подробно рассматриваются в монографии Ж.Д. Кониченко и В.А. Юрченкова.

Стоит отметить, что книга носит не только научный, но и справочный характер. В приложениях, которые занимают более половины ее объема, представлены документы, относящиеся к важнейшим событиям этого периода истории Мордовии. В частности, представлены документы о принятии Декларации о государственно-правовом статусе МССР (ноябрь–декабрь 1990 г.), о политической ситуации в Мордовии в связи с деятельностью ГКЧП СССР, о президентской республике в Мордовии (1992–первая

половина 1993 г.). В их состав вошли тексты проектов и окончательных редакций правовых актов, стенографических отчетов с заседаний Верховного Совета Мордовии (включая и выступления депутатов по важнейшим вопросам), статей в периодической печати Мордовии, писем жителей республики в различные органы власти. Также в приложения включены программы и уставы различных движений, важнейшие документы, отложившиеся в ходе их деятельности, публикации в печати. Представленные документы ранее не публиковались в рамках одного издания.

Таким образом, в монографии Ж.Д. Кониченко и В.А. Юрченкова впервые предложен исторический подход к исследованию общественно-политической жизни Мордовии в первой половине 1990-х гг., сочетающий в себе системный взгляд и детализацию при изучении отдельных вопросов общественной жизни. Полноценное исследование темы позволяет авторам сделать обоснованные выводы о характере процесса развития Мордовии в период трансформации ее политической системы, об основных проблемах, которые приходилось решать в экономике и политике республики в эти годы, об особенностях, накладываемых на этот процесс спецификой «суверенной» республики в составе России. Исследование процесса трансформации политической системы Мордовии авторы монографии ограничивают сентябрем 1995 г., когда была принята действующая сейчас Конституция Мордовии и сформирована современная структура органов государственной власти республики: глава Республики Мордовия – высшее должностное лицо Мордовии; Государственное собрание – высший представительный и законодательный орган власти; правительство – высший орган исполнительной власти; суды.

Тем самым авторы заложили добротную основу для изучения истории дальнейшего развития политической системы Мордовии, во второй половине 1990-х–2000-е гг.

В частности, важно отметить, что структура власти, сложившаяся в Мордовии в 1995 г., остается неизменной до сих пор, а что касается политического строя, то, по сути, произошла консервация авторитарного режима с главой республики Н.И. Меркушкиным, находящимся в центре системы органов власти. Несомненно, данное положение вещей имеет своими истоками процессы, протекавшие в 1994–1995 гг., когда к власти пришла правящая сейчас в республике группировка элиты.

В этой связи показательны взаимоотношения, сложившиеся постепенно между Государственным собранием и главой Мордовии, то есть законодательной и исполнительной властью республики. Начиная с осени 1995 г., с момента принятия Конституции Мордовии и введения поста главы Мордовии, который занял Н.И. Меркушкин, он стал играть ведущую роль в политической жизни республики. Фактически деятельность парламента была подчинена главе Республики Мордовия и сводилась к законодательному обеспечению его политики. Это подтверждается помимо прочего и

сведениями о распределении законопроектов по субъектам законодательной инициативы. Согласно открытым источникам, за время работы Государственного собрания Республики Мордовия трех созывов повысилась доля законопроектов, внесенных главой республики (с 8,2 % в 1995–1998 гг. до 39,2 % в 2003–2005 гг.) и снизилась доля законопроектов, внесенных правительством (с 56,2 % до 27,9 % соответственно), осталась практически неизменной доля законопроектов комитетов и Совета Государственного собрания (около 32 %).

Ослабление роли парламента в структуре власти Мордовии вызвана совокупностью причин. Так, реальная власть в республике (всегда связанная с руководством исполнительной властью) изначально была у главы Республики Мордовия, который мог добиться назначения своего кандидата на пост главы правительства Мордовии под угрозой роспуска парламента и заблокировать любые законы, принятые Государственным собранием (для преодоления вето нужно повторное одобрение закона большинством не менее двух третей голосов от установленного числа депутатов, то есть, фактически, большинство депутатов должно быть представителями оппозиции). Расплывчатые формулировки Конституции Республики Мордовия («принимает меры по защите прав и свобод человека и гражданина, по согласованному функционированию государственных органов Республики Мордовия» и т.п.) позволяли принимать указы главы по любому вопросу. Впрочем, этого не требовалось: абсолютное большинство депутатов всех трех созывов Государственного собрания были сторонниками главы Республики Мордовия (большинство за сторонниками Н.И. Меркушкина в Государственном собрании второго и третьего созывов в значительной степени обеспечивалось применением административного ресурса). Таким образом, ситуация в Мордовии в этом отношении была аналогична положению дел во многих российских республиках, где главы исполнительной власти административными методами тоже добивались максимально-го представительства своей клиентелы в парламентах.

Сосредоточению реальной власти у главы Республики Мордовия способствовало и то обстоятельство, что практически одновременно с принятием Конституции и выборами председателя Государственного собрания Н.И. Меркушкина на пост главы Республики Мордовия в республике был завершён период реального двоевластия: 25 сентября 1995 г. от долгой болезни скончался председатель Совета министров Республики Мордовия В.Н. Швецов, назначенный еще «старым» Верховным Советом МССР с гарантиями несменяемости в течение 2-х лет.

Начиная со второй половины 1990-х гг. в республике прошли три электоральных цикла (выборы парламента в 1999, 2003 и 2007 гг.), по результатам которых властная элита сохраняла статус-кво. Конечно, частичное обновление депутатского корпуса и руководящих органов парламента происходило, но из-за того, что в Государственном собрании нового созыва абсолютное

большинство депутатов, из которых рекрутировались кандидаты на руководящие должности, были сторонниками Н.И. Меркушкина, реального изменения в расстановке политических сил внутри парламента не происходило.

Все это время парламент занимался законодательным обеспечением политики главы республики, не играя самостоятельной роли в политической жизни республики. Между тем, как показывают в своей монографии Ж.Д. Кониченко и В.А. Юрченков, в начале 1990-х гг. республиканский парламент был центром системы органов власти и в понижении его статуса и влияния (здесь ситуация в Мордовии была аналогична ситуации на федеральном уровне) есть коренное отличие между двумя этими периодами новейшей истории республики.

Весь современный период (начиная с 1995 г.) истории республики правящая элита не пыталась расширить границы ее суверенитета. Наоборот: начиная с прихода к власти В.В. Путина, она активно поддерживала процесс укрепления вертикали власти, причиной чему была постоянная зависимость от дотаций из Москвы. Этим же объясняется и та легкость, с которой парламент Мордовии по требованию федерального центра (как правило, выраженному в прокурорских представлениях) вносил изменения в республиканское законодательство.

Таким образом, можно сказать, что осенью 1995 г., с принятия новой Конституции Мордовии начался новый период в жизни республики, фактически с президентской формой правления (в данном случае аналогом президентского поста является пост главы республики) и политическим режимом, который условно можно обозначить применяемым некоторыми авторами термином «региональный авторитаризм».

Несомненно, не этого ожидали те демократы Мордовии «первой волны», которые так активно боролись в начале 1990-х гг. против коммунистического режима за «гласность» и «власть Советов». Как показано в монографии Ж.Д. Кониченко и В.А. Юрченкова, эта борьба была серьезным испытанием для демократической общественности Мордовии, и она принесла свои плоды. Именно тогда в республике стали складываться зачатки гражданского общества, формироваться общественные структуры, в том числе и ради контроля над органами власти. Особенно важно то, что эти процессы зачастую шли автономно от процессов общероссийских. Конечно, в этот период было сделано много ошибок, ведь навыков жизни в условиях демократии у граждан не было, но результатом их стало приобретение бесценного опыта борьбы за свои права, за представительство общественных интересов в структурах государственной власти. Ж.Д. Кониченко и В.А. Юрченков абсолютно правы, когда заявляют, что именно в начале 1990-х гг. в Мордовии произошла замена политической системы советского типа политической системой демократического типа, хотя последняя и не свободна от многих недостатков «молодых» демократий.

В.В. Тетерин

Статьи

Грешных А.Н. Предание о царе Янусе в античной традиции 5

Грешных Анна Николаевна – старший преподаватель кафедры всеобщей истории Историко-архивного института РГГУ
vestalis76@yandex.ru

В статье предпринята попытка установить исторически достоверную основу предания о царе Янусе – одном из самых древних и почитаемых римских божеств. Анализ данных традиции и археологических источников демонстрирует наличие архаических черт у культа Януса как древнейшего царя Лация, позволяет датировать происхождение предания о нем 1-й половиной II тысячелетия до н.э. и видеть в нем следы воспоминания о переселении первых италиков на Апеннинский полуостров.

Янус, культуртрегер, культ, ранние латины

Борщик Н.Д. Курск и куряне в XVII в. 14

Борщик Наталья Дмитриевна – канд. ист. наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Курского государственного университета
arktur4@rambler.ru

В статье рассматривается процесс заселения Курского края – одного из регионов южного порубежья Московского государства. На основании данных малоизвестных источников анализируются изменения численности и состава населения региона на протяжении XVII в.

Курский регион, Курск, численность населения, состав населения

Ревин И.А. Истоки аграрного противостояния казаков и крестьян на Дону 20

Ревин Иван Алексеевич – канд. ист. наук, доцент кафедры теории государства и права и отечественной истории Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасск)
ivarev@mail.ru

В статье рассматриваются причины возникновения аграрного вопроса на Дону, формирование помещичьего землевладения и появление крестьянского землепользования, противостояние казаков захвату юртовых земель старшинами, политика правительства и войсковой администрации в отношении донских казаков в дореформенный период. Особое внимание уделено переселенческой политике в Войске Донском, крестьянской колонизации края, массовому появлению хуторов.

Войско Донское, крепостное право, казачество, крестьянство, аграрный вопрос, сословная дифференциация, этническая дисперсия

Мартыненко Н.К. Проституция в императорской России: от запрета к легализации	30

Мартыненко Надежда Константиновна – канд. ист. наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин Волжского университета имени В.Н. Татищева (Тольятти Самарской обл.)
nkm1tru1@rambler.ru

В статье рассматриваются исторические предпосылки легализации проституции в России. В условиях традиционного для российского государства преследования проституции главной причиной ее «терпимости» в середине XIX в. являлась организация контроля над ней как над основной виновницей распространения венерических заболеваний. Верность властей запретительному курсу в отношении «непотребства» выразилась в административном, а не законодательном характере регламентации легальной проституции.

Проституция, легализация проституции, врачебно-полицейский контроль

Ростиславлева Н.В. Либерал Д. Ганзман и его представления о единстве Германии	38

Ростиславлева Наталья Васильевна – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории Историко-архивного института РГГУ
ranw@mail.ru

В статье рассматриваются представления о единстве Германии масштабного и прагматичного предпринимателя и политика Д. Ганзмана, который в 30–50-е гг. XIX в. был лидером либералов Рейнской области Пруссии. В контексте биографии политика показаны его шаги к достижению немецкого единства, но в фокусе статьи находятся критические заметки Ганзмана по поводу Имперской конституции 1849 г., в которых либерал предстал абсолютным апологетом Пруссии.

Единство Германии, Пруссия, Рейнская область, либерализм, Имперская конституция

Юдина Т.В. Социально-трудовые конфликты на концессионных предприятиях СССР в 1920-е гг.	45

Юдина Таисия Васильевна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России, проректор по учебно-воспитательной работе Волгоградского государственного университета
uvtrgogector@volsu.ru

В статье рассматриваются социально-трудовые конфликты на концессионных предприятиях СССР в 1920-е гг., выявляются их причины, формы и способы разрешения. Проанализирована роль профсоюзов в разрешении трудовых конфликтов между иностранными предпринимателями и советскими рабочими

Концессии, социально-трудовые конфликты, концессионные предприятия, профессиональные союзы, рабочие

Вязова О.Г. Местная власть и кооперация Чувашии в годы нэпа	54

Вязова Ольга Георгиевна – канд. ист. наук, доцент, докторант кафедры археологии, этнографии и региональной истории Исторического факультета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова

o-vyazova@rambler.ru

В статье рассматривается взаимодействие местной власти и кооперации Чувашии в годы новой экономической политики. В период нэпа на местах проявлялись усвоенные в годы военного коммунизма подходы к кооперации, что приводило к двойственности кооперативной политики. Отсутствие последовательности при выполнении благоприятных для кооперации решений создавало сложности в работе кооперативов, мешало им финансово укрепиться, сдерживало процессы кооперирования крестьян и кустарей.

Чувашия, кооперация, новая экономическая политика, кооперативная политика, конкуренция

Ланской Г.Н. Своеобразие экономического развития России в неопубликованном наследии М.Н. Покровского	60

Ланской Григорий Николаевич – канд. ист. наук, доцент кафедры аудиовизуальных документов и архивов Историко-архивного института РГГУ

gri_lanskoi@list.ru

Статья посвящена представлениям М.Н.Покровского об экономическом развитии России. На основании архивных источников проанализированы его взгляды на организацию экономической политики, сельского хозяйства, промышленности и торговли. Автор делает вывод об устойчивости содержания концепции М.Н.Покровского по данным вопросам.

М.Н. Покровский, экономическая политика, экономическое развитие, Россия

Гераськин Ю.В. Из истории хрущевского наступления на Русскую православную церковь	71

Гераськин Юрий Вениаминович – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России Рязанского государственного университета
yu.geraskin@rsu.edu.ru

В статье рассматривается государственная политика ограничения церковных доходов во время наступления на религию при Н.С. Хрущеве. Несмотря на финансовый и налоговый гнет, хозяйственная система РПЦ сумела выстоять благодаря поддержке верующих.

Русская православная церковь, церковное хозяйство, доходы, налоговая политика

Доклады и сообщения

Дунаева А.Ю. Полиция Московской губернии в начале XX в.: условия службы и материальное положение 80

Дунаева Анастасия Юрьевна – аспирантка кафедры истории России нового времени Историко-архивного института РГГУ
dunaeva07@mail.ru

В статье рассматриваются условия службы чинов полиции Московской губернии в начале XX в., их жалование и материальное обеспечение. Показывается, как недостатки содержания и материально-технического снабжения полиции снизили эффективность ее борьбы против революционного движения.

Москва, полиция, жалование, материально-техническое снабжение, революционное движение

Антибольшевистская Россия

Иоффе Г.(Канада) Революционер: Жизнь и смерть Бориса Савинкова 87

Иоффе Генрих Зиновьевич – докт. ист. наук, член редколлегии «Нового Журнала» (Нью-Йорк)
ioffe@videotron.ca

Новая работа известного историка посвящена легендарному русскому революционеру Б.В. Савинкову, его взглядам, роли в организации революционного террора партии эсеров против самодержавия, участия в строительстве демократической России в 1917 г., борьбе против большевистского режима.

Б.В. Савинков, партия эсеров, революционный террор

Карпенко С.В. «Брать сейчас взятку – значит торговать Россией!»: госаппарат и чиновничество врангелевской диктатуры 98

Карпенко Сергей Владимирович – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России новейшего времени Историко-архивного института РГГУ
skarpenk@mtu-net.ru

В статье анализируется работа государственного аппарата военной диктатуры генерала П.Н. Врангеля в 1920 г., закономерности его разложения и коррупции, причины низкой эффективности его работы, его отрицательное влияние на реформаторскую политику правительства П.Н. Врангеля и А.В. Кривошеина.

П.Н. Врангель, А.В. Кривошеин, Белое движение, бюрократия, коррупция

Калугин Ю. Кровавая Пасха: дело казака Сенина 113

Калугин Юрий Георгиевич – кинорежиссер, член Союза кинематографистов и Союза журналистов России, доцент кафедры операторского мастерства С.-Петербургского университета кино и телевидения
tat66360700@yandex.ru

Очерк рассказывает о трагической судьбе донского казака А.С. Сенина, который участвовал в казни главы Донской советской республики Ф.Г. Подтелкова, а затем, и во время Гражданской войны и после нее, боролся против большевистской власти на Дону.

Гражданская война, Донская область, казаки, антибольшевистское сопротивление

Новиков А.П. В.М. Чернов и эсеровская эмиграция в начале 1920-х гг. 118

Новиков Александр Павлович – канд. философ. наук, доцент кафедры социологии Саратовского государственного технического университета
novikov@rol.ru

В статье рассматриваются формирование и деятельность эсеровской эмиграции в начале 1920-х гг., основные политические течения в ее среде. Особое внимание уделяется деятельности лидера партии эсеров В.М. Чернова по сплочению эсеровской эмиграции на основе партийной платформы, разработанной IV съездом ПСР.

В.М. Чернов, партия социалистов-революционеров, антибольшевистская эмиграция

Алипов П.А. Историк М.И. Ростовцев: научный успех эмигранта 128

Алипов Павел Андреевич – аспирант кафедры истории и теории исторической науки Историко-архивного института РГГУ
palipov@mail.ru

Статья посвящена жизни и творчеству выдающегося русского историка античности М.И. Ростовцева. Рассматривается его научная деятельность до и после эмиграции из России. Показано, что идеи, высказанные Ростовцевым в годы его работы в США и принесшие ему мировую известность, уходят своими корнями в российский период его научного творчества.

М.И. Ростовцев, древние цивилизации, антиковедение, циклическая теория, историографический миф

События и судьбы

Таймасова Л.Ю. «Дело Бомелиуса» 134

Таймасова Людмила Юлиановна – соискатель кафедры всеобщей истории Тверского государственного университета, стажер Европейского отдела Библиотеки Конгресса США, литератор
taimassova@yandex.ru

В статье рассказывается о судьбе английского врача Э. Бомелиуса и двух коллег, Р. Стендиша и Р. Рейнольдса, посетивших Россию в 1570–1575 гг. Каждый из врачей накануне отъезда столкнулся с проблемами, связанными с нарушением закона, долгами или оформлением лицензии, позволявшей практиковать в Англии. Несмотря на это, все трое получили

прекрасные рекомендации и сыграли заметную роль при дворе Ивана Грозного.

Э. Бомелиус, Иван Грозный, Московская компания, англо-русские отношения, медицина

У книжной полки

Тетерин В.В. Новый этап в изучении органов власти Мордовии в период постсоветского «суверенитета» 143

Тетерин Виктор Владимирович – аспирант кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций Историко-архивного института РГГУ
teter@mail.ru

В статье в контексте современной историографической ситуации проводится критический анализ монографии **Ж.Д. Кониченко и В.А. Юрченкова «На пороге реформ: Общественно-политическая жизнь Мордовии в первой половине 1990-х годов» (Саранск, 2006)**, анализируется процесс эволюции политической системы Мордовии во второй половине 1990-х–2000-е гг.

Мордовия, постсоветская Россия, суверенитет, органы власти, демократизация

CONTENTS, AUTHORS, SUMMARIES

Articles

A. Greshnykh The legend of King Janus in ancient narrative tradition 5

Anna N. Greshnykh – senior lecturer of the department of General history of Institute for History and Archives RSUH
vestalis76@yandex.ru

The article is focused on the researching of authentic base of the legend of King Janus – one of the earliest and most worshiped roman God. The analysis of the tradition and archeological sources shows that the cult of Janus as the first king of the Latin has archaic features and its origin can be dated back to the early II c. BC and considered as “memory” of appearance of the earliest Italics in the Apennine peninsula.

Janus, culture hero, cult, early Latin

N. Borschik Kursk and its population in XVII c. 14

Natalia D. Borschik – candidate of History, senior lecturer of the department of State and municipal management of Kursk State University
arktur4@rambler.ru

The process of the settlement of Kursk Region which was one of the southern regions of Moscow State is revealed in the article. The attempt to find out the number of population and its composition in Kursk Region over the XVII c. has been made.

Kursk Region, Kursk, number of population, composition of population

I. Revin The Root of Cossack–peasant agrarian opposition in Don lands 20

Ivan A. Revin – candidate of History, senior lecturer of the department of Theory of State and Law & Domestic History of South-Russian State Technical University (Novocherkassk)
ivarev@mail.ru

The article considers the causes of rising of the agrarian problem in Don Host Region, the processes of landed estates and peasant landholding formation. Ordinary Cossacks' actions against seizing the “yurt” (public) lands by chiefs, central government's and the local authorities' policy as regard the Cossack population in the pre-Reform period are also under investigation. Special place is spared for resettlement policy, peasant colonization of Don Lands, appearance of a great many hamlets.

Don Host, serfdom, Cossacks, peasantry, the agrarian problem, estate differentiation, ethnic dispersion

N. Martynenko Prostitution in Imperial Russia: from the interdiction to legalization 30

Nadezhda K. Martynenko – candidate of History, senior lecturer of Volzhskii University named after V. Tatishchev (Toliatti Samara prov.)
nkmtltru1@rambler.ru

In article it is considered historical preconditions of legalization of prostitution in Russia. In the conditions of prosecution of prostitution traditional for the Russian state the main reason of its "tolerance" in the middle of XIX c. was the control organization over it as over the basic culprit of distribution of venereal diseases. Fidelity of the authorities to a prohibitive course concerning debauchery was expressed in administrative, instead of in legislative character of bases regulations to legal prostitution.

Prostitution, regulation of prostitution, medical-police control

N. Rostislavleva Liberal D. Hanseman and his concept to the unity of Germany 38

Natalia V. Rostislavleva – candidate of History, senior lecturer of the department of General history of Institute for History and Archives RSUH
ranw@mail.ru

The article is focused on the concept of German unity of the prominent businessman D. Hanseman who in the 30's–50's of the XIX c. was as leader in the liberalism of the Rhine region in Prussia. In the context his biography the authoress is considered his criticism to the imperial constitution (1849) of Germany from a position of Prussia.

Unity of Germany, Prussia, the Rhine region, liberalism, the imperial constitution

T. Yudina Social and labor tensions at Soviet concession enterprises in 1920's 45

Taisiya V. Yudina – candidate of History, senior lecturer of the department of Russian history of Volgograd State University, pro-rector
uvrprorector@volsu.ru

The article is focused on social and labor tensions at Soviet concession enterprises in 1920's, reasons, forms and ways of their resolution. The role of trade unions in solving labor tensions between foreign entrepreneurs and native workers is analyzed.

Concession, social and labor tensions, concession enterprises, trade unions, workers

O. Viazova The local authorities and the Chuvash cooperation in the years of New Economic Policy 54

Olga G. Viazova – candidate of History, senior lecturer working for Doctor's of Archeology, ethnography and regional history department of Division for History of Chuvash State University named after I.N. Ulianov
o-vyazova@rambler.ru

The article considers the interaction of local authorities and the co-operation of Chuvashia in the years of New Economic Policy. In the period of New Economic Policy the approaches of co-operation, learning in the years of war communism, became apparent in the places that caused the duality of cooperative policy. The absence of succession during the realization of favor-

able for cooperation decisions made difficulties with co-operative work, prevented them from being financially strengthened, restrained the processes of co-operation of peasants and handicraftsmen.

Chuvashia, co-operation, New Economic Policy, co-operative policy, competition

G. Lanskoï The specifics of economic development of Russia in unpublished heritage of M.N. Pokrovskiy 60

Grigori N. Lanskoï – candidate of History, senior lecturer of the department of Audiovisual documents and archives of Institute for History and Archives RSUH
gri_lanskoï@list.ru

The article is devoted to the content of views of M.N. Pokrovskiy on the economic development of Russia. In it on the base of archival sources were analyzed his views on the organization of economic policy, agriculture, industry and trade. Author makes the summary about the stability of the content of conception of Pokrovskiy concerned these questions.

M.N. Pokrovskiy, economic policy, economic development, Russia

Yu. Geraskin From history of Khrushchev's approach to Russian Orthodox Church 71

Juriy V. Geraskin – candidate of History, senior lecturer of the department of Russian history of Ryazan State University
yu.geraskin@rsu.edu.ru

The article is focused on the most common forms the state policy of restriction of church incomes in Khrushchev's approach to religion. Despite financial and a tax burden the church economy has managed to stand thanks to support of believers.

Russian Orthodox Church, church economy, income, tax policy

Papers and Comments

A. Dunaeva Moscow province police at the beginning of the XIX c.: service conditions and financial position 80

Anastasiya Yu. Dunaeva – post-graduate student of the department of Modern history of Russia of Institute for History and Archives RSUH
dunaeva07@mail.ru

The article is dedicated to the service conditions in the Moscow police department at the beginning of XX c. – the salaries and material maintenance. The author stresses that the lacks of the maintenance and logistics of police have lowered efficiency of the struggle against revolutionary movement.

Moscow, police, salary, maintenance, logistics, revolutionary movement

The Anti-Bolshevik Russia

G. Ioffe (Canada) The Revolutionary: Life and death of Boris Savinkov 87

Genrikh Z. Ioffe – doctor of History, the associate editor of “Novyi Zhurnal” (New York)
ioffe@videotron.ca

The new work of the famous historian covers the life of legendary Russian revolutionary Boris Savinkov, his political views, his role in organization of socialist-revolutionary party's terror against Russian autocracy, his participation in constructing of democratic Russia in 1917, his struggle against Bolshevik regime.

B. Savinkov, socialist-revolutionary party, revolutionary terror

S. Karpenko “To take bribes now – means to sell Russia”: the state system and bureaucracy of general Vranghel's dictatorship 98

Sergei V. Karpenko – candidate of History, senior lecturer of the department of Contemporary history of Russia of Institute for History and Archives RSUH
skarpenk@mtu-net.ru

The article is focused on the activity of the state system of general P. Vranghel's dictatorship in 1920, causes laws of its decay and corruption, the reasons of low effectiveness of its activity, its negative influence on reformation policy of P. Vranghel and A. Krivoshein's government.

P. Vranghel, A. Krivoshein, White movement, bureaucracy, corruption

Ju. Kalugin The bloody Easter: the case of Cossack Senin 113

Juriy G. Kalugin – film director, member of Union of Cinematographers and journalist, senior lecturer of S.-Petersburg Cinema and TV University
tat66360700@yandex.ru

The essay is devoted to the fate of Don Cossack A. Senin, who took part in assassination of the leader of the Don Soviet Republic F. Podtelkov. A. Senin fought against bolshevism in Don region during the period of the Civil War in Russia and aftermath.

The Civil War, Don Region, Cossacks, anti-bolsheviks movement

A. Novikov V.M. Chernov and emigres of the Socialist Revolutionary Party in the beginning of 1920s 118

Aleksandr P. Novikov – candidate of Philosophy, senior lecturer of the department of Sociology of Saratov State Technical University
novikov@rol.ru

The article deals with the formation and activities of Russian emigres of Socialist Revolutionary Party in the beginning 1920s, it analyzes the basic political trends, which were within their environment. The special attention is paid to the description of political and ideological activities of V.M. Chernov, the leader and theorist of the Socialist Revolutionary Party, who tried to unite socialist revolutionary emigres on the basis of the party platform adopted by IV Party Congress.

V.M. Chernov, the Socialist Revolutionary Party, anti-bolshevik emigration

P. Alipov Historian M.I. Rostovtsev: the emigre's scientific success 128

Pavel A. Alipov – post-graduate student of the department of History and theory of historical science of Institute for History and Archives RSUH
palipov@mail.ru

The article is dedicated to the life and the works of the outstanding Russian historian of antiquity M.I. Rostovtsev. The object is his scientific activity before and after the emigration from Russia. The famous ideas formulated by him in the USA have their foundation in Russian period of his scientific biography.

M.I. Rostovtsev, ancient civilizations, investigations of the ancient history, theory of cycles, historiography myth

Landmarks in Human History

L. Taimasova “The Case of Bomelius” 134

Liudmila J. Taimasova – the fellow-applicant of the General History department of Tver State University, Intern of the European Division of the Library of Congress (USA), the writer
taimassova@yandex.ru

The article contains the result of independent study of biographical database of British physician E. Bomelius and two of his colleagues, R. Standish and R. Reynolds, who visited Russia between 1557 and 1575. Everyone had some problems with debt or law. No one had a license permitted practicing in England, or medical experience, but all of them had received excellent recommendations and played marked role at the Court of Ivan the Terrible.

E. Bomelius, Ivan the Terrible, Moscovy Company, Anglo-Russian relations, medicine

Book Reviews

V. Teterin New stage in studying of government bodies of Mordovia in post-soviet “sovereignty” 143

Viktor V. Teterin – post-graduate student of the department of History of state and public organizations of Institute for History and Archives RSUH
teter@mail.ru

The author gives the critical analysis of the monograph «On a threshold of reforms: the socio-political life of Mordovia in first half 1990th years» / by Konichenko Z.D., Jurchenkova V.A. (Saransk, 2006) in a context of a current historiography situation, considers the evolution of political system of Mordovia at the end of 1990's and the beginning of 2000's.

Mordovia, post-soviet Russia, sovereignty, government bodies, democratization

Научное издание

**Новый
исторический вестник**

Компьютерная верстка В.В. Машко

Лицензия ИД №00843 от 25.01.2000
Свидетельство о регистрации СМИ №77-7347
от 19 февраля 2001 г.
Гигиенический сертификат №515204 от 28.06.2002
Подписано в печать 24.03.2009
Формат 60x90/16
Гарнитура Times New Roman
Печать офсетная. Усл. печ. л. 10
Тираж 1500 экз.

Издательство Ипполитова
117513, Москва, Ленинский пр-т, д. 135, корп. 2
Телефон: (495) 970-72-63
E-mail: nivestnik@yandex.ru
Сайт: www.nivestnik.ru

Подписной индекс
по каталогу «Роспечати»: 36574